

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2025

3 (65)

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

3 (65) 2025
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

3 (65) 2025
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Воронин Анатолий Николаевич, *заместитель главного редактора*, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Терентий Ливви Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения, факультет лингвистики и межкультурной коммуникации Одинцовский филиал МГИМО МИД России, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета им. У. Жанибекова, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алмаев Николай Альбертович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, Москва (Россия)

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН, Москва (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закревич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Павлова Наталия Дмитриевна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, Москва (Россия)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов, Уфимский университет науки и технологий, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Рудакова Александра Владимировна, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, (Россия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Anatoly N. Voronin, *Deputy editor*, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, Tver (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, Odintsovo branch of MGIMO University, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, U. Zhanibekov South Kazakhstan Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Scientific Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Nikolay A. Almaev, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Andrey A. Grigoriev, Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, Moscow (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoria L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Olga A. Melnichuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of French Philology Department, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalia D. Pavlova, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Ufa University of Science and Technology, Ufa (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Alexandra V. Rudakova, Doctor of Philology, Voronezh State University, Voronezh, (Russia)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

К 90-ЛЕТИЮ Ю.Н. КАРАУЛОВА

Бубнова И.А. (<i>Москва, Россия</i>) Специфика современной языковой личности в историко-этнической перспективе: психолингвистический ракурс.....	10
Ма Цзинян (<i>Циндао, Китай</i>), Ружицкий И.В. (<i>Москва, Россия</i>) Концепция языковой личности Ю.Н. Караулова в современной китайской лингвистике.....	21
Шапошникова И.В. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Системогенез языковой личности: к вопросу о едином фундаменте для общей теории языка и педагогики профессионального развития лингвиста.....	32

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Афиногенова В.А. (<i>Москва, Россия</i>) Тактики речевой провокации в условиях опосредованного взаимодействия с собеседником.....	48
Гридина Т.А., Коновалова Н.И. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Рецептивные и ономазиологические практики в коммуникативной деятельности младших школьников с общим недоразвитием речи.....	60
Гух Ж.К., Кустова М.В. (<i>Сыктывкар, Россия</i>) Эмоциональный концепт ANGST/СТРАХ: субъективированное содержание константы немецкой культуры.....	74
Соколова Д.А. (<i>Ярославль, Россия</i>) Нейропсихолингвистические паттерны творческого дискурса при эпилепсии: экспериментальное исследование текстов Ф.М. Достоевского.....	86

Трибуна молодых ученых

Артемьева П.П. (<i>Москва, Россия</i>) Фон как фактор, влияющий на восприятие поликодового текста малого формата....	108
Чан Тяньчжо (<i>Москва, Россия</i>) Психолингвистический подход к изучению языковой картины мира на материале русского и китайского языков.....	118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всероссийская научная конференция с международным участием « Русская языковая личность в межнациональном общении ».....	130
Международная научно-практическая конференция « Язык. Культура. Коммуникация ».....	133
XI Всероссийская научная конференция « Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка ».....	135
Международная научная конференция « Психолингвистические аспекты исследования речевой деятельности »	137
Хуан Тяньдэ. Идеи российской психолингвистики в Китае: распространение, применение и развитие. – М.– Ярославль: Издательство «Канцлер», 2025. 198 с.....	139

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления и предоставления рукописи в журнал.....	140
--	-----

ON THE 90TH ANNIVERSARY OF YU.N. KARAULOV

Bubnova I.A. (*Moscow, Russia*)
 The specifics of modern linguistic personality in the historical and ethnic perspective: the psycholinguistic view..... 10

Ma Jingyang (*Qingdao, China*), **Ruzhitsky I.V.** (*Moscow, Russia*)
 The theory of linguistic personality of Yuriy N. Karaulov in modern Chinese science of language..... 21

Shaposhnikova I.V. (*Novosibirsk, Russia*)
 Systemogenesis of language personality: Towards the issue of a common foundational basis for a general theory of language and pedagogy of professional linguistics..... 32

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Afinogenova V.A. (*Moscow, Russia*)
 Tactics of speech provocation in mediated interaction with interlocutor..... 48

Gridina T.A., Konovalova N.I. (*Yekaterinburg, Russia*)
 Receptive and onomasiological practices in the communicative activities of primary school children with general speech underdevelopment..... 60

Gukh Zh.K., Kustova M.V. (*Syktvykar, Russia*)
 The emotional concept ANGST/FEAR: Subjectified content of a German cultural constant..... 74

Sokolova D.A. (*Yaroslavl, Russia*)
 Neuropsycholinguistic patterns of creative discourse in epilepsy: an experimental study of F.M. Dostoevsky's texts..... 86

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

Artemeva P.P. (*Moscow, Russia*)
 Background as a factor influencing the reception of small-format polycode text..... 108

Chang Tianzhuo (*Moscow, Russia*)
 A psycholinguistic approach to the study of the linguistic worldview in Russian and Chinese languages..... 118

SCIENTIFIC LIFE

All-Russian Scientific Conference with International Participation "**Russian Linguistic Personality in Interethnic Communication**"..... 130

International Scientific and Practical Conference "**Language. Culture. Communication**"..... 133

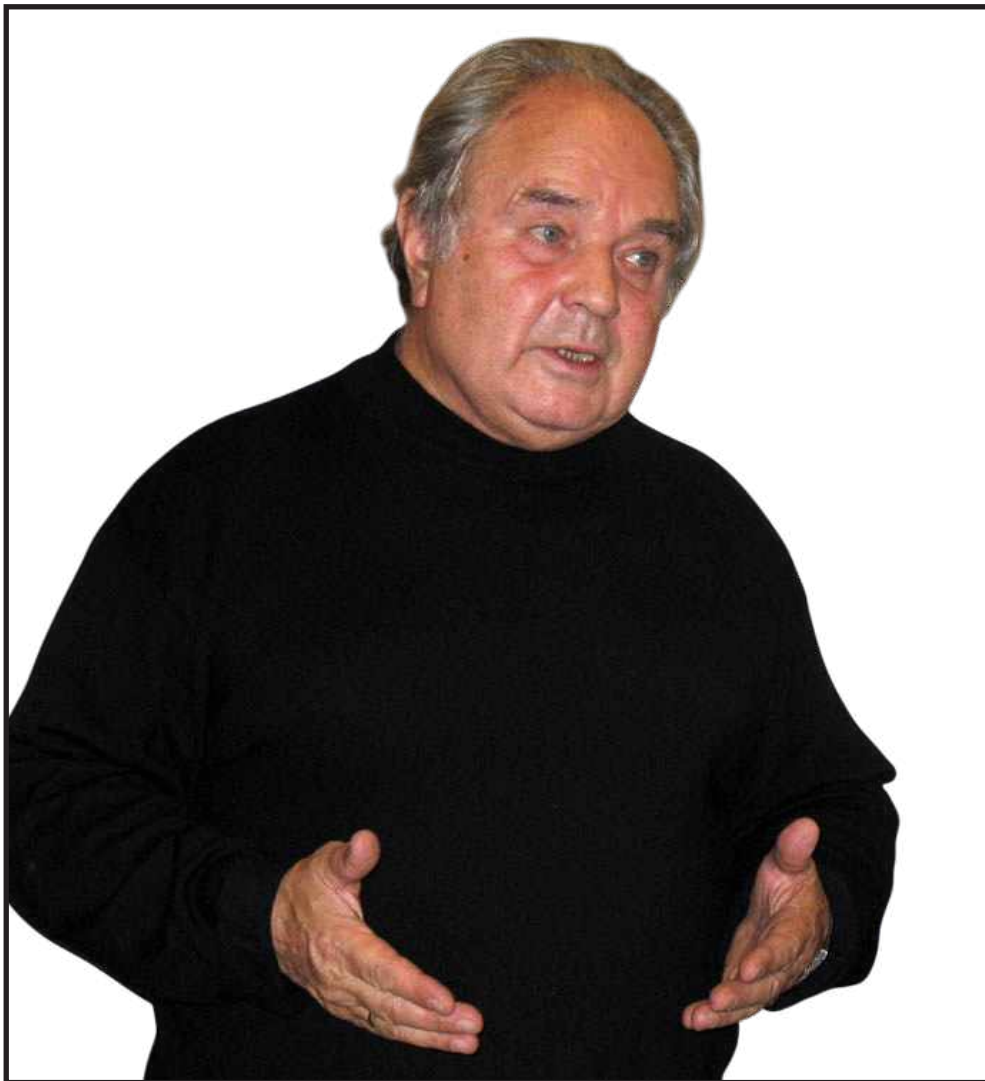
The 11th All-Russian Scientific Conference "**Sternin Readings: Meaning as a Phenomenon of the Current Linguistic Consciousness of a Native Speaker**"..... 135

International Scientific Conference "**Psycholinguistic Aspects of Speech Activity Research**" 137

Huang Tiande. Ideas of Russian Psycholinguistics in China: Dissemination, Application and Development. – Moscow – Yaroslavl: Kancler, 2025. 198 p..... 139

INFORMATION

Manuscript Submission Requirements..... 140

Юрий Николаевич Караулов
(26 августа 1935, Подольск — 5 мая 2016, Москва)

Советский и российский лингвист, специалист в области общего и русского языкознания, лексикологии и лексикографии, прикладной лингвистики.

Доктор филологических наук, член-корреспондент РАН (1991; член-корреспондент АН СССР с 29 декабря 1981 года по Отделению литературы и языка).

Лауреат Государственной премии СССР (1991) и Премии Президента РФ в области образования (2003).

26 августа 2025 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Юрия Николаевича Караулова. К сожалению, уже девять лет его нет с нами. И хотя его основные научные интересы не всегда вписывались в проблематику Московской психолингвистической школы, мы бесконечно благодарны Юрию Николаевичу за многолетнее сотрудничество по созданию Русского ассоциативного словаря, работа над которым дала начало развитию, с одной стороны, ассоциативной лексикографии, а с другой – теории языкового сознания как реального образа мира. Вместе с Юрием Николаевичем мы получили за эту работу Премию Президента РФ.

Общение с Юрием Николаевичем научило нас многому. Он был удивительно стойким, неустрашимым и благородным человеком, увлеченным и бесконечно преданным своему делу независимо от должности, которую занимал, постоянным генератором новых идей.

Его теория языковой личности успешно прижилась и в отечественной психолингвистике, о чем свидетельствуют большие научные конференции, ежегодно проводимые Институтом филологии Сибирского отделения Российской академии наук совместно с Новосибирским государственным университетом.

Много лет сотрудники отдела психолингвистики Института языкознания РАН входили в состав научной школы «Русская языковая личность», которой руководил Ю.Н. Караулов, в последние годы – вместе с Н.В. Уфимцевой.

Научное наследие Юрия Николаевича Караулова огромно и еще не до конца освоено.

Вечная и благая Вам память, дорогой Юрий Николаевич!

Московские психолингвисты

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ РАКУРС

Бубнова Ирина Александровна
Одинцовский филиал МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу исследований языковой личности как историко-этнической категории, ведущихся в рамках отечественной психолингвистики. Демонстрируется, что историко-этнический подход позволяет объяснять как содержание и динамику языкового сознания, определяемые культурными факторами, так и изменения форм всех психических процессов, которые имеют универсальный, не зависящий от этнической принадлежности характер. Особое внимание уделяется проблеме функциональной неграмотности: доказывается, что основной причиной разнообразных речевых нарушений, фиксируемых в настоящий момент, является трансформация «жизненных отношений» (в которых функционирует современный социальный субъект), непосредственно связанная с конкретными социально-экономическими условиями.

Ключевые слова: языковая личность, историко-этническая категория, языковое сознание, речевые нарушения, «жизненные отношения», социально-экономические условия

Введение

Более сорока лет назад основатель советской теории речевой деятельности А.А. Леонтьев, акцентируя необходимость разработки методологии историко-психологического исследования личности, подчеркивал, что единственную возможность понять специфику личностно-смысловых образований человека, живущего в определенном обществе и в конкретной исторической обстановке, и раскрыть «именно особенности его личности, а не только систему значений, норм и установок человека той или иной эпохи» [Леонтьев 1981: 43] дает анализ исторической динамики социальных действий людей. А.А. Леонтьев указывал на то, что несмотря на существующие различия, все теории личности, развиваемые в рамках отечественной психологии, объединяются идеями:

- 1) социогенеза, т.е. социальной детерминированности личности и сознания;
- 2) историогенеза, понимания «личности как категории, исторически развивающейся; ее развитие отображает в снятом виде социально-экономическое развитие общества» [там же: 35];
- 3) конкретно-исторического подхода к личности, подразумевающего, что тот или иной психический склад детерминирован определенной социально-экономической

формацией, установившейся ступенью общественного развития и актуальными историческими обстоятельствами.

При этом он подчеркивает: «...эксперименты ставят под большое сомнение многие историко-психологические построения, основанные прежде всего именно на анализе данных языка, и вообще правомерность непосредственного обращения к фактам культуры для получения данных о психике человека» [там же: 38]. Особо отмечая, что понимание специфики человеческого ума, сознания личности требует обращения к деятельности, в которую включена личность, А.А. Леонтьев для подтверждения этой мысли обращается к фундаментальным исследованиям А.Р. Лурии, который экспериментально доказал, что «структура познавательной деятельности на отдельных этапах исторического развития не остается неизменной и что важнейшие формы познавательных процессов – в восприятие и обобщение, умозаключение и рассуждение, воображение и анализ своей внутренней жизни имеют исторический характер и меняются с изменением условий общественной жизни и овладением основами знаний» [Лурия 1997: 11], а «общественно-исторические сдвиги не только вносят в психический мир человека новое содержание, но и приводят к созданию новых форм сознательной деятельности, новых структур познавательных процессов» [там же: 12].

Подчеркнем, что говоря о необходимости исследования личности в исторической перспективе, А.А. Леонтьев ни в коей мере не отвергает этническую вариантность психических процессов, рассматриваемую им как первый уровень историко-этнической детерминации психики, но замечает, что в случае обобщения только этнических факторов без учета общих для многих этносов социально-исторических условий исследователь имеет дело исключительно со спецификой «национального характера» как некой внеисторической постоянной. Однако понимание того, что такое личность, по мнению автора, возможно только при изучении целостного индивида как историко-этнической категории, т.е. индивида, формирующегося в конкретно-исторической обстановке, включая влияние языка и культуры этноса, имеющих факультативный по отношению к определенной социально-экономической формации характер; данная формация в итоге и «определяет не просто различные варианты протекания тех или иных психических процессов, но некоторую с и с т е м у соотношения психических процессов, *характеризующую деятельность человека определенной эпохи и определенного этноса*» [там же: 39] [разрядка и курсив автора – И.Б.]

Намеченный А.А. Леонтьевым путь познания человека и его образа мира, специфичного для конкретного этноса и этапа социально-исторического развития, конца XX века последовательно реализуется в рамках отечественной психолингвистики, где активно и весьма плодотворно разрабатывается проблема языковой личности и содержания ее языкового сознания. Более того, как представляется, и новые, ранее не фиксируемые черты, характерные для языковой личности XXI века, выявляемые в ходе исследований в настоящее время, могут также получить непротиворечивое объяснение именно с психолингвистических позиций, так как в рамках этой парадигмы личность традиционно рассматривается не просто как историко-этнический субъект психических процессов, в сознании которого отражаются некие социальные явления, и не просто как социальный субъект, включенный в какую-то систему, но как субъект направленной деятельности, определяемой как внешними факторами, так и уровнем личностных смыслов, в значительной степени формирующихся под воздействием окружающей реальности.

Языковая личность как историко-этническая категория: психолингвистический ракурс исследований

Языковая личность (ЯЛ) – феномен, впервые упомянутый почти столетие назад в работах Лео Вайсгербера [Вайсбергер 2004] и В.В. Виноградова [Виноградов 1980] и получивший статус термина в 80-х годах XX века благодаря трудам Г.И. Богина [Богин 1980, 1982] и Ю.Н. Караулова [Караулов 1987], уже несколько десятилетий находится в фокусе внимания не только психолингвистики, но и целого ряда иных лингвистических направлений, что, в свою очередь, привело к появлению значительного числа новых трактовок языковой личности, фиксирующих интерес той или иной сферы науки к определенным аспектам исследования человека говорящего (см., например, [Воркачев 1996, Карасик 2001, 2003, Красных 2003, Нерознак 1996, Сентенберг 1994, Сусов 1989, Лингвоперсонология 2006 и т.д.]).

Однако с позиций психолингвистики полностью соответствующими психологической интерпретации понятия *личность* остаются формулировки, предложенные основателями теории языковой личности. Так, Г.И. Богин, отмечая, что ЯЛ есть «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1982: 1], «тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин 1980: 3], подчеркивает, что несмотря на наличие родовой способности быть языковой личностью, каждый индивид еще должен стать ею [там же]. Эта же мысль еще более четко отражена в определении ЯЛ, представленном в работах Ю.Н. Караулова, который, ставя акцент **на слиянии языковой личности как объекта исследования «с личностью в самом общем, глобальном социально-психологическом смысле**, что закономерно, поскольку по определению **языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык**, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987: 38] [выделено нами – *И.Б.*], пишет: «...языковой личностью можно называть совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [там же: 245].

Таким образом, языковая личность – это сложный и многоаспектный феномен; исследование продуктов ее речевой деятельности позволяет психолингвистам делать выводы не только о специфике языковых знаний, когнитивных процессов и ценностного плана сознания индивида, отражающихся в строении и наполнении его образа мира, но и о национально-этническом типе, характерном для определенного народа, объединенного общей историей и языком, хранящим его культуру.

Как и сама личность, понимаемая в общепсихологической теории деятельности как системное качество индивида, относительно устойчивая конфигурация «главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий» [Леонтьев А.Н. 1975: 82], определяемых включенностью в общественные отношения; сложная структура, которая «не есть простое биологическое единство» [Леонтьев А.Н. 1994: 195], но единство высшее, историческое (общественное) по своей природе, не данное изначально, а возникающее в ходе развития жизни человека [там же]; языковая личность не является врожденной характеристикой человека. Формируясь в социуме, она представляет

собой субъект разных видов социальной деятельности с характерной для данной исторической эпохи направленностью, а содержание ее языкового сознания, как и специфика процессов познания, с точки зрения историко-этнической перспективы есть порождение и проекция конкретных социально-экономических условий, переосмысленных на уровне индивидуальности. И если задача психологии, как пишет А.Н. Леонтьев, «требуется понять личность как психологическое новообразование, которое формируется в жизненных отношениях индивида» [Леонтьев А.Н. 1975: 172], то, соответственно, в рамках психолингвистических исследований фокус внимания сдвинут на фрагменты языкового сознания, отражающего эти «жизненные отношения», обусловленные современным социумом, государственными и общественными институтами, а также культурой как системой и особой средой, которые в совокупности в настоящий момент определяют динамику и своеобразие содержания структуры языковой личности и, таким образом, позволяют моделировать типичную личность нашего времени.

К настоящему времени исследования языковой личности с описанных позиций позволили получить значительный массив данных о специфике языкового сознания человека говорящего, детерминированного культурой [Уфимцева 2011, 2017, Уфимцева, Балясникова 2021, Гридина, Коновалова 2023 и др.], выявить смысловые акцентуации и доминанты русской языковой личности, модусы ее идентификации в современном мире [Шапошникова 2020], проследить динамику морально-нравственных и культурных ценностей в сознании разных поколений представителей русского лингвокультурного сообщества и показать различия между представителями разных этносов [Тарасов, Тарасова 1997, Уфимцева 2017, Гридина, Коновалова 2024, Цюй Юнь, Пищальникова 2024, Бутакова 2022, Бубнова 2021, Харченко, Ян Цзинь 2024 и др.], раскрыть специфику феномена вербальной креативности в процессе усвоения ребенком родного языка в доступных ему видах деятельности, продемонстрировав ассоциативную природу механизмов лингвокреативного мышления [Гридина 2018], обнаружить наличие архетипических представлений в языковом сознании, которые до настоящего времени остаются актуальными для носителя языка [Красных 2020].

Еще одно направление исследований языковой личности как историко-этнической категории в рамках психолингвистики нацелено на изучение ее новых характеристик, проявляющихся в речевой деятельности и в моделях поведения и отражающих, как свидетельствуют данные многочисленных научных работ, существенные количественные и качественные изменения всех психических процессов – мышления, памяти, восприятия, внимания, эмоциональных и волевых характеристик, происходящие в результате нейрофизиологического изменения мозга (см., например, [Функциональная неграмотность 2022]). Речь в этом случае идет, прежде всего, о феномене функциональной неграмотности (ФНГ), под которой «в общем смысле понимается неспособность человека, формально умеющего читать и писать, понимать и анализировать тексты, в том числе инструкции, вообще находить и продуцировать нужную в деятельности вербальную информацию» [там же: 5].

С точки зрения историко-этнического подхода к личности весьма значимым представляется тот факт, что для России проблема ФНГ долгое время оставалась неактуальной, хотя в западном научном сообществе она активно обсуждалась уже в 80-х годах прошлого столетия. Внимание отечественных исследователей этот феномен привлек только в конце первого десятилетия XXI века, когда неэффективность

мыслительной деятельности, отсутствие способности оперировать принципиально абстрактными вербальными знаками стала очевидной характеристикой значительного числа выпускников российских школ, обучавшихся по новым образовательным стандартам и сдававших ЕГЭ как форму итоговой аттестации. Таким образом, в отличие от уникальных черт, свойственных национальной языковой личности, функциональная неграмотность оказалась универсальным свойством, присущим современному человеку вне зависимости от его этнической принадлежности и места проживания, что позволяет говорить о ней как о психологическом качестве личности, формируемом не культурными стереотипами, которые «обеспечивают константность восприятия на уровне культуры как системы сознания, связанной с определенным этносом» [Уфимцева 2011: 208], а «жизненными отношениями», обусловленными социально-исторической формацией, а также видами и направленностью социальной деятельности.

Функциональная неграмотность как универсальная характеристика современной языковой личности с позиций социо- и историогенеза

Большинство исследователей феномена функциональной неграмотности отмечают, что одним из ее важнейших признаков является изменение параметров речевой деятельности, характер которой, по мнению В.А. Пищальниковой и Н.И. Степыкина, является «индикатором не только языковой компетентности индивида и степени овладения базовыми логическими операциями, но и маркером их изменения, а также показателем сформированности ряда когнитивных функций, позволяющих осуществлять эффективную социальную коммуникацию» [Пищальникова, Степыкин 2025: 45]. Авторы цитируемой работы подчеркивают, что высокий уровень языковой компетенции проявляется в экспериментах в ассоциативных реакциях синтагматического типа, свидетельствующих о реализации всех этапов порождения речи, тогда как появление топик-коммент структур и синтаксических примитивов в ответах участников указывает на деструкции механизмов производства речи. Именно этот последний тип реакций, как было зафиксировано в ходе проведенного ими анализа типов речевой деятельности по данным отечественных ассоциативных словарей, разделенных временными промежутками в несколько десятилетий, резко увеличился и стал доминирующим в XXI столетии, что позволило исследователям сделать вывод об устойчивой тенденции к распаду целостного механизма предцифрования или, иными словами, «о снижении уровня владения языком и неспособности значительной части населения выполнять виды неалгоритмической текстовой деятельности – функциональной неграмотности» [там же: 58].

Примечательно, что полученные В.А. Пищальниковой и Н.И. Степыкиным результаты коррелируют со статистическими данными о росте числа детей с общим недоразвитием речи. Так, еще в 2016 году специалисты отмечали, что в начальной школе количество детей с речевыми нарушениями достигло 50% (в советской школе оно не превышало 5%) [Борисова, Налбандян 2016: 125], причем уже в то время спектр фиксируемых речевых дефектов был не просто очень широк, но представлял собой целый комплекс различных расстройств, ведущих к развитию интеллектуального отставания [там же], к ослаблению всех когнитивных функций, прежде всего, способности к абстрактному мышлению.

Представляется, что диагностируемые в настоящий момент речевые нарушения у школьников, которые непосредственно связаны со спецификой организации мыслительных процессов [Гридина, Коновалова 2016, Функциональная неграмотность 2022], являются прямым результатом своеобразных «жизненных условий» их развития в раннем возрасте и в значительной степени обусловлены погружением ребенка практически с младенчества в виртуальную реальность, заменяющую сегодня огромному числу детей и книгу, и живое общение. Как отмечают западные ученые, вследствие детства, проведенного у экранов, «все больше подростков, представителей цифрового поколения, страдают потерей памяти, расстройством внимания, когнитивными нарушениями, подавленностью и депрессией, низким уровнем самоконтроля. <...> в мозгу этих пациентов наблюдаются изменения, схожие с теми, что появляются после черепно-мозговой травмы или на ранней стадии деменции – слабоумия, которое обычно развивается в старческом возрасте» [Стрельникова 2014]. Не вызывает сомнений, что этот фактор оказывает огромное влияние и на формирование у ребенка «внутреннего языка в системности его элементов и связей, встроенных в функционирование живого, чувствующего человеческого организма, взаимодействующего со средой (во всем многообразии ее проявлений)» [Функциональная 2022: 151], а также навыков чтения и письма – важнейших для развития языковой личности навыков, «поскольку в процессе научения чтению и письму формируются важные переносимые навыки и происходит дальнейшее развитие и становление важнейших психических процессов: познавательных (ощущение, восприятие, представление, воображение, память, мышление, внимание, речь, рефлексия), эмоциональных (аффекты, эмоции, чувства, настроения) и волевых (мотивация, постановка цели, принятие решения)» [там же: 151].

В контексте нашей работы ключевым является то обстоятельство, что многообразные признаки функциональной неграмотности в разных возрастных группах, свидетельствующие о нарушении когнитивных функций личности, стали массово фиксироваться отечественными специалистами в начале XXI столетия. Иными словами, они проявились через десятилетие после смены социально-исторической формации в России и, соответственно, изменения социальных действий людей, представляющих собой, с одной стороны, способ существования и функционирования социального субъекта [Вебер 1990], регулирующийся ценностно-нормативной системой, доминирующей в социуме и управляющей поведением человека [Сорокин 2006], а, с другой, – общественно-значимые единицы макроструктуры всей человеческой деятельности, состоящей из отдельных ее видов, различающихся мотивами, достигаемыми посредством действий, подчиняющихся конкретным сознательным целям, реализация которых позволяет осуществить некую общую цель [Леонтьев А.Н. 1975].

Ключевой целью установившейся в России с конца XX века новой историко-социальной формации стало формирование нового типа личности – «потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими» [Цит. по: Ильинский 2011: 8]. Поставленная задача повлекла за собой кардинальное изменение образовательной системы: одним из первых решений Правительства РФ, принятых еще в 1992 году, было изъятие воспитательной функции; колмогоровская реформа, направленная на повышение качества знаний учащихся,

прежде всего, в сфере естественных наук, была заменена на подготовку к ЕГЭ; в высшей школе были введены новые образовательные стандарты. Знания перестали рассматриваться как ценность, на их место пришли «компетенции», «индивидуальные траектории», всеобщая цифровизация образования, причем проекты по внедрению систем на базе искусственного интеллекта и в настоящее время активно поддерживаются государством.

Другими словами, личность, ее «жизненные отношения», благодаря новым социальным действиям, кардинально изменились, и уже через десять лет после начала реформ это, как отмечает И.М. Ильинский, отразилось в психологическом портрете «среднестатистического молодого человека нынешней России. Портрет этот выглядит так: уверенный в себе оптимист, ярко выраженная индивидуальность, коммуникабельный, старающийся быть активным и бескорыстным. На первый взгляд получается неплохо... Но при этом – не всегда честный; скорее жадный, чем щедрый; скорее жестокий, чем сострадающий; чаще проявляющий злость, чем доброжелательность. Иными словами, лидирующими чертами молодежи являются отрицательные качества – равнодушие, злость, хамство, зависть, лень, жадность, а среди всех этих отрицательных психологических характеристик выше всех, на первом месте – эгоизм. Так считают 58% опрошенных студентов и школьников» [Ильинский 2011: 6].

Выводы, сделанные в 2011 году, подтверждаются и результатами более поздних исследований языковой личности, выполненных в психолингвистической парадигме: в центре внимания современного индивида находится *семья, жизнь, здоровье, материальное благополучие*, т.е. те ценности, которые значимы лично для себя [Карта ценностей [http](http://)], а в подавляющем большинстве случаев «Регулятором поведения человека в ситуации выбора, прежде всего, является прагматическая оценка всех обстоятельств и стремление к собственному комфорту и безопасности <...> Чувства и даже жизни других людей часто рассматриваются в критических ситуациях как “фон” по отношению к своей “фигуре”», а «нравственный идеал, закрепленный в русской культуре, для части людей теряет отчетливость и уже не всегда может служить ориентиром для принятия решений» [Бубнова, Горохова 2025: 30, Карта ценностей [http](http://) и др.].

Таким образом, если рассматривать функциональную неграмотность как «специфику ума» типичной личности современного представителя российского социума, отраженного в содержании сознания языковой личности нашего времени с точки зрения социогенеза и историогенеза, то все ее характеристики, предпочитаемые модели поведения, своеобразие протекания психических процессов являются логичным результатом определенных социальных действий и проекцией конкретных социально-экономических условий, отрефлексированных индивидом.

В целом современная личность со всеми ее особенностями сформирована условиями общественной жизни, доминирующей в обществе системой культуры, системой образования, как и распространяемыми через средства массовой коммуникации, кино, художественную литературу, науку, интернет-сообщества и т.д. различными идеями, т.е. самой реальностью, которая до последнего времени контролировалась глобализационными процессами и задавала «вполне конкретную мотивацию деятельности человека – «постепенное, но полное приятие современных “западных

ценностей” и идеалов потребительского общества» [Функциональная неграмотность 2020: 5].

Заключение

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что изучение языковой личности как историко-этнической категории с позиций психолингвистики позволяет выявлять как устойчивые черты национального характера, способствующие сохранению национального типа, так и то ее содержание, которое детерминировано общественно-историческими сдвигами, обуславливающими особенности отдельных психических процессов и познавательной деятельности в целом.

А если принимать во внимание, что изменения, происходящие в стране, требуют более точных знаний о процессах, происходящих в психике человека на всех уровнях – отдельных психических свойств или функций; системы усвоенных индивидом социальных значений; системы личностно-смысловых образований как движущей силы «социальных действий» (по А.А. Леонтьеву), то научная и практическая значимость исследований языковой личности в описанном ракурсе, как представляется, будет только расти.

© Бубнова И.А., 2025

Литература

- Богин Г.И.* Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.
- Богин Г.И.* Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 31с.
- Борисова В.В., Налбандян О.Г.* Информационная система «Речевые технологии» как эффективный инструмент диагностики и коррекции речевых нарушений детей младшего возраста // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 12-14 мая. Москва, МГУ, 2016. С. 125–127.
- Бубнова И.А.* Ценности и образ будущего поколения Z: специфика системы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 269–278. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278
- Бубнова И. А., Горохова Д.В.* Как связаны добро и зло, или Меняется ли нравственный идеал русской культуры? // Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110). С. 25–31.
- Бутакова Л.О.* Слова с ценностной семантикой в языковом сознании представителей поколения Y // Вестник РУДН. Семиотика. Семантика. Vol. 13 No. 4 С. 665–683. <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics> DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-665-683
- Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа: Пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС. 2004. 232 с.
- Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука. 1980. 360 с.
- Воркачев С.Г.* Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 16–25.

Гридина Т.А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. 272 с.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Диагностика грамматикословообразовательных умений детей с общим недоразвитием речи как основа коррекционной работы // Специальное образование. 2016. № 2. С. 39–50.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Динамика языкового сознания в свете лексикографических данных и эргономий // Филологический класс. 2023. Т. 28, № 4. С. 323–336. DOI 10.26170/2071-2405-2023-28-4-323-336.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Модели номинации образовательных учреждений в свете ценностных ориентиров современного общества // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 55–63. DOI 10.18384/2949-5008-2024-2-55-63.

Ильинский И.М. Воспитание в индивидуализированном обществе // Российское общество. 2011. №4. С. 3–8.

Карасик В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура: Материалы 3-й Междунар. науч. конф. Ч. 2. Тамбов, 2001. С. 98–101.

Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура», Москва, 17–21 сентября 2003 г.: Тез. докл. М., 2003. С. 362–363.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.

Карта ценностей. URL: <https://linguanet.ru> (дата обращения: 13.05.2025).

Красных В.В. «Свой» среди чужих: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

Красных В.В. Архаические слои сознания современной языковой личности (на примере базовой метафоры ЖИДКОСТЬ) // Вопросы психолингвистики. 2020 №3 (45). С. 70–84

Леонтьев А.А. Личность как историко-этническая категория // Советская этнография. 1981. № 3. С. 35–44.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1994. 287 с.

Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностноориентированное обучение: Монография / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. 435 с.

Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов: экспериментально-психологическое исследование // Психологическая наука и образование. 1997. №4. С. 5–17.

Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. С. 112–116.

Пицальникова В.А., Степыкин Н.И. Изменение характера предикции в речевом действии: экспериментальное исследование. Научный диалог. 2025. 14(3). С. 43–61. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61>

Сентенберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994. С. 14–25.

- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
- Стрельникова Л.* Цифровое слабоумие // *Химия и жизнь*. 2014. № 12. URL: <https://hi-j.ru/read/5210/> (дата обращения 28.08.2025).
- Сусов И.П.* Личность как субъект языкового общения // *Личностные аспекты языкового общения*. Калинин, 1989. С. 9–16.
- Уфимцева Н.В.* Содержание ценности «Жизнь» в языковом сознании при межкультурном сопоставлении *Вопросы психолингвистики*, № 4(34). 2017. С. 116–123.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 251 с.
- Уфимцева Н.В.* Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания Уфимцева Н.В. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, издательство. Изд-во РУДН (М.), 2017. Т. 8. № 32. С. 146–156.
- Уфимцева Н.В., Балясникова О.В.* Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю.Н. Караулова // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 238–254. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-254.
- Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. Монография / Под ред. В.А. Пищальниковой / Пищальникова В.А., Степыкин Н.И., Бубнова И.А., Адамова З.Г., Мягкова Е.Ю., Кружилина Т.В., Бутакова Л.О. М.: «Р. Валент», 2022. 216 с.
- Харченко Е.В., Ян Цзинь.* Образ героя в картине мира носителей русской и китайской лингвокультуры // *Лингвистика и образование*. 2024. Т. 4. № 2 (14). С. 100–112.
- Цюй Юнь, Пищальникова В.А.* Отражение культурных ценностей в китайской коммерческой рекламе // *Этнопсихолингвистика*. 2024. № 1 (16). С. 7–19.
- Шапошникова И.В.* Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен – 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК. 2020. 336 с.

Сведения об авторе:

Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Одинцовского филиала Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Контактная информация:

143005, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3.
ORCID: 0000-0002-1024-600X
e-mail: aribubnova@gmail.com

Для цитирования:

Бубнова И.А. Специфика современной языковой личности в историко-этнической перспективе: психолингвистический ракурс // *Вопросы психолингвистики*. 2025. №3(65). С. 10–20, doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-10-20

UDC 81'23

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-10-20

Review article

**THE SPECIFICS OF MODERN LINGUISTIC PERSONALITY
IN THE HISTORICAL AND ETHNIC PERSPECTIVE:
THE PSYCHOLINGUISTIC VIEW**

Irina A. Bubnova

The Odintsovo Branch of MGIMO University
Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the analysis of research on linguistic personality as a historical and ethnic category conducted within the framework of Russian psycholinguistics. The approach is shown to be able to explain both the content and dynamics of linguistic consciousness determined by cultural factors, as well as the changes in all mental processes that are universal, regardless of ethnicity. A particular attention is paid to the problem of functional illiteracy; it is proved that various speech disorders are often caused by a change in the “life relations” in which a modern social subject functions, which is directly related to specific socio-economic conditions.

Keywords: linguistic personality, historical and ethnic category, linguistic consciousness, speech disorders, “life relations”, socio-economic conditions

© **Bubnova I.A., 2025**

Binotes:

Irina A. Bubnova – Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, The School of Linguistics and Cross-Cultural Communication, The Odintsovo Branch of MGIMO University

Contact information:

3, Novo-Sportivnaya Ul., Odintsovo, Moscow Oblast, Russia, 143007

ORCID: 0000-0002-1024-600X

e-mail: aribubnova@gmail.com

For citation:

Bubnova I.A. The specifics of modern linguistic personality in the historical and ethnic perspective: The psycholinguistic view // Journal of Psycholinguistics. 3(65), 2025. P. 10–20. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-10-20 (In Russian)

КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Ю.Н. КАРАУЛОВА В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ¹

Ма Цзинян

Китайский нефтяной университет (Хуадун),
Циндао, Китайская народная республика

Ружицкий Игорь Васильевич

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена обзору работ китайских лингвистов, в которых в том или ином виде используются идеи Ю.Н. Караулова, изложенные им в первую очередь в монографии «Русский язык и языковая личность» (первое издание – 1987 г.). Основная задача, таким образом, заключается в том, чтобы дать общее представление об областях китайской лингвистики, главным образом русистики, где так или иначе задействована концепция языковой личности. Описываются возможные методы изучения и реконструкции языковой личности, обозначаются трудности, связанные с интерпретацией используемых в данной теории терминологии, даются ответы на критику самой концепции. Указываются факторы, в силу которых концепция Ю.Н. Караулова приобрела популярность в китайском языкознании. К таким факторам в первую очередь относится междисциплинарный характер концепции и системный характер самой предлагаемой модели. Анализ работ китайских лингвистов и специалистов в области лингводидактики показал несомненный интерес как к теоретическим основам концепции языковой личности, так и, вероятно, даже в большей степени, к возможностям ее практического применения. Выделяются следующие направления изучения языковой личности в китайском языкознании: рассмотрение самой концепции языковой личности и истории ее создания; языковая личность и межкультурная коммуникация; изучение языковой личности автора художественного текста и персонажей литературного произведения; языковая личность в конкретном дискурсе; использование категории «языковая личность» в лингводидактике; языковая личность каких-либо социальных групп; прецедентный текст в структуре языковой личности и др. Делается вывод о том, что концепция языковой личности обладает большим теоретическим и лингводидактическим потенциалом.

Ключевые слова: Юрий Николаевич Караулов, концепция языковой личности, современная китайская лингвистика, теоретическое и прикладное значение теории языковой личности

¹ Данная работа выполнена при финансовой поддержке исследовательского проекта группы молодых преподавателей высших учебных заведений провинции Шаньдун (Китай) на тему: «Исследование национального характера русского народа в контексте философии сверхчеловека» (№ проекта: 2024КЖЕ004).

Введение. Ведущая научная школа Юрия Николаевича Караулова «Русская языковая личность»

Научные интересы Ю.Н. Караулова были в первую очередь связаны с теорией создания идеографических словарей, исследованием семантических и ассоциативных полей, а также с авторской лексикографией. Кроме того, Ю.Н. Караулова можно по праву считать основателем концепции языковой личности (далее – ЯЛ), получившей в конце XX – начале XXI вв. широкое распространение не только в России, но и во всем мире, в том числе и в Китае. Теория базируется на идее о том, что для познания языковой системы необходимо выйти за ее пределы, привлечь данные и использовать методы психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики и других находящихся на периферии классического языкознания наук. Такой подход позволяет говорить о возможностях изучения ЯЛ, структуру которой представляют три уровня – лексико-грамматический, или собственно языковой; когнитивный, тезаурусный, или уровень языковой картины мира, отражающий знания человека; мотивационный, или прагматический уровень, включающий в себя цели, мотивы, интересы, творческие потенции человека, оценки и интенциональности, проявляющиеся в речевой деятельности.

Одно из направлений исследования ЯЛ – анализ ассоциативных реакций на различные языковые феномены. Этот метод нашел отражение в «Русском ассоциативном словаре» и в «Ассоциативной грамматике русского языка», его цель – реконструкция ассоциативно-вербальной сети, с одной стороны, уникальной для каждой ЯЛ, с другой стороны, содержащей универсальную составляющую, характерную для того или иного языкового и культурного сообщества. Об универсальной составляющей можно говорить и при сравнении ассоциативных реакций носителей других языков и культур. Так возникает идея построения сравнительных ассоциативных словарей – русского и других языков, которую разрабатывал Ю.Н. Караулов.

Другой метод исследования ЯЛ заключается в конструировании словаря языка писателя, он нашел отражение в последнем масштабном научном проекте Ю.Н. Караулова – создании лексикографической серии «Словарь языка Достоевского», прежде всего ее базового словаря – «Идиоглоссария Достоевского» (подробнее см. [Коробова, Ружицкий, Шепелева 2020: 53–69]).

Говоря о теории ЯЛ, следует, на наш взгляд, принимать во внимание, в частности, следующие моменты:

1. Термин «языковая личность» не был придуман Ю.Н. Карауловым, впервые это сочетание использовал Й.Л. Вайсгербер в книге «Родной язык и формирование духа» (1929), а идея К. Фосслера, исследовавшего как индивидуальный стиль писателя, так и коллективный «дух» народа, «дух, живущий в речи» [Vossler 1925: 208–209; 216–217], в свою очередь повлияла на взгляды В.В. Виноградова, выделявшего два основных свойства ЯЛ – способность к развитию и возможность быть как коллективной, так и индивидуальной [Виноградов 1980]. Первое свойство ЯЛ стало исходным положением в лингводидактической концепции ЯЛ Г.И. Богина [Богин 1982], оказавшей непосредственное влияние на Ю.Н. Караулова, для которого главным стало второе обозначенное В.В. Виноградовым свойство ЯЛ (отсюда и введение Ю.Н. Карауловым в научный обиход понятия «общерусский языковой тип» [Караулов 1987]). Существуют, несомненно, и другие источники возникновения концепции ЯЛ

(об этом см., например, [Ружицкий 2021]). Сказанное представляется важным прежде всего потому, что все попытки критики термина «языковая личность», связываемого в первую очередь с именем Ю.Н. Караулова, как и создание какой-то новой терминологической парадигмы – «коммуникативная личность», «речевая личность», «орфографическая языковая личность», «грамматическая языковая личность», «фонетическая языковая личность» и др. – представляются нам мало перспективными. Впрочем, «замыливание» какого-либо понятия в языкознании – достаточно часто встречающийся феномен, так происходило с терминами «метафора», «концепт», «прецедентный текст» и многими другими.

2. Встречается также и полное отрицание самого направления, изучающего ЯЛ, т.е. определения личности как «языковой»: «личность не может быть не языковой», «нет завершенной типологии ЯЛ» и т. п. (В.Л. Краев, В.А. Чудинов и др.). Тем не менее очевидно, что, например, книги о личности Петра Первого и о языковой личности Петра Первого будут совершенно различного содержания. Что касается «отсутствия типологии ЯЛ», то в эпилоге к книге «Русский язык и языковая личность» Ю.Н. Караулов пишет: «Перечень не рассмотренных здесь проблем мог бы расти, и именно большой объем несделанного оставляет автору надежду, что эта книга привлечет внимание к затронутой теме и стимулирует научный поиск, результаты которого могут стать основой нового синтеза знаний о русском языке» [Караулов 2004: 259]. Модель языковой личности – это отнюдь не какой-то замкнутый конструкт, но система открытая, и Ю.Н. Караулов всегда только приветствовал как развитие самой идеи о ЯЛ, так и возможные споры, возникающие вокруг нее, если, конечно, в этих спорах приводились хоть какие-нибудь аргументы.

Концепция ЯЛ Ю.Н. Караулова оказала и продолжает оказывать несомненное влияние на российскую и мировую лингвистику и лингводидактику. В языкознании вообще за последние десятилетия было создано не так уж много хоть сколь-нибудь значимых концепций такого уровня. На базе теории ЯЛ сформировалась ведущая научная школа «Русская языковая личность», объединившая ученых самых разных направлений (в настоящее время школой руководит Н.В. Уфимцева). Возникла самостоятельная дисциплина – лингвоперсонология, объектом изучения которой стала ЯЛ. Ниже речь пойдет о том, какое развитие данная теория получила в китайском языкознании.

Развитие идеи о языковой личности в китайской лингвистике и лингводидактике

С момента выхода в свет книги Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [1987] описанная в ней концепция ЯЛ быстро привлекла к себе внимание многих российских лингвистов и преподавателей родного и иностранного языка. Первым она дала возможность расширить горизонты лингвистики, выйти за рамки системно-структурного изучения языка в области тезауруса, знаний о мире и лингвистической прагматики в самом широком ее понимании. Внедрение же концепции ЯЛ в лингводидактику явилось развитием популярной в педагогике идеи о важности личностно-ориентированного обучения, отхода от чисто лингвистического описания и преподавания языка, от учета не только отношений «язык ↔ система», но также «язык ↔ текст» и «язык ↔ способность»: за любым текстом стоит его автор, человек, личность. Этим же она, по всей видимости, заинтересовала и китайских исследователей.

В китайской лингвистике и лингводидактике к концепции ЯЛ Ю.Н. Караулова стали обращаться главным образом в начале XXI века, что, как нам представляется, обусловлено преимущественно расширением научного и учебного сотрудничества между Китаем и Россией. Можно констатировать тот факт, что в настоящее время лингвоперсоналогия является неотъемлемой составляющей в подготовке китайских филологов-русистов, переводчиков и специалистов в области теории и практики межкультурной коммуникации.

Интересен тот факт, что для китайских лингвистов не составило никакой сложности подобрать эквивалент термину «языковая личность», который, как известно, в некоторых случаях довольно сложно перевести на другие языки, например, на английский. В научной литературе мы можем встретить такие варианты – *language personality*, *linguistic personality*, *linguistic identity*, *linguistic persona* и др. Последний нам кажется наиболее удачным – хотя бы потому, что он уже задействован в англоязычной лингвистике и антропологической лингвистике. С переводом на немецкий язык все намного проще – используется вариант, предложенный Й.Л. Вайсгербером, введшим его в научный обиход, – *sprachliche Persönlichkeit*. Китайский эквивалент понятия «языковая личность» – 语言个性 – был предложен Чжао Айго в работе «Теория языковой личности и ее изучение» [Чжао 2003], и этот фактически дословный вариант перевода стал самым общеупотребительным в китайском языкознании. Кроме того, Чжао Айго в своей статье первым из китайских лингвистов систематически изложил основные положения теории ЯЛ Ю.Н. Караулова, описав трехуровневую структуру ЯЛ и дав краткую характеристику каждого уровня, изучение которых возможно только междисциплинарным путем.

Предложенный Чжао Айго эквивалент термина «языковая личность» в дальнейшем был использован другими китайскими исследователями. Так, Чжан Тунфан в статье «Анализ особенностей политического стиля речи в рамках теории языковой личности» использует вариант 语言个性 при анализе русского политического дискурса. Сун Лина, Фань Тао и др. в своих работах придерживаются такой же терминологии [Сун 2016; Фань 2017]. Тем не менее следует отметить, что в некоторых статьях и диссертациях анализируется возможность использования других вариантов перевода термина «языковая личность» на китайский язык, например, 言语个性. Такой перевод по смыслу больше соответствует значению сочетаний «речевая личность» и «речевая индивидуальность», что подчеркивает ориентацию на характеристику языковой деятельности индивида в конкретных коммуникативных ситуациях. Например, Чэ Линь в статье «Исследование перевода кинодиалогов с позиции теории языковой личности» переводит термин «языковая личность» именно как 言语个性 с целью подчеркнуть особенности ЯЛ, раскрывающиеся в диалоге [Чэ 2012].

Помимо этого, встречается также перевод 集体语言个性 или 群体语言个性 (коллективная / групповая ЯЛ) для описания языковых особенностей определенных социальных или профессиональных групп. Например, Чжан Янань в диссертации «Языковая личность в контексте межкультурной коммуникации (на примере русского языка)» использует эти варианты перевода, чтобы проанализировать формирование коллективной ЯЛ в условиях межкультурной коммуникации [Чжан 2013]. В целом же можно констатировать, что перевод термина «языковая личность» как 语言个性 является наиболее распространенным, в то же время 言语个性 служит в основном для

разграничения синонимичных значений, а 集体语言个性 / 群体语言个性 применяется в определенных областях исследований, связанных с анализом коллективных, групповых, языковых характеристик.

Необходимо добавить, что при толковании термина «языковая личность» китайские ученые нередко сопоставляют это понятие в трактовке Ю.Н. Караулова с точкой зрения В.В. Виноградова, Г.И. Богина, В.В. Красных, А.В. Пузырева, О.Н. Шевченко, других советских и российских лингвистов. Подчеркивается, например, то, что В.В. Виноградов рассматривал ЯЛ прежде всего через ее связь с лингвопоэтикой и литературной нормой; Г.И. Богин определял ЯЛ как совокупность языковых способностей, обуславливающих создание и восприятие текста; В.В. Красных делает упор на когнитивно-коммуникативной природе ЯЛ, соотнося это понятие с национально-культурной спецификой языковой картины мира; А.В. Пузырев и О.Н. Шевченко трактуют ЯЛ как комплексную систему, в которой взаимодействуют языковые, психологические и социальные компоненты, определяющие индивидуальное говорение [Хэ 2015: 14–15]. Хэ Сюйхун отмечает, что, по сравнению с другими подходами к ЯЛ, теория Ю.Н. Караулова отличается четкой структурой и оригинальной постановкой задач – в первую очередь в силу того, что ее автор предложил модель, являющуюся не просто описанием уровней языковых способностей, но также инструментом познания языковой картины мира, системы ценностей и мотивов, определяющих человеческие поступки. К тому же Ю.Н. Караулов выделяет две основные исследовательские задачи – 1) систематизация психологических характеристик личности и определение их связи с речевой готовностью; 2) изучение исторической эволюции ЯЛ, описание структуры типичной ЯЛ разных эпох с учетом не только особенностей лексикона, но и единиц других уровней ЯЛ. В результате делается заключение о том, что концепция Ю.Н. Караулова более системна по сравнению с другими подходами к определению категории ЯЛ [там же: 15–16].

Сун Шуфан в статье «Краткое обсуждение ключевого понятия современной лингвистики “языковая личность”» рассмотрела связанные с понятием «языковая личность» термины – «человек говорящий» и «субъект речи», уточнив и расширив при этом, как ей представляется, его содержание [Сун 2016]. Цзян Хун и Чжан Линьвэнь в статье «Теория языковой личности Ю.Н. Караулова и ее основные идеи» системно проанализировали историю создания теории ЯЛ Ю.Н. Караулова, ее развитие, философский базис и структуру. Ученые отметили, что ЯЛ представляет собой многоуровневый конструкт, являющийся своего рода связующим звеном между языком и сознанием, индивидуумом и обществом, личностью и этносом [Цзян, Чжан 2024].

В большинстве работ китайских лингвистов и специалистов в области лингводидактики теория ЯЛ Ю.Н. Караулова применяется к анализу различного рода языкового материала – типов дискурса и текста. При этом в первую очередь принимается во внимание трехуровневое строение ЯЛ. Популярным также является изучение прецедентного текста как единицы либо когнитивного, либо прагматического уровня структуры ЯЛ. Например, Лань Ин на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» провела комплексный анализ ЯЛ автора на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и прагматическом уровнях. В своем исследовании Лань Ин опиралась на анализ частотности ключевых слов, использования литературных приемов и т.д., что позволило выявить индивидуальные особенности

лексикона писателя. Авторский замысел при этом определялся посредством поиска мифологических элементов и многочисленных отсылок к прецедентным текстам в романе. В результате были сделаны выводы о субъективных и объективных факторах формирования авторской ЯЛ [Лань 2019].

Лю Я также опирался на трехуровневую модель ЯЛ Ю.Н. Караулова, но уже для анализа особенностей ЯЛ, реализуемых в бизнес-дискурсе. На материале бизнес-переговоров был проведен анализ «человека в языке» и «человека в коммуникации». Автор уточнил понятие «бизнес-дискурс», выделил его главные характеристики и рассмотрел специфику ЯЛ в условиях делового общения [Лю 2013]. Ли Сяндун, в свою очередь, определил константные элементы русской ЯЛ на разных уровнях ее структуры на материале русских народных сказок [Ли 2012].

Китайские лингвисты периодически отмечают, что теория ЯЛ Ю.Н. Караулова обладает не только высокой познавательной, но и практической ценностью. Четко структурированная модель ЯЛ позволяет на различных классификационных основаниях систематизировать языковые факты, выявлять индивидуальные особенности субъекта речи и связывать их с мировоззрением, культурными ценностями и национальной спецификой [Хэ 2015]. Кроме того, она дает теоретическую базу для успешного проведения межкультурной коммуникации [Чэ 2012], открывает новые возможности для анализа художественного текста [Лан 2019], политического дискурса [Чэн 2020; Цзян 2014] и др. Концепция ЯЛ, несомненно, имеет большое значение для практики перевода [Цзян, Ли 2014; Сюй 2021] и лингводидактики [Ли 2011; Сун 2005]. Изучение ЯЛ помогает познать специфику языковой картины мира, сформировать у учащихся не только языковые, но и культурные знания, лучше понять особенности речевого поведения и выбрать наиболее адекватные средства коммуникации [Лю 2020].

В целом подходы к теории ЯЛ Ю.Н. Караулова в Китае характеризуются тематическим разнообразием и междисциплинарным рассмотрением языковых явлений. На основе анализа имеющихся работ китайских лингвистов можно выделить следующие главные направления изучения ЯЛ:

(1) ЯЛ и межкультурная коммуникация: формирование и проявление ЯЛ в условиях межъязыкового и межкультурного взаимодействия [Ян 2016; Цзян 2013; Чжан 2013; Мэн 2012];

(2) изучение ЯЛ персонажей литературных произведений или их авторов: русских народных сказок [Ли 2012]; М.А. Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита») [Лан 2019]; женских образов (на материале романа «Казус Кукоцкого» Л.Е. Улицкой* (признана иностранным агентом)) [Цзяо 2023] и др.;

(3) анализ ЯЛ в конкретном дискурсе: в русском диалогическом деловом дискурсе [Лю 2013]; в политическом и официально-деловом дискурсе (выступления В.В. Путина, М.В. Захаровой, доклад о работе правительства России и т.д.) [Чэн 2020; Чжан 2017; Фан 2017; Сун 2016; Лу 2015; Цзян, Ли 2014];

(4) ЯЛ в педагогической практике, в первую очередь в лингводидактике, в частности, в методике преподавания русского языка как иностранного [Ли 2011; Сун 2005 и др.];

(5) анализ коллективной ЯЛ: каких-либо социальных групп, например, представителей молодого поколения, использующих сленг [Ян 2018; Хань 2015], профессиональных и др. сообществ, к примеру, русских хоккеистов [Чжан 2020] и т.д.;

(6) прецедентный текст в структуре ЯЛ [Лю 2003], роль прецедентных текстов в формировании культурных концептов [Лю 2012] и др.;

(7) связь структуры ЯЛ с особенностями национального менталитета [Ли 2024];

(8) ЯЛ как инструмент анализа и интерпретации перевода, в частности, при исследовании репрезентации индивидуальных речевых черт в переводе кинодиалогов, поэтических текстов классической китайской литературы (сунских цы и др.), в определении переводческих единиц [Сюй 2021; Лян 2016; Чэ 2012] и др.

Заключение

Обозначенные выше направления изучения ЯЛ свидетельствуют о том, что концепция ЯЛ Ю.Н. Караулова воспринимается в Китае как своего рода универсальный метод. Ее использование при анализе особенностей художественного, политического, делового и др. текстов не только обогащает теоретическую базу лингвистики, но также имеет большую практическую ценность. Хотелось бы тем не менее высказать если не уверенность, то скромную надежду на то, что концепция ЯЛ Юрия Николаевича Караулова получит должное описание и практическое применение не только в китайской лингвистике, лингводидактике и переводческой деятельности, но и послужит стимулом для создания оригинальных отечественных теорий.

© Ма Цзинян, Ружицкий И.В., 2025

Литература

Богин Г.И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982. 36 с.

Виноградов В.В. О художественной прозе // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 56–283.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 4-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.

Коробова М.М., Ружицкий И.В., Шепелева С.Н. Последний проект Юрия Николаевича Караулова (Идиоглоссарий Достоевского: как все начиналось) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3(45). С. 53–69.

Лань Ин. Анализ языковой личности М.А. Булгакова на примере романа «Мастер и Маргарита»: Дисс. ... магистр филол. наук. Ляонин, 2019. 109 с. (蓝莹. 布尔加科夫语言个性分析—以《大师和玛格丽特》为例. 辽宁大学硕士学位论文, 2019).

Ли Сяндун. Теория языковой личности и практика преподавания иностранных языков // Преподавание русского языка в Китае. 2011. № 2(30). С. 62–67 (李向东. 语言个性理论与外语教学实践 // 中国俄语教学. 2011. № 2(30). С. 62–67).

Ли Сяндун. Языковая личность в русских народных сказках // Изучение иностранных языков. 2012. № 6. С. 41–45 (李向东. 俄罗斯民间故事中的语言个性 // 外语研究. 2012. № 6. С. 41–45).

Ли Цзе. Краткое исследование понятия ‘разум’ с лингвокультурологической точки зрения // Преподавание русского языка в Китае. 2024. Т. 43. № 2. С. 27–37 (李洁. “心智”的语言文化研究浅论 // 中国俄语教学. 2024. Т. 43. № 2. С. 27–37).

Лу Чжихуэй. Анализ оценочных фразеологизмов в публичных выступлениях В.В. Путина с точки зрения языковой личности: Дисс. ... магистр филол. наук. Шэньсий, 2015. 93 с. (鹿志辉. 语言个性视角下普京公共演讲中评价性成语分析. 陕西师范大学硕士学位论文, 2015).

Лю Хун. Феномен прецедентных имен в преподавании иностранных языков // Иностранные языки и их преподавание. 2003. № 11. С. 22–26 (刘宏. 外语教学中的先例名现象 // 外语与外语教学. 2003. № 11. С. 22–26).

Лю Хун. К вопросу о формировании культурных представлений и использовании прецедентных текстов // Иностранные языки и их преподавание. 2012. № 5. С. 44–48 (刘宏. 试析文化观念的形成与先例文本的使用 // 外语与外语教学. 2012. № 5. С. 44–48).

Лю Я. Анализ языковой личности в диалогах делового русского языка: Дисс. ... магистр филол. наук. Цзилинь, 2013. 45 с. (刘亚. 商务俄语对话语篇的语言个性分析. 东北师范大学硕士学位论文, 2013).

Лян Цзяньбин. Исследование текста как единицы перевода в трансформации литературных текстов с позиции теории языковой личности: Дисс. ... магистр филол. наук. Шэньси, 2016. 71 с. (梁建冰. 语言个性理论视角下语篇作为文学文本转换中的翻译单位问题研. 陕西师范大学硕士学位论文, 2016).

Мэн Шу. О коммуникативных способностях студентов колледжа, владеющих вторым языком, в межкультурной коммуникации // Общественные науки Внутренней Монголии. 2012. Т. 33. № 6. С. 161–165 (孟殊. 论跨文化交际中大学生的第二语言个性传媒能力 // 内蒙古社会科学 (汉文版). 2012. Т. 33. № 6. С. 161–165).

Ружицкий И.В. О некоторых истоках возникновения концепции языковой личности Ю.Н. Караулова // Языковая личность в зеркале интерпретационных исследований: к 85-летию со дня рождения Ю.Н. Караулова: Монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. С. 19–28.

Сун Лина. Исследование языковой личности президента России В.В. Путина на основе анализа политического дискурса: Дисс. ... магистр филол. наук. Пекин, 2016. 76 с. (宋丽娜. 俄罗斯总统普京的语言个性研究—基于普京政治话语材料的分析. 北京外国语大学硕士学位论文, 2016).

Сунь Шуфан. Краткое обсуждение ключевого понятия современной лингвистики «языковая личность» // Исследования русской филологии и культуры. 2016. Т. 54. № 4. С. 1–7 (孙淑芳. 简论现代语言学的核心概念“语言个性” // 俄罗斯语言文学与文化研究. 2016. Т. 54. № 4. С. 1–7).

Сунь Юйхуа. Теория языковой личности и преподавание русского языка // Первая китайско-тайваньская конференция по преподаванию и исследованию русского языка. Сямэнь, 2005. С. 9, 22–30 (孙玉华. 语言个性理论与俄语篇章教学 // 中国首届“海峡两岸俄语教学与研究学术讨论会”. 中国厦门. С. 9, 22–30).

Суй Минчжэнь. Сравнительное исследование русских переводов поэзии сунского периода с позиции теории языковой личности: Дисс. ... магистр филол. наук. Шэньси, 2021. 83 с. (续明珍. 语言个性理论视角下宋词俄译本对比研究. 陕西师范大学硕士学位论文, 2021).

Фань Тао. Анализ языковой личности в русском политическом дискурсе: Дисс. ... магистр филол. наук. Цзилинь, 2017. 78 с. (范陶. 俄语政治语篇的语言个性分析. 东北师范大学硕士学位论文, 2017).

Хань Сюэли. Лингвокультурологический анализ современного русского молодежного сленга: Дисс. ... магистр филол. наук. Хубэй, 2015. 62 с. (韩学力. 俄罗斯现代青年俚语的语言文化学分析. 华中师范大学硕士学位论文, 2015).

Хэ Суйхун. Истоки и развитие теории языковой личности в русском языкознании // Филологический журнал. Проблемы обучения иностранным языкам. 2015. № 3. С. 14–16 (何旭红. 俄语语言个性理论的源流与发展 // 语文学刊·外语教育教学. 2015. № 3. С. 14–16).

Цзян Хун, Чжан Линьвэнь. Теория языковой личности Ю.Н. Караулова и ее основные идеи // Преподавание русского языка в Китае. 2024. Т. 43. № 3. С. 11–20 (姜宏, 张凌闻. 卡拉乌洛夫的语言个性理论及其核心理念 // 中国俄语教学. 2024. Т. 43. № 3. С. 11–20).

Цзян Ямин. Проблема языковой личности в исследованиях межкультурной коммуникации в России // Преподавание русского языка в Китае. 2013. Т. 32. № 2. С. 8–12 (姜雅明. 俄罗斯跨文化交际研究中的语言个性问题 // 中国俄语教学. Т. 32. № 2. С. 8–12).

Цзян Ямин, Ли Мэня. Проблема языковой личности в политическом дискурсе при переводе с китайского языка на иностранный: на примере русского перевода «Отчета о работе правительства» // Исследования по переводу с китайского языка на иностранные языки. 2014. Т. 2. С. 2–14 (姜雅明, 李梦雅. “中译外” 政治语篇中的语言个性问题 – 以政府工作报告俄译本为例 // 中译外研究. 2014. Т. 2. С. 2–14).

Цяо Пэн. Языковая личность женских персонажей в романе Л.Е. Улицкой* (признана иностранным агентом) «Казус Кукоцкого»: Дисс. ... магистр филол. наук. Шаньдун, 2023. 86 с. (乔鹏. 乌利茨卡娅《库克茨基医生的病案》中女性人物的语言个性. 山东师范大学硕士学位论文, 2023).

Чжан Жубин. Исследование языковой личности российских хоккеистов: Дисс. ... магистр филол. наук. Цзилинь, 2020. 73 с. (张如冰. 俄罗斯男子冰球运动员的语言个性研究. 东北师范大学硕士学位论文, 2020).

Чжан Тунфан. Анализ особенностей политического стиля речи в рамках теории языковой личности // Исследования по иностранным языкам Северо-Восточной Азии. 2017. Т. 5. С. 45–49 (张彤芳. 语言个性理论框架下俄政论语体的特点分析 // 东北亚外语研究. 2017. Т. 5. С. 45–49).

Чжан Янань. Языковая личность в контексте межкультурной коммуникации (на примере русского языка): Дисс. ... магистр филол. наук. Чанчунь, 2013. 41 с. (张雅楠. 跨文化交际视域下的语言个性—以俄语为例. 长春工业大学硕士学位论文, 2013).

Чжао Айго. Теория языковой личности и ее исследование // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2003. № 12. С. 11–14 (赵爱国. 语言个性理论及其研究 // 外语与外语教学. 2003. № 12. С. 11–14).

Чэ Линь. Исследование перевода кинодиалогов с позиции теории языковой личности // Киноведение. 2012. № 21. С. 72–74 (车琳. 语言个性理论视角下的电影对白翻译研究 // 电影评介. 2012. № 21. С. 72–74).

Чэнь Вэньцянь. Языковая личность официального представителя МИД РФ Марии Захаровой: Дисс. ... магистр филол. наук. Цзилинь, 2020. 57 с. (陈文倩. 俄罗斯外交部发言人扎哈罗娃的语言个性研究. 东北师范大学硕士学位论文, 2020).

Ян Тинвэнь. Языковая личность и молодежный сленг в современной России: Дисс. ... магистр филол. наук. Шаньдун, 2018. 69 с. (杨婷雯. 当代俄罗斯青年俚语及其使用者的语言个性. 山东师范大学硕士学位论文, 2018).

Ян Хайюнь. Теория языковой личности и развитие межкультурной коммуникативной компетенции // Исследования по иностранным языкам Северо-Восточной Азии. 2016. Т. 4. № 3. С. 14–18 (杨海云. 语言个性理论与跨文化交际能力的培养 // 东北亚外语研究. 2016. Т. 4. № 3. С. 14–18).

Vossler, K. Geist und Kultur in der Sprache. Heidelberg: Carl Winter, 1925. S. 208–209; 216–217.

Сведения об авторах:

Ма Цзинян – кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка Института иностранных языков Китайского нефтяного университета (Хуадун)

Контактная информация:

266580 Китай, г. Циндао, район Хуандао, ул. Чанцзян Си, д. 66

ORCID: 0009-0005-8133-7805

e-mail: majingyang@mail.ru

Ружицкий Игорь Васильевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Контактная информация:

119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

ORCID: 0000-0002-1097-4998

e-mail: konnitie@mail.ru

Для цитирования:

Ма Цзинян, Ружицкий И.В. Концепция языковой личности Ю.Н. Караулова в современной китайской лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2025. №3(65). С. 21–31, doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-21-31

UDC 81-119

LBC 81-9

DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-21-31

Research article

**THE THEORY OF LINGUISTIC PERSONALITY
OF YURIY N. KARAULOV IN MODERN CHINESE SCIENCE OF LANGUAGE²**

Ma Jingyang

China university of Petroleum (East China), Qingdao

Igor V. Ruzhitskiy

The V.V. Vinogradov Russian Language Institute RAS,
Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the works of Chinese linguists, in which, in one respect or another, the ideas of Yu.N. Karaulov, stated primarily in his monograph “Russian Language and Linguistic personality” (first edition – 1987), are used. Thus, the main task is to give a general idea of the fields of Chinese linguistics, mainly Russian language and culture studies, where the concept of linguistic personality is somehow involved. The article describes possible methods of studying and reconstructing linguistic personality, indicates

² This work was carried out with the financial support of a research project of a group of young teachers of higher educational institutions of Shandong Province (China) on the topic: “Study of the national character of the Russian people in the context of the philosophy of the superman” (project No.: 2024KJE004).

the difficulties which are connected with the interpretation of the terminology used in this theory, answers the criticism of the concept itself. The article shows the factors why the concept of Yu.N. Karaulov has become so popular in Chinese linguistics. Such factors primarily include the interdisciplinary nature of the concept and the systemic nature of the proposed model itself. The analysis of the works of Chinese linguists and specialists in the field of linguadidactics showed their undoubted interest both in the theoretical foundations of the concept of linguistic personality and, perhaps to a greater extent, in the possibilities of its practical application. The areas of linguistic personality studying in Chinese linguistics are highlighted, i.e.: the analysis of the concept of linguistic personality and the history of its creation; linguistic personality and intercultural communication; the study of linguistic personality of the author and of the characters of a literary work; linguistic personality in the concrete discourse; the use of the category “linguistic personality“ in linguadidactics; linguistic personality of any social groups; precedent text in the structure of linguistic personality, etc. The article concludes that the concept of linguistic personality has great theoretical and linguadidactical potential.

Keywords: Yuriy N. Karaulov, the theory of linguistic personality, modern Chinese linguistics, theoretical and practical value of the theory of linguistic personality

© Ma Jingyang, Ruzhitskiy I.V., 2025

Bionotes:

Ma Jingyang – Ph.D. in Philology, Lecturer at the Faculty of Russian Language School of Foreign Languages, China university of Petroleum

Contact information:

66, Changjiang West Road, Huangdao District, Qingdao, Shandong, China, 266580

ORCID: 0009-0005-8133-7805

e-mail: majingyang@mail.ru

Igor V. Ruzhitskiy – Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

Contact information:

18/2, Volkhonka st., Moscow, Russia, 119019

ORCID: 0000-0002-1097-4998

e-mail: konnitie@mail.ru

For citation:

Ma Jingyang, Ruzhitskiy I.V. The theory of linguistic personality of Yuriy N. Karaulov in modern Chinese science of language // Journal of Psycholinguistics. 3(65), 2025. P. 21–31. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-21-31 (In Russian)

**СИСТЕМОГЕНЕЗ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: К ВОПРОСУ О ЕДИНОМ
ФУНДАМЕНТЕ ДЛЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ПЕДАГОГИКИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТА**

Шапошникова Ирина Владимировна

Институт филологии СО РАН

Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье утверждается тезис о том, что изучение *системогенеза языковой личности* создает единый фундамент как для общей (синтезирующей) теории языка, так и для педагогики профессионального развития лингвиста. В современных условиях профессиональная деятельность лингвиста востребована в широком междисциплинарном поле, где решаются прикладные задачи, требующие опоры на знания онтологии языка во всех гранях его функционирования. Изучение жизни языка в его *системной целостности* невозможно без обращения к вопросам *регуляции* доминантных для жизнедеятельности человека речемыслительных процессов *на функционально-смысловой основе*. Сама природа этих процессов, в свою очередь, порождает потребность в *динамических моделях* описания онтологии языка, которые показали бы картину его многогранного функционирования *в процессе становления и развития*, с учетом общих закономерностей его *вариативности* на фоне *историко-культурной и социо-коммуникативной детерминированности*. В отечественной (советской и российской) психологии и психолингвистике созданы все необходимые предпосылки для такого движения науки о языке и человеке. Автор показывает, что основной вклад отечественной науки в развитие общей теории языка заключается в *творческом переосмыслении антиномий* (дихотомий) Соссюра и его последователей. Так, вскрывая так называемые «черные ящики» между индивидом и обществом, синхронией и диахронией, внутренним и внешним, языком и речью, языком и мышлением, ученые не только обнаружили *взаимосоздающие развитие друг друга*, перетекающие друг в друга *сущности*, но и сумели объяснить онтологию этих процессов. Личность, будучи достоянием индивида и одновременно категорией социальной, представляет собой точку концентрации («сборки») интегративных процессов. Это позволяет автору статьи утверждать, что системогенез языковой личности можно рассматривать как Ариаднину нить в разработке теории языка и построении тематических блоков соответствующего учебного курса. В междисциплинарном исследовательском плане системогенез языковой личности представляет собой стержневую проблему, интегрирующую в себе все грани жизни языка, и может рассматриваться в качестве *ведущей единицы анализа целостного процесса онтологии языка как достояния человека*, единицы («доли» в терминах Л.С. Выготского), в которой отражены свойства целого. Выдвинутые ранее в динамических моделях Л.С. Выготского единицы анализа речемыслительной деятельности – значение слов и переживание (среды) сопрягаются в системогенезе языковой личности, открывая интегративный гносеологический ракурс изучения онтологии языка.

Ключевые слова: системная целостность, динамические модели, единицы анализа онтологии языка как достояния человека, системогенез языковой личности, функционально-смысловая регуляция, общая теория языка и профессиональная подготовка лингвиста

«Часто приходится говорить о единстве личности и среды, о единстве психического и физического развития, о единстве речи и мышления. Что значит реально в теории и в исследовании подойти к изучению какого-нибудь единства и всех свойств, которые присущи этому единству как таковому? Это означает нахождение всякий раз ведущих единиц, т.е. нахождение таких долей, в которых соединены свойства единства как такового» [Выготский 2024: 828].

Введение

Автор обращается к системогенезу языковой личности, поскольку знания об этом феномене и сознательное включение этих знаний в профессиональную подготовку лингвистов могут дать единый фундамент и для разработки общей теории языка, востребованной в широком междисциплинарном контексте, и для профессиональной подготовки лингвиста. Чем обусловлена такая постановка вопроса? Прежде всего, состоянием российского общества в первой четверти XXI века, общества, пережившего утрату идеологических рамок советского времени, получившего новый опыт межэтнических и междисциплинарных контактов, сохраняющего живое ощущение динамики новой самоорганизации в условиях информационно-технологических инноваций революционного плана, военных конфликтов и противодействия терроризму. Особой жизнестойкости требует противостояние человеконенавистническим антисистемным идеологиям неонацизма, расчеловечиванию, выпадению человека из культуры и реальности, что в значительной мере обусловлено манипуляциями его сознанием, а потому, как у исследователя, так и учителя, востребованы знания о работе субъективного фактора (сознания, речемыслительной деятельности человека). Все это ставит конкретные задачи для науки сообразно потребностям нашего многонационального государства-цивилизации, которое нацелено на сотрудничество и развитие в новых геополитических обстоятельствах. Кроме того, современная лингвистика (как и другие научные отрасли) переживает своего рода кризис, который вызван предшествовавшим ее современному состоянию развитием узко ориентированных на какие-то аспекты относительно автономных отраслей, плохо согласующих свои результаты друг с другом. Похоже, что запрос на общую (интегративную, «синтезирующую», в противовес многочисленным «аспектирующим» подходам) теорию языка созревает и озвучивается не только самими лингвистами, но и представителями смежных отраслей, которые так или иначе работают с вербальным материалом и нуждаются в понимании закономерностей функционирования «языка в человеке». (См. приглашения к дискуссии на эту тему в [Караулов 1987; 2010; Мельников 2003; Зубкова 2016; Кошелев 2013; 2015; 2017; Шапошникова 2020; 2023] и др.).

Где искать Ариаднину нить для систематики знаний в общей теории языка? Многие уже достигнуто в этом направлении отечественной наукой прошлого века, которая и заложила фундамент для поиска новых решений, предлагая *системно-динамические модели* познания субъективных процессов, которые отражают

регуляцию на функционально-смысловой основе. Благодаря этому в настоящее время в системе подготовки лингвиста (как, впрочем, и филолога) мы можем обратиться к онтологической целостности и системности объекта изучения, преодолевая избыточность аспектирующих форматов. Концепция системогенеза языковой личности, интегрирующая системную динамику разных граней жизни языка человека, с нашей точки зрения, должна быть поставлена в центр изучения онтологии языка, как, впрочем, и сознания человека. На фоне развития технических систем так называемого «искусственного интеллекта» (ИИ) возрастает потребность в такой системе подготовки лингвиста, которая давала бы нам представление о целостности языка как объекта изучения, его системности и пластичности, субъектности его носителя – человека. Иначе говоря, возрастает потребность в *системно-динамических моделях*, которые, учитывая *функционально-смысловую регуляцию* живого языка, позволяют описать *целостный объект как феномен*, доступный для рассмотрения *в разных системах координат в процессе его изменения*. Вместе с тем, некоторые энтузиасты и адепты ИИ вбрасывают тезис об избыточности профессий переводчика и даже преподавателя в эпоху внедрения ИИ, а морально-нравственный аспект проблемы, связанный с фальсификацией знаний при включении ИИ в научно-образовательный процесс, недооценивается или вообще не принимается во внимание. Однако укоренение человека в своей культуре может дать только преподаватель, живой носитель этой культуры, он же управляет и систематикой знаний. Таким образом, роль преподавателя в условиях применения ИИ, наоборот, возрастает.

Но на какие знания может опереться сам преподаватель? Какими смыслами и категориями будет оперировать его профессиональная личность? Личность – категория социальная. Системогенез языковой личности – центральное для онтологии языка понятие в структуре знаний лингвиста, системно вырастающее из научных знаний о *речемыслительной способности человека*, его *речемыслительной деятельности*, специфики *вербальной коммуникации вида Homo sapiens*, которая в норме регулируется на *функционально-смысловой основе* сообразно смысловым установкам и *доминантам родной для этой личности культурной среды*.

Тематические блоки в структуре базовых знаний лингвиста в свете концепции системогенеза языковой личности

Если рассматривать университетскую общетеоретическую профессиональную подготовку лингвиста как своего рода «зону ближайшего развития» (ныне широко известный термин, который Л.С. Выготский использовал при разработке проблемы диагностики развития ребенка) в профессии, то стержневое, основополагающее знание «на вырост» в соответствии с логикой обретения человеком языка и сознания дает *онтолингвистика*. Фундамент этого научного направления заложен в российской психологии и психолингвистике Л.С. Выготским, который ввел единицы анализа сознания и заложил основы для методики анализа *высших психических функций человека в процессе их становления*. Развивая мысль о единстве внутреннего и внешнего, речи и мышления, личности и среды, Л.С. Выготский берет за основу изучение таких «долей» единого процесса, как *значение слова*. «Так как всякое значение слова есть обобщение, то оно является продуктом интеллектуальной деятельности ребенка. Таким образом, значение слова – единица речи и мышления, далее неразложимая» [Выготский 2024: 829]. Для изучения сознания в единстве личности и среды вводится единица, которая «имеет биосоциальную ориентировку» – *переживание*. «Оно есть что-то, находящееся

между личностью и средой, означающее отношение личности к среде, показывающее, чем данный момент среды является для личности. ...среда определяет развитие ребенка через переживание среды. ...ребенок есть часть социальной ситуации, отношение ребенка к среде и среды к ребенку дается через переживание и деятельность самого ребенка; силы среды приобретают направляющее значение благодаря переживанию ребенка» [Выготский 2024: 829–830].

Если следовать логике Л.С. Выготского, онтолингвистику следует рассматривать как *динамическую модель целостного процесса развития ребенка и его языка*. В ее основе ряд принципов, которые описывались Л.С. Выготским в терминах системности и структурности, исходя из понимания того, что психические функции (восприятие, память, мышление, внимание, речь, воображение) постоянно находятся в определенной взаимосвязи и иерархии, причем в разные возрастные периоды их иерархия и взаимодействие выглядят по-разному. Вся концепция Л.С. Выготского пропитана интенцией *функционально-смысловой регуляции процессов детского развития*. При этом структура сознания к концу каждого возрастного периода перестраивается, отсюда и *отношения между знаком и значением также различны* на разных ступенях в жизни ребенка. Таким образом, Л.С. Выготский ставит вопрос о «реорганизации самого процесса развития», а динамика процесса осмысливается им через аппарат описания, включающий в себя *центральные и побочные* линии развития в каждый возрастной период, *новообразования* каждого возраста, *социальную ситуацию развития*, которая меняется в каждом возрасте. Каждый относительно стабильный возрастной период описывается и через сопоставление с кризисами, которые неизбежны и вмещают в себя перестройку социальной ситуации развития, негативные явления разрушения отжившей системы как условия для новой социальной ситуации, определяющей предстоящий новый стабильный возрастной период. Ключевое понятие «зона ближайшего развития ребенка» направлено на поиск источников развития ребенка, важнейшим из которых является *сотрудничество со взрослым*. Л.С. Выготский впервые показывает механизм этого процесса. «Исследуя, что ребенок может выполнить самостоятельно, мы исследуем развитие вчерашнего дня. Исследуя, что ребенок способен выполнить в сотрудничестве (со взрослым или другим ребенком), мы определяем развитие завтрашнего дня. Область незрелых, но созревающих процессов и составляет зону ближайшего развития ребенка» [Выготский 2024: 694–695]. Эти и другие фундаментальные положения позволили Л.С. Выготскому предложить методы решения целого ряда прикладных задач, что открывало перспективы развития новых отраслей, где востребованы знания о диагностике уровня развития, о пороге и оптимальных сроках обучения. Все эти важнейшие для понимания сути процесса развития личности ребенка знания становятся особенно актуальными в эпоху ИИ и соблазна попасть под влияние виртуального суррогата взрослого, который услужливо предоставляется рынком информационных услуг и подменяет реальную социальную ситуацию развития сконструированной виртуальной.

Переход от общей онтолингвистической тематики к лингвистическим реалиям более конкретного плана осуществим через изучение *содержательного наполнения тела языкового знака* с опорой на уже полученные общие знания о закономерностях онтогенетического порядка. Специфика и пути формирования языкового знака требуют учета онтогенетического *становления материального субстрата речемыслительной деятельности* (анатомио-физиологического, акустико-артикуляторного

и нейрофизиологического), механизмов его постнатального функционирования по мере взросления человека. Во многом познанию этих процессов содействует сравнение вербальной коммуникации человека с коммуникативными системами животных. Понимание человеческой специфики и природы создаваемых культурой человека знаков достигается через ознакомление с *фундаментальными положениями теории высшей нервной деятельности*, которая описывает механизмы приспособления живых организмов к среде. Для человека важен процесс взаимодействия двух сигнальных систем при формировании условно-рефлекторных связей, здесь дается объяснение исходных механизмов, которые обеспечивают человеку глубокое, многоуровневое *абстрагирование от реальной действительности*, создают основу ее осмысления через категоризацию полученного опыта вживания в окружающую среду (для человека приоритетно социальную). Знания о телесном субстрате речемыслительной деятельности касаются характера созревания специфически человеческих зон коры больших полушарий, совместной работы сенсорных, моторных и ассоциативных зон, доминантности мануальной и лицевой моторики у человека, особой роли двигательного анализатора в формировании его высшей нервной деятельности. Слово работает как интегратор нескольких порядков по мере обрастания системой условных связей в онтогенезе, позволяя человеку через абстрагирование разных уровней осуществлять *категоризацию образов по степени их значимости*, что в свою очередь создает *направленность, мотивированность и доминантность деятельности и сознания человека*. Этот тематический блок, таким образом, также опирается на *динамические модели* формирования значения языкового знака в онтогенезе с подкреплением знаниями о материальном телесном субстрате речемыслительных процессов. Значение слова проживает ряд этапов на разных уровнях обобщения: от первоначально жестовой функции псевдослова к дифференциации от аффективной ситуативности с установлением жесткой связи слова с конкретно-предметным значением, по сути денотативным значением, зависимым от оптического поля восприятия, в дальнейшем переход к новому уровню обобщения через более глубокое абстрагирование от ситуативности восприятия в сторону дифференциации значения от конкретно воспринимаемого предмета к формированию *понятийной связи* с предметом-референтом. Теперь слово обретает референтный смысл и репрезентативную функцию, что и позволяет человеку представлять предмет и оперировать им в его отсутствии. Итог такого развития вербального механизма – бесконечное количество порождаемых смыслов при ограниченном инвентаре смыслоразличающих звуков (фонем) в составе тел языковых знаков и трансляция вовне любых смыслов в ходе регуляции поведения и совместной деятельности себе подобных, а также саморегуляции языковой личности на функционально-смысловой основе. Языковые знаки могут кодировать смысловой опыт через его категоризацию по степени важности (а при внешней фиксации знаками передавать опыт во времени и пространстве), упорядочивая его и создавая тем самым смысловое поле культуры. Освоение жизни через овладение своим телом и поведением, своими отношениями и деятельностями осуществляется с помощью речевой деятельности, производить которую человек может как только у него онтогенетически созрела речевая способность.

Следующий тематический блок представляет основы хорошо разработанной в отечественной науке *концепции речевой деятельности*, которая позволяет понять, как именно формируется *направленность личности через социальную детерминацию*

ее деятельности. Это вопрос о единстве общества и личности, о вхождении общества в личность и личности в общество, вопрос перетекания внутреннего во внешнее и внешнего во внутреннее. Теория речевой деятельности помогает нам понять механизм воздействия вербальной коммуникации на сознание и поведение собеседника, *механизмы интериоризации социального опыта*, его трансформации в способ поведения (сознательную деятельность) в выработанных культурой формах. Для педагогического процесса важно понимать состав и взаимодействие разных моментов в целостной структуре (речевой) деятельности (фрейме деятельности), тем более что отношения между этими моментами могут меняться уже в процессе самой деятельности¹, что может иметь важные последствия как для развития личности ребенка в сотрудничестве со взрослым, так и для профессиональной подготовки лингвиста, в том числе и для понимания деструктивных вербальных технологий информационного воздействия на участника коммуникации. В ходе изучения онтогенеза и близко сопряженных с ним тематических блоков студенту открывается содержание понятия «язык как достояние человека», которое включает в себя речевую способность (телесную организацию); речевую деятельность и стихийное, спонтанное порождение текстов на этой основе. Эти три ипостаси и составляют суть живого языка человека, онтология жизни которого представляет собой основной объект общей теории языка (Язык 1 в терминах психолингвистов, подробнее о содержании понятий Язык 1 и Язык 2 см.: [Залевская 2005; 2013]), существовавший задолго до того, как возникла научная практика его изучения.

Для освоения другой системы координат, которой оперируют различные аспектирующие подходы в познании системно-структурной организации вторичных, «ставших» и явленных нам через линейные структуры текстов моделей языка (Язык 2), ориентированных на исследование овнешненного в текстах материального субстрата языковой деятельности, необходимо сконцентрировать внимание на *видах и формах речи*, сформировать представление о таких ее видах, как *внутренняя и внешняя, устная и письменная*, а также *кинетическая*, и формах – *диалогической, монологической, пассивной, активной*. Все эти разновидности связаны с *разными уровнями абстрагирования* (от ситуации, собеседника, выразительных средств и пр.) и могут иметь *разные функции*. Особую значимость имеет *взаимодействие разных форм и видов речи* в речемыслительной деятельности человека. Внутренняя речь обеспечивает в основном когнитивную познавательную функцию, а внешняя нацелена на коммуникативную функцию [Словарь Л.С. Выготского 2010: 26; Леонтьев А.Н. 2005: 370]. Не случайно мысли у человека оформляются и упорядочиваются, приобретая направленность для решения конкретной задачи, при переходе из внутреннего плана во внешний и наоборот. Сам процесс работы со смыслами замедляется при переводе их во внешний план, и это приводит к более глубокому осмыслению материала, к осознанию того, что скрывалось за агглютинацией больших нерасчлененных смысловых блоков во внутренне речевом плане. Мысль очень быстра, образно говоря, она «скачет галопом» сразу во всех направлениях, многого «не видит», от многого абстрагируется, работает сразу в целом кластере разных планов и плоскостей (если

¹ На этом ставился акцент уже в ранних работах А.Н. Леонтьева, посвященных становлению психологии деятельности, см., например, переиздание ряда таких работ в издательстве «Смысл». В особенности: [Леонтьев 2009: 46–100].

угодно – парадигм), при слиянии разных ракурсов и координат, а когда мы выводим ее вовне, мы выстраиваем ее через матрицу знаков в одну синтагматическую линейку, и ход ее замедляется, интенция языковой личности на достижение понимания вынуждает ее учитывать все «колдобины» на пути мыслительного процесса и всматриваться в детали протоптываемой ею в доступном внешнем протяженном пространственно-ситуативном плане тропинки. Последовательное изучение экспериментальной психолингвистикой основных закономерностей взаимодействия внутреннего и внешнего планов формирования и порождения речи привело к разработке в отечественной науке *динамических моделей формирования мысли*, которые были ориентированы на *лингводидактическую практику* [Гальперин 2007] и широкое прикладное применение, особенно в медицине [Ахутина 2014].

Обращение к письменной речи в учебном курсе теории языка может также осуществляться в формате *синхронно-диахронной типологии письменных систем* (от иероглифических более ранних типов по времени возникновения: пиктографии, логограмм и идеограмм) к силлабической системе письма и позднее к алфавитной. Типологический ракурс способствует развитию понимания того, какими способами осуществляется *ориентация на смысл в разных системах письменности*. При этом, сравнительный обзор, например, восточногреческой и западногреческой линий развития письменности (вплоть до появления книгопечатания в разном исполнении) с возникновением русского и западноевропейского (германского и романского) письма соответственно, направлен на ориентацию в культурной специфике каждой традиции на фоне общих закономерностей, привнесенных в вербальную культуру сходными технологическими решениями для закрепления и передачи опыта в пространстве и во времени. Типология письменных систем погружает исследователя в глубинную диахронию *глоттогенеза*. Здесь есть на что опереться в трудах выдающихся отечественных лингвистов и их последователей [Гамкрелидзе, Иванов 1989; Иванов 1998; 2008; 2016; Старостин 2007 и мн. др.]. От этого тематического блока разумно осуществить переход к филогенезу, отталкиваясь от сопоставления глоттогенеза и филогенеза речемыслительной способности человека как разных систем координат, фокусирующих внимание на разных гранях в рассмотрении целостного объекта лингвистики.

Если филогенез представляет собой предмет междисциплинарного (в сотрудничестве с рядом наук о жизни) изучения *эволюционной лингвистики*, то *глоттогенез* рассматривает процесс «эволюции» (исторического развития) собственно языка, когда речевая способность уже обретена далеким предком человека. Поэтому глоттогенез изучается филологией, исторической типологией и историей языков, генеалогической лингвистикой (сравнительно-историческим языкознанием), где особая роль отводится глоттохронологии. В курсе общего языкознания должно быть сформировано общее представление о тех отраслях, что позволяют нам увидеть закономерности, которые определяют сходство и различие языков, доказать их родство, по возможности реконструируя праязыки и протокультуру.

Тематический блок филогенеза включает в себя основные аспекты *формирования субстрата речевой способности и речевой деятельности человека в биологической эволюции*: становление анатомо-физиологических предпосылок, усложнение предметно-орудийной деятельности, а также развитие и усложнение форм коммуникации, наконец, формирование мозгового обеспечения речевой деятельности

и контролируемые все это развитие генетические процессы. Исследования последних десятилетий в этой сфере в целом, и в генетике, в частности, делают акцент на роли гомеозисных генов [Li, Hombert 2002; Баттулин 2014 и др.], в значительной степени отвечающих за молодые структуры и функции, которые надстраиваются над эволюционно более ранними функциями и структурами. Как правило, такие молодые структуры более пластичны, это помогает нам понять, почему звуковая речь заменила кинетический (жестовый) язык. Звуковая речь предоставляет гораздо более пластичный и богатый материал для передачи смыслов, что дает дополнительные аргументы в пользу гипотезы на эту тему, которая высказывалась ранее А.Н. Леонтьевым [2005: 84] до получения более глубоких знаний о гомеозисных генах. Сравнение содержания и результатов процессов постнатального развития у шимпанзе и человека может междисциплинарно опираться на новые знания, полученные с расшифровкой геномов человека и шимпанзе, в том числе и знания о филогенетических аспектах формирования и устройства коммуникативных систем разных видов приматов [Зорина, Смирнова 2006]. Постнатальное развитие человека занимает гораздо более длительный период времени, чем даже у шимпанзе, а сравнение с этим эволюционно близким к далеким предкам человека видом дает дополнительный импульс для понимания *роли историко-культурной и социо-коммуникативной среды* в системогенезе (языковой) личности человека. Важнейший филогенетический аспект связан с усложнением коммуникации, в дальнейшем, по мере увеличения демографического веса и активности популяций, а в глоттогенезе и с развитием параметров социо-коммуникативной сети, необходимой для трансмиссии репертуара коммуникативных сигналов. Вопрос о *социо-коммуникативной среде*, в которой живет язык, пробрасывает мостик к социо- и этнолингвистике, поскольку плотность, направленность, иерархичность связей и другие параметры социо-коммуникативной сети, в которой живет язык, очень важны для его полноценного функционирования. Изменение этих параметров ведет к смене историко-культурных и социо-коммуникативных установок, а они, в свою очередь, побуждают изменения в языке. Развитие этой тематики неотделимо от тематического блока вариативности современных языков, который особенно интенсивно изучался на английском материале. Для англистики это традиционно и особенно характерно (очевидно, в силу специфики этнического расширения англоязычных сообществ в ходе освоения их мини-империями населенных другими народами территорий в разных частях света). Классическими, с нашей точки зрения, содержащими не потерявшую свою актуальность фундаментальные положения и потому заслуживающими внимания в контексте преподавания теории иностранных языков работами в этом направлении можно считать, например, [Labov 1994; 2001; 2010; Milroy, Gordon 2003; Wolfram, Schilling-Estes 2006 и др.]². В англистике междисциплинарные этносоциолингвистические отрасли тесно связаны именно с изучением *вариативности* языка преимущественно с обращением к параметрам социо-коммуникативной среды, в которой функционирует идиом индивида и разных социальных (часто выделенных в англоязычных странах по этнорасовому признаку) групп. Российским исследованиям свойственна ориентация на *исторические* аспекты функционирования

² Подробнее о содержательной стороне исследований на английском материале применительно к разработке *динамических подходов* к изучению английского и русского языков и системогенезу русской языковой личности см. в нашей статье [Шапошникова 2019].

этносоциокультурной традиции сообщества носителей языка, что требует обращения к глобальным для *вербальной культуры* категориям – «усредненной» (*инвариантной*) *языковой личности*, ее образу мира, этнической традиции, воплощенной в разных формах вербальной культуры, представленной изучаемым языком. Когнитивные вопросы категоризации мира и способов осмысления историко-культурного и социо-коммуникативного опыта выступают на первый план, а образ мира языковой личности становится центральным понятием для таких отраслей, как когнитивная лингвистика, психолингвистика и этнолингвистика. Здесь также востребованы *динамические модели изучения образа мира* и его вербального воплощения. Такие модели предложены в отечественной психолингвистике, где речь идет, в частности, о *концепции движения значений*, которая развивалась отечественными психологами и психолингвистами, прежде всего А.А. Леонтьевым [2001]. Так называемая «двойная» жизнь значений говорит об их функционировании в двух планах (системах Язык 2 и Язык 1): условно «значение лингвистическое» оседает в толковых словарях и описывается там лингвистами, а значение «в головах» языковых личностей, психически актуальное, в своем усредненном варианте выявляется только в экспериментах, поскольку оно принадлежит индивиду и может быть показано в статистически усредненном виде в формате ассоциативного поля, зонирование которого позволяет построить ассоциативный профиль слова, то есть структуру его психологического значения, в которой соответствующий слову образ сознания представлен через смысловые связи с другими словами, как, например, образ ГРОЗЫ в Таблице 1.

Таблица №1

Ассоциативный профиль существительного ГРОЗА в РАС и СИБАС 2³

1988–1997: РАС (106, 58, 0, 46)	2014–2022: СИБАС 2 (149, 69, 3, 53)
Зона 1. Природное явление	
Молния 12; гром 9; дождь 9; сильная 9; в мае 3; летняя 3; гремит 2; началась 2; ночью 2; прошла 2; буря; весенняя; ветер; в июле; в лесу; в начале мая; в небе; вода; гром и молния; громкая; грохочет; закончилась; идет; и дождь; ливень; май; майская; молния, ветер; молния, гром; надвигается; на море; на небе; непогода; очищение; погода; полей; разбушеввалась; разряд электрического потенциала; ранняя; свежесть; свет; страх; страшно; суровая; туча; тучи; хорошо дышать; явление природы; яркая.	Молния 23; дождь 16; гром 14; погода 5; лето 4; сильная 4; туча 4; май 3; молнии 2; непогода 2; страшно 2; яркая 2; азот; аромат; белый; буря; была вчера; ветер; вкусно; в мае; в начале мая; в небе; вопли; вспышка; горизонт; темные тучи; гремит; громкая; громко; дерево; дождь, молния; дождь, темно; дом; запах дождя; красиво; красота; ливень; мощная; ночь; озон; перевал; природа; приятная погода; радость; радуга; страх; счастье; энергия; темная; удар; ударила; уют; холод; чай; шторм; шумит; ярко.

³ В первой строке таблицы показаны даты сбора экспериментального материала, название баз данных и статистика АП. Первая цифра – общее число реакций, полученных на слово-стимул ГРОЗА в массовом ассоциативном эксперименте; вторая – число ответов разными словами; третья – количество отказов от ответа; четвертая – число единичных реакций.

Зона 2. Персонажи и авторы, аллюзии	
Островский 4; Катерина 3; в мае 3; в начале мая; проза; Тургенев.	Островский 5; произведение 2; <i>X-men</i> ; в мае; в начале мая; Екатерина; Зевс; Катерина; наследие; Перун; пьеса.
Зона 3. Угроза от человека	
Всего двора; двора; морей; мятеж.	Района 3; морей 2; акул; джунглей; других.
Зона 4. Иное	
слеза	–

Читатель имеет возможность сравнить образ грозы, который запечатлен в памяти, поскольку был дан ему в ощущениях и формировался под воздействием живого опыта пребывания внутри этого природного явления, с АП этого слова, с одной стороны, и с описанием слова ГРОЗА в толковом словаре [Ефремова 2006: 517] – с другой:

1) Атмосферное явление, при котором между облаками или между облаком и земной поверхностью возникают сильные электрические разряды в виде молний, сопровождающиеся громом и дождем.

2) *перен.* Бурное проявление недовольства, раздражения, гнева (обычно со стороны того, кто имеет силу, власть над кем-л.).

3) *перен. разг.* Бурное событие, душевное потрясение.

4) *перен. разг.* Тот, кто внушает страх, ужас.

Очевидно, что в АП ГРОЗА схвачен вербально *образ* грозы, а в структуре АП абсолютно доминируют такие связи слов, в которых отражен живой, эмоционально насыщенный *опыт проживания (переживания)* природного явления. Здесь есть и артефакты культуры, среди них – зарубежный «гость» *X-men* (люди-икс) – это герои-мутанты, персонажи американского шоу-бизнеса и компьютерных игр. В толковом же словаре заданы иные координаты: в нем слово ГРОЗА, как и другие слова, описано обобщенными, «холодными», логически выверенными формулировками, максимально отстраненными от нашего индивидуально-личностного эмоционально насыщенного опыта. Здесь нет и зарубежных «гостей», маркирующих текущее инокультурное информационное влияние⁴. Изучение образов в *динамике актуальной диахронии* на экспериментальном материале, через раскрытие смысловых связей слов очень важно для понимания того, как именно развивается лексическое значение слова, каков механизм адаптации заимствованных слов в живом языке, как входят в нашу культуру соответствующие им реалии. Однако, поскольку в современном мире образы являются и объектами нападения, и технологиями воздействия на сознание человека в этнополитических и информационных войнах, то изучение структуры

⁴ В логико-интерпретативном ключе в отечественной лингвистике накоплен огромный и очень ценный опыт изучения лексической семантики, что отражается в глубоких разработках типологии значений с учетом разных формирующих в итоге целостное, с точки зрения логического анализа, значение слова «компонентов лексико-семантической информации» [Кобозева 2000]. При этом та функциональная реальность, которая психолингвистами эксплицируется экспериментально как психологическое значение слова, здесь частично выводится (если вообще фиксируется в зависимости от методики и задач исследования) в поле коннотаций и ситуативно-прагматический план актуализации смыслов.

образов становится востребованным для оценки характера, способов, источников и направленности, а также актуальной глубины проникновения внешнего воздействия. Ср. динамику, представленную в таблице 2 в содержании АП, отражающих структуру образов МОЛНИИ и МОЛОДЕЖИ, в актуальной диахронии (1988–2022).

Таблица №2

АП МОЛНИЯ и МОЛОДЕЖЬ в РАС и СИБАС 2: следы воздействия американской поп-культуры и политизации сознания молодых людей⁵

МОЛНИЯ	
РАС: 1988–1997 (103, 50, 1, 36)	СИБАС 2: 2014–2022 (136, 57, 3, 43)
Почти все ассоциаты связаны с природным явлением; только 5,8% с одеждой; 1,9% с классической мифологией (<i>Зевс, Зевса</i>).	5,9% ассоциатов связаны с одеждой; 2,2% – с классической мифологией: <i>Зевс</i> ; 3,7% – герои американского шоу бизнеса (<i>Маккуин 4; Макмиллан</i>); остальные – природное явление.
МОЛОДЕЖЬ	
РАС: 1988–1997 (109, 78, 2, 64)	СИБАС 2: 2014–2022 (137, 91, 0, 68)
<i>Веселая 8; современная 7; старики 5; люди 3; дискотека; жизнь; зеленая; золотая; крутая; мы; нынешняя; поганая; студенты; хорошая 2; ... среди единичных реакций есть намекающие на цивилизационное представительство: <i>российская, советская</i>, ассоциатов, намекающих на политизацию молодежи нет.</i>	<i>Веселье 7; золотая; студенты 5; за Навального; молодость; современная; юность 4; даешь; люди; поколение; старость 3; бабки; будущее; возможности; дети; дурная; жизнь; на улице; новая; новое; подростки; студент; толпа 2; ассоциаты, указывающие на политизацию молодежи, – 9,5% от общего количества реакций, например: <i>за Навального 4; выборы; партия; против системы</i> и пр.</i>

Динамика целостных (макро)структур образа мира россиян, воплощенная в ассоциативно-вербальных сетях в актуальной диахронии (с 70-х гг. прошлого века до третьего десятилетия нового века включительно), сегодня также становится доступной для изучения и в практике научно-исследовательской работы со студентом благодаря накоплению новых больших баз данных отечественной экспериментальной психолингвистикой [Шапошникова 2022]. Включение этого материала в разделы прикладной лингвистики, этнолингвистики, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики в целом дает яркие иллюстрации процессу формирования *смысловых узлов каркаса образа мира русской языковой личности*, позволяет упорядочивать соответствующую лексику по степени важности, актуальности и приоритетности для пристального изучения, поскольку выявляемые в массовых психолингвистических экспериментах единицы анализа в структуре образа мира наиболее значимы для русской культуры и должны изучаться во всей полноте их связей.

⁵ Числовые показатели приводятся в том же порядке, что и в таблице 1. В целях экономии в АП МОЛОДЕЖЬ перечисляются списком только повторяющиеся реакции.

Заключение

В структурной лингвистике и семиотике, опирающейся на исходные положения Соссюра и его интерпретаторов при построении общей теории языка, широко используются так называемые *антиномии (дихотомии)*, компоненты которых зачастую трактуются как оппозиционные, иногда даже противоречащие друг другу составляющие, настолько, что переход от одного к другому рассматривается как некий «черный ящик» с неизвлекаемым для полноценного познания содержимым. Сюда традиционно относят такие антиномии, как внутреннее – внешнее; синтагматика – парадигматика; синхрония – диахрония; индивидуальное – социальное; статика – динамика; язык – речь, язык – мышление и др. Г.П. Мельников (1928–2000) предложил альтернативу – принцип «*белого ящика*», содержимое которого может быть вскрыто и объяснено, если компоненты антиномий рассматривать не как противоположные, а как *взаимодополняющие* друг друга.

Нам представляется, что вклад отечественной психолингвистики в развитие общей теории языка заключается прежде всего в том, что она не только «вскрыла черные ящики» и обнаружила *взаимосодержащие развитию друг друга, перетекающие друг в друга сущности*, но и сумела объяснить онтологию этих процессов. Многолетний преподавательский и научно-исследовательский опыт с опорой на отечественное наследие подводит автора статьи к мысли о том, что *системогенез языковой личности* можно рассматривать как Ариаднину нить в построении теории языка и тематических блоков соответствующего учебного курса, как стержневую проблему, интегрирующую в себе все грани жизни языка, как ведущую единицу анализа целостного процесса онтологии языка как достояния человека, единицу («долю»), в которой отражены свойства целого.

© Шапошникова И.В., 2025

Литература

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

Баттулин Н.Р. Генетика развития // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2014. Т. 18. №1. С. 103–113.

Выготский Л.С. Мышление и речь; Психология искусства; Вопросы детской психологии. Москва: Эксмо, 2024. 848 с. (Библиотека избранных сочинений).

Гальперин П.Я. Лекции по психологии. Учебное издание. Изд. 4-е. М.: АСТ: КДУ, 2007. 400с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Часть II. Семантический словарь общеиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. 889 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3т.: ок.160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 1: А–Л. 1165 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. Учебник. М.: Директ-Медиа, 2013.

Зорина З.А., Смирнова А. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? / Науч. ред. д. биол. н. И.И. Полетаева; Предисл. А.Д. Кошелева; Послесл. Вяч. Вс. Иванова и А.Д. Кошелева. М.: Языки славянских культур, 2006. 424 с.: ил. (Studia naturalia).

Зубкова Л.Г. Теория языка в ее развитии: от натурацентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. М.: ЯСК. 2016. (Studia Philologica).

Иванов Вяч. Вс. Глоттогенез // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 108–109.

Иванов Вяч. Вс. Об эволюции переработки и передачи информации в сообществах людей и животных // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 173–191.

Иванов Вяч. Вс. От буквы и слога к иероглифу: системы письма в пространстве и времени / 2-е издание. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2016. 272 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987; 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Кошелев А.Д. Когнитивистика перед выбором: Дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // Фитч У.Т. Эволюция языка / Пер. с англ. и науч. ред. Е.Н. Панова; послесл. А.Д. Кошелева. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 680–767.

Кошелев А.Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015.

Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: ЯСК, 2017. (Разумное поведение и язык. Language and reasoning).

Леонтьев А.А. Деятельностный ум (Деятельность. Знак. Личность): Монография. М.: Смысл, 2001. 392 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл; КДУ, 2005. 511 с.

Леонтьев А.Н. Психологические основы развития ребенка и обучения / Под. ред. Д.А. Леонтьева. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 423 с.

Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. / Отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003. 395с.

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 17.02.2025).

СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2024 / авт.-сост.: И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 24.07.2025).

Словарь Л.С. Выготского / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл. 2010. 119 с.

Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. 928 с.

Шапошникова И.В. Динамические модели в социолингвистике и социокоммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т.18. №3. С. 24–38. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.2>

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 336 с. (Studia philologica).

Шапошникова И.В. Русская языковая личность в актуальной диахронии: новая база ассоциативно-вербальных данных (2014–2021) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. №3. С. 648–665. DOI <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665>

Шапошникова И.В. Системность и целостность языка в контексте интегрированного знания о человеке // Вопросы психолингвистики №2(56) 2023, С. 10–33, doi: 10.30982/2077-5911-2023-56-2-10-33

Labov W. Principles of Linguistic Change. Vol. 1: Internal Factors. Oxford: Basil Blackwell, 1994. 664 p.

Labov W. Principles of Linguistic Change. Vol. 2: Social Factors. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. 592 p.

Labov W. Principles of Linguistic Change. Vol. 3: Cognitive and Cultural Factors. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 448 p.

Li Ch.N., Hombert J.-M. On the evolutionary origin of language // Mirror neurons and the evolution of brain and language / edited by Maxim I. Stamenov, Vittorio Gallese. Advances in Consciousness Research; v. 42. Selected contributions to the symposium on “Mirror neurons and the evolution of brain and language” held on July 5–8, 2000 in Delmenhorst, Germany. 2002. John Benjamins B.V. P. 175–205.

Milroy L., Gordon M. Sociolinguistics: method and interpretation. Malden: Blackwell Publishing Ltd., 2003. 261 p.

Wolfram W., Schilling-Estes N. American English. Dialects and Variation. 2nd ed. Malden: Blackwell Publishing Ltd., 2006. 452 p.

Сведения об авторе:

Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения российской академии наук (ИФЛ СО РАН)

Контактная информация:

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0003-3519-1209

e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

Для цитирования:

Шапошникова И.В. Системогенез языковой личности: к вопросу о едином фундаменте для общей теории языка и педагогики профессионального развития лингвиста // Вопросы психолингвистики. 2025. №3(65). С. 32–47, doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-32-47

UDC 81'23, 81-13, 81-139

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-32-47

Research article

**SYSTEMOGENESIS OF LANGUAGE PERSONALITY:
TOWARDS THE ISSUE OF A COMMON FOUNDATIONAL BASIS
FOR A GENERAL THEORY OF LANGUAGE AND PEDAGOGY
OF PROFESSIONAL LINGUISTICS**

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology SB RAS

Novosibirsk, Russia

Abstract

The thesis proposed in the article is that the study of the systemogenesis of the language personality creates a unified foundation for both the general (integrated) theory of language and the pedagogy of professional development of linguists. Today, the professional activity of linguists is in high demand within a broad interdisciplinary field, where applied tasks require a reliance on the ontology of language in all its functional dimensions.

Understanding the life of language in its systemic integrity is impossible without addressing the dominant speech-thinking processes essential to human activity on a functional-semantic basis. The very nature of these processes, in turn, generates the need for dynamic models describing the ontology of language, which would illustrate its multifaceted functioning of the language during its formation and development, considering the general patterns and mechanisms of its variability against the backdrop of historical, cultural and socio-communicative determinants.

In Soviet and Russian psychological and psycholinguistic schools of thought, all the necessary prerequisites have been created for such a perspective in the general theory of human language. The author shows that the main contribution of Soviet and Russian scientists to the development of the general theory of language lies in the creative reinterpretations of dichotomies (antinomies) posed by Saussure his proponents. Therefore, by opening the so-called “black boxes” between the individual and society, synchrony and diachrony, internal and external, language and speech, speech and thought, etc., the scholars have discovered interdependent, mutually developing entities of a fluid nature, while also explaining the ontology of these processes.

The personality, being both an individual possession and a social category, acts as a focal point of integrative processes. This allows the author to claim that the systemogenesis of language personality can be considered the Ariadne’s thread in the development of both the integrated theory of language and basic thematic blocks within the corresponding educational course. From the interdisciplinary research perspective, systemogenesis of language personality often represents a core problem integrating all aspects of the ontology of language. So, consequently it can be regarded as the leading unit of analysis of the ontology of language as the human species-specific property, a unit (“dolya” in terms of L.S. Vygotsky) that reflects the properties of the whole. The units of analysis of speech-thinking activity previously proposed in Vygotsky’s dynamic models — the meaning of words and

experience (environment)—are linked through systemogenesis of language personality, opening an integrative epistemological perspective for studying the ontology of language.

Keywords: systemic integrity; dynamic models; units of analysis of the ontology of language as a human species-specific property; systemogenesis of language personality; functional-semantic regulation; general theory of language and pedagogy of professional development of linguists

© Shaposhnikova I.V., 2025

Bionotes:

Irina V. Shaposhnikova – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher at the Department of the Russian language in Siberia, Institute of Philology (Siberian Branch) of the Russian Academy of Sciences

Contact information:

8, Nikolayev st., Novosibirsk, Russia, 630090

ORCID: 0000-0003-3519-1209

e-mail: i.shaposhnickowa@yandex.ru

For citation:

Shaposhnikova I.V. Systemogenesis of language personality: Towards the issue of a common foundational basis for a general theory of language and pedagogy of professional linguistics // Journal of Psycholinguistics. 3(65), 2025. P. 32–47. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-32-47 (In Russian)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9.075

ББК 88.26

DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-48-59

Научная статья

ТАКТИКИ РЕЧЕВОЙ ПРОВОКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ОПОСРЕДОВАННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОБЕСЕДНИКОМ

Афиногорова Виктория Алексеевна

Институт психологии РАН,

Москва, Россия

Аннотация

Исследование продолжает серию работ, посвященных феномену речевой провокации, и нацелено на описание тактик речевой провокации коммуникантов в условиях опосредованного взаимодействия с телефонным мошенником. Основные методы исследования – интент-анализ и методика Роджерс-Миллар. Материал исследования – телефонные разговоры мошенников и их вынужденных собеседников, доступные на сайте rutube.ru. В интенциональном пространстве дискурса телефонных мошенников и их вынужденных собеседников преобладают интенции нейтральной и негативной направленности. Выявлены 10 разнообразных провокативных тактик, среди которых наиболее обычна тактика возмущения. Телефонные мошенники чаще реализуют тактику устрашения, а их собеседники – тактики демонстрации непонимания, насмешки, издевки, дискредитации. Успешность провокативной тактики определяется ее перлокутивным эффектом, что проявляется в комплементарном подчинении, симметричном доминировании партнера или его уходе от подобной линии разговора. Результативные провокативные тактики телефонных мошенников в анализируемом материале отсутствуют. Преобладают паттерны симметричного доминирования, которые чаще реализуют в провокативных тактиках собеседники телефонных мошенников. Структура опосредованного взаимодействия в условиях речевых провокаций имеет линейный характер: развивается определенная линия взаимодействия, которая изменяется при смене коммуникативных тактик. Представлены способы противодействия подобной речевой провокации.

Ключевые слова: опосредованное взаимодействие, речевые провокации, провокативные тактики собеседников, интент-анализ

Введение

Проблема речевых провокаций становится особенно острой в современном информационном обществе, которое предоставляет огромные возможности для опосредованного взаимодействия коммуникантов. Собеседники могут открыто выражать свою точку зрения, вести полемику, а нередко – оскорблять и высмеивать партнера, провоцируя на ответные речевые действия. Данная проблема широко исследуется специалистами различных областей знания [Степанов 2008, 2014; Иссерс 2009, 2021; Штеба 2017; Дзялошинский, Жолудь 2017; Кузнецов 2020; Magu, Hossain, Kautz 2018; Sarifuddin, Maknun, Iswary 2021; Karwat 2022 и др.].

Вместе с тем в современной науке нет однозначного и емкого определения провокации, которое позволяет охарактеризовать ее вне зависимости от условий проявления. Мы придерживаемся определения О.С. Иссерс, которая понимает под речевой провокацией коммуникативный сбой, организованный говорящим для достижения определенных целей, что побуждает партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия [Иссерс 2009].

В данном исследовании продолжена разработка проблемы речевой провокации, фокус внимания обращен на выявление и описание тактик речевой провокации в условиях опосредованного взаимодействия с телефонным мошенником. Исходя из представления О.С. Иссерс [Иссерс 2017], речевую тактику составляет совокупность интенций говорящего, которая способствует реализации его коммуникативной цели. Она имеет динамический характер и может изменяться в ходе диалога в соответствии с ответными репликами собеседника и актуальной коммуникативной ситуацией. Изучение провокативных тактик проводится на материале теле- и радиointервью, интернет-коммуникации [Гриценко, Демидова 2018; Ионкина, Тихаева 2021; Биюмена, Кучура 2023; Хорошева, Сусметова 2023 и др.]. Вместе с тем особую актуальность приобретает исследование опосредованного взаимодействия речевых провокаторов (телефонных мошенников) и их вынужденных собеседников в связи с массовым распространением этого явления в современном обществе [Макаров, Шуმიлина 2021; Колодкина, Дворянчиков 2022; Мешкова, Кудрявцев, Ениколопов 2022; Белоусов 2025 и др.]. Какие речевые тактики используют провокаторы (телефонные мошенники и их собеседники) для достижения своей цели? Какие из них оказываются наиболее успешными? Как развивается взаимодействие телефонного мошенника и его вынужденного собеседника? Как изменяется структура такого взаимодействия при смене провокативной тактики? Каковы способы противодействия речевой провокации в опосредованном взаимодействии? На эти и другие вопросы предстоит ответить в рамках данного исследования.

В соответствии с целью исследования сформулированы следующие гипотезы:

1. Совокупность выражаемых в последовательности реплик интенций, служащих достижению определенной цели коммуникации, составляет речевую тактику провокатора (телефонного мошенника или его собеседника).
2. Успешная провокативная тактика вызывает комплементарное подчинение коммуникативного партнера, неуспешная обнаруживает его симметричное доминирование или его уход от линии доминирования-подчинения.
3. Провокативные тактики изменяются в процессе опосредованного взаимодействия в соответствии с ответными репликами коммуникативного партнера, что отражается в трансформации интенциональной структуры взаимодействия.

Методика

Материал исследования. 6 разговоров разных телефонных мошенников и их вынужденных собеседников, доступных на сайте rutube.ru, общим объемом 558 реплик ($M=93$, $\min=37$, $\max=131$), в том числе, 275 реплик мошенников и 283 реплики их собеседников. Отбирались аудиозаписи разговоров длиной не более 10–15 мин.

Основной метод исследования – интен-анализ [Павлова, Гребенщикова 2017]. Он позволяет реконструировать актуальные интенции коммуникантов, а также выявить элементы интенционального содержания, связанные с текущим взаимодействием,

коммуникативными тактиками, риторическими приемами и др. При квалификации интенций учитывались языковые маркеры, данные о цели коммуникантов, их статусно-ролевых позициях и пр., вытекающие из анализа контекста, а также ответные реакции собеседника, обнаруживающие его понимание сказанного.

Для определения позиций доминирования-подчинения коммуникативных партнеров, выражаемых в диалоге в условиях речевых провокаций, использована методика Роджерс-Миллар [Rogers, Millar 1979]. Согласно данной методике, каждой реплике, отражающей актуальные интенции коммуникативного партнера, с учетом направленности текущего взаимодействия приписывается доминантная, подчиненная или нейтральная позиция либо их варианты.

Процедура исследования. На первом этапе исследования осуществлен сбор эмпирического материала и его транскрибирование (дословная расшифровка аудиозаписей и их перевод в письменный формат с учетом пауз, хезитаций, самокоррекций). На втором этапе исследования вручную определена функциональная направленность комментариев (с учетом ответных реплик коммуникативного партнера) по методу интент-анализа [Павлова, Гребенщикова 2017], иными словами, выявлены актуальные интенции собеседников. Особое внимание уделено интенциям провокативного характера («критиковать», «высмеять», «выразить иронию», «обвинить» и др.). На третьем этапе исследования описана интенциональная организация опосредованного взаимодействия в условиях речевых провокаций. Выделены 3 основные группы интенций:

- негативные, связанные с осуждением и дискредитацией;
- нейтральные, связанные с анализом ситуации или позиции собеседника, представлением своей точки зрения;
- позитивные, связанные с поддержкой и консолидацией. Отдельно представлена группа провокативных интенций.

Согласно методике Роджерс-Миллар [Rogers, Millar 1979], охарактеризованы коммуникативные позиции собеседников (доминантная, подчиненная, нейтральная или их варианты). На основе этих данных описаны тактики речевой провокации участников телефонных разговоров, определена успешность их реализации, охарактеризованы изменения интенциональной структуры речевого взаимодействия при смене речевой тактики провокатора. Представлены способы противодействия речевой провокации подобного рода.

Результаты и дискуссия

Интенциональное пространство дискурса образуют 40 категорий интенций (1000 реализаций), среди которых преобладают интенции нейтральной (17 категорий, 588 реализаций) и негативной (13 категорий, 335 реализации) направленностей. Интенции позитивной направленности оказываются малочастотными (10 категорий, 77 реализаций) (точный критерий Фишера, $p < 0,01$).

Выявлено 12 категорий провокативных интенций ($n=323$), относящихся к группе интенций негативной направленности, присущих опосредованному взаимодействию мошенников и их вынужденных собеседников. К провокативным относятся интенции, побуждающие собеседника к таким речевым действиям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия [Иссерс 2009, 2021; Афиногенова, 2022, 2024, 2025]. Критерий отнесения интенции к провокативным – ее негативный

перлокутивный эффект. В сравнении с интернет-дискурсом [Афиногенова 2024] выявляются еще 2 категории провокативных интенций – «напугать», «принудить», отражающие специфику ситуации взаимодействия. Среди провокативных наиболее частотны (более 30 случаев реализации) такие категории, как «выразить возмущение» (n=72), «выразить недовольство» (n=63), «возразить» (n=38), «выразить иронию» (n=36), «напугать» (n=33) («Вы не понимаете, о чем речь?!»; «Да закрой ты рот уже своей»; «Да не бывает такого!»; «Плохая у вас работа. Она вам не идет»; «Ваши данные были проданы третьими лицами. Сейчас они находятся в опасности»¹).

Выявлено 10 разнообразных провокативных тактик в условиях опосредованного взаимодействия: демонстрации непонимания, насмешки, издевки, перебивания, игнорирования, возмущения, обвинения, убеждения, дискредитации, устрашения. Каждая из них предполагает реализацию определенных категорий интенций, служащих достижению коммуникативной цели говорящего. Разберемся в их составе и особенностях проявления.

Наиболее обычная тактика в разговорах мошенников и вынужденных собеседников – *тактика возмущения* (n=75 реплик и n=77 реплик). Она предполагает реализацию таких интенций, как «выразить недовольство», «выразить возмущение», «возразить»: «**Давайте вы не будете меня перебивать!** – Ну я Вам звоню в связи... – *Девушка, не перебивайте меня!*».

Тактики перебивания и игнорирования используют в равной степени и мошенники, и их вынужденные собеседники (n=44 и n=61; n=23 и n=14 соответственно) (точный критерий Фишера, p>0,05). *Тактика перебивания* предполагает последовательные попытки прервать собеседника и реализовать свое высказывание, которое по смыслу отвечает предвосхищаемому содержанию прерванной реплики («*Так я же вам говорю, вышло постановление о том, что... – Да какое постановление?! – Которые были на бессрочном обслуживании, они вышли в срочное обслуживание домашнего номера телефона*»). В отличие от предыдущей характерной особенностью *тактики игнорирования* является устойчивое отсутствие отклика на реплики партнера и параллельное с этим развитие своего прерванного высказывания («*Чтобы Вы лишь раз раздражались, ... – Что вы над мной издеваетесь? Над больной! – Давайте я поставлю отметку, Татьяна Николаевна*»).

Вынужденные собеседники мошенников чаще используют тактики демонстрации непонимания (n=19 и n=1), насмешки (n=34 и n=1), издевки (n=17 и n=2), дискредитации (n=31 против n=11) (точный критерий Фишера, p<0,0001).

Реализуя *тактику демонстрации непонимания*, коммуникативный партнер выражает такие интенции, как «уточнить», «выяснить», «пояснить», «выразить сомнение», заставляя другого изменить выбранную линию развития разговора («*Связываюсь с вами, поскольку поступил запрос о камеральной проверке в связи с незаконным оборотом вашей документации. О чем речь идет, понимаете? – Вообще не понимаю. Я даже не понимаю, откуда вы мне звоните – Хм... Инспекция федеральной налоговой службы – Я не знаю, что это такое*»).

Тактика насмешки используется говорящим для выражения своего отношение к коммуникативному партнеру и происходящему, не обижая его, и предполагает

¹ Здесь и далее в речевых примерах сохранена орфография и пунктуация авторов.

постоянную актуализацию интенции «выразить иронию» («*А у нас офиса все закрыты – Что еще закрыто? – Офиса все наши закрыты – Офиса?*»). В отличие от предыдущей, *тактика издевки* позволяет подчеркнуть потенциально обидные для партнера детали ситуации и предполагает постоянное выражение интенции «высмеять» («*Волосы намажу, ну конечно! А еще чего? Рожу маслом не намазать? – Что Вы говорите, не поняла*»). Используя *тактику дискредитации*, говорящий старается обесценить, критиковать, унижить, оскорбить, осудить коммуникативного партнера, выразить сомнение относительно его высказываний («*Максим Сергеевич, Вы тыкать будете своим родственникам, друзьям и так далее. – Где я буду тыкать? – Нет, со мной вы так не будете общаться! – Буду с тобой общаться так, как захочу!*»).

Мошенники чаще реализуют *тактику устрашения* ($n=29$ против $n=5$) (точный критерий Фишера, $p<0,0001$), которая включает выражение интенций «напугать», «предупредить» для дестабилизации эмоционального состояния их вынужденного собеседника: «*Эта запись диалога будет передана в Следственный комитет! С вами свяжутся уже совсем по другой статье! Вы также будете проходить как соучастник... – Что это за статья? Скажи-ка мне! – 159-я статья УК РФ. Вы будете проходить как ...*».

Тактики обвинения и убеждения встречаются нечасто в процессе опосредованного взаимодействия мошенников и их вынужденных собеседников ($n=8$ и $n=12$; $n=4$ и $n=3$) (точный критерий Фишера, $p>0,05$). Они реализуются в репликах, в основе которых лежат интенции «обвинить» и «убедить» соответственно: «*Я вас перебиваю, потому что вы сейчас несете чушь! При этом Центральный банк не обслуживает физические лица. – Так а кто вам сказал, что он обслуживает физические лица?*»; «*Я тебе все отдала вчера! – Я вам говорю, что меня вчера не бы-ло*».

Первая эмпирическая гипотеза подтверждена.

Успешность провокативной тактики определяется ее перлокутивным эффектом, что проявляется в комплементарном подчинении, симметричном доминировании коммуникативного партнера или его уходе от подобной линии разговора. Интересно, что *паттернов комплементарного подчинения* ($\uparrow\downarrow$) в анализируемом материале не выявлено, что указывает на отсутствие результативных провокативных тактик телефонных мошенников. В предыдущем исследовании, выполненном на материале интернет-дискурса [Афиногенова 2022], обнаружены немногочисленные случаи подобного комплементарного подчинения, что свидетельствует об успешности реализованной речевой провокации.

Преобладают *паттерны симметричного доминирования* ($\uparrow\uparrow$): говорящий реализует ту или иную провокативную тактику в ответ на реплику коммуникативного партнера («*Я не понимаю, почему мои данные вдруг оказались в опасности* \uparrow – *Потому что их продали!* \uparrow – *Ну и что? Что с ними можно сделать?* \uparrow – *С помощью ваших данных можно оформить на вас кредит, оформить дополнительные счета, через которые будут отмываться деньги, добытые незаконным путем* \uparrow »). Стоит отметить, что телефонные мошенники ($n=7$) реализуют подобные паттерны значительно реже ($n=144$) по сравнению с их вынужденными собеседниками, которые активно проявляют коммуникативную инициативу ($n=226$) (точный критерий Фишера, $p<0,05$).

Большинство паттернов симметричного доминирования соответствует формуле «провокативная – провокативная интенция» ($n=120$ и $n=121$ соответственно)

(точный критерий Фишера, $p < 0,01$). Если разобраться в их составе, то оказывается, что телефонные мошенники чаще ($n=69$ против $n=49$) поддерживают начатую собеседником провокативную линию (точный критерий Фишера, $p < 0,05$), теряя при этом коммуникативную инициативу («*Сейчас только мошенники продлевают договоры* ↑ – *То есть мошенники продлевают?!* ↑»). Собеседники мошенников чаще ($n=72$ против $n=51$) инициируют такую линию (точный критерий Фишера, $p < 0,01$) («*Вы можете выслушать? Или не можете?* ↑ – *Да, говорите, говорите!* ↑»).

В некоторых случаях паттерн симметричного доминирования отвечает формуле «иная – провокативная интенция»: мошенники значительно реже ($n=18$) реагируют провокативно на нейтральные интенции коммуникативного партнера, инициируя начало провокативной линии разговора, чем их вынужденные собеседники ($n=89$) (точный критерий Фишера, $p < 0,01$) («*Я не вижу-у, эээ, вашей отметки* ↑ – *Только вчера все прошла! Всю флюорографию или рентген там даже. Все прошла* ↑»).

Телефонные мошенники и их вынужденные собеседники нечасто реализуют паттерн симметричного доминирования, соответствующий формуле «провокативная – иная интенция» (точный критерий Фишера, $p > 0,05$): говорящий актуализирует провокативные интенции, а коммуникативный партнер дает нейтральный / позитивный отклик, стремясь прервать подобную линию разговора («*Вас приветствует оператор городской телефонной связи. Связываюсь с вами, так как у вас истек срок действия договора на обслуживание вашего номера телефона. Подскажите, вы решили отказаться от наших услуг?* ↑ – *Городская связь? Вы от кого звоните?* ↑ – *От Ростелекома* ↑»).

Собеседники телефонных мошенников значительно чаще реализуют *паттерны агрессивного доминирования* ($\rightarrow \downarrow$) ($n=16$) в отличие от мошенников ($n=1$): они реагируют провокативно в ответ на нейтральные реплики мошенника, стремятся выступить против, дискредитировать его («*Офиса все наши закрыты. → – Офиса?* ↑ – *Да. Офиса. Хлянуть.* ↑ – *Ну вот хляньте, пожалуйста. Посмотрите, точно ли они закрыты.* ↑ – *Ну... Так Вы посмотрите действительно.* ↑ – *Так это Вы посмотрите!* ↑») (точный критерий Фишера, $p < 0,01$). Подобные паттерны взаимодействия обнаружены в анализируемом материале, но не типичны для других видов дискурса: так, они не встречаются в исследуемых ранее семейном и интернет-дискурсах [Гребенщикова, 2012; Афиногенова, 2022].

Выявлено лишь несколько *паттернов уклонения от линии доминирования-подчинения* ($\rightarrow \uparrow$) ($n=2$): телефонный мошенник успокаивает / информирует своего собеседника в ответ на выражение недовольства («*Я все вам передала! Нечесанная такая, в очках, я вас видела.* ↑ – *Татьяна Николаевна, давайте мы сейчас не будем ссориться, не будем кричать* →»).

Вышеописанные факты позволяют объяснить неуспех мошенников в исследуемых телефонных разговорах: они быстро теряют инициативу в разговоре, позволяя своему партнеру осуществлять регуляцию текущей коммуникации.

Вторая эмпирическая гипотеза подтверждена частично.

Рассмотренные варианты паттернов взаимодействия находят отражение в структуре опосредованного взаимодействия телефонного мошенника и его вынужденного собеседника. Она имеет линейный характер: коммуникативные партнеры адресуют друг другу актуальные для них вопросы, реализуют ответные высказывания, поясняя

обсуждаемое. Развивается одна диалогическая линия, в отличие от разговоров с разветвленной структурой, где получают одновременное развитие несколько подобных линий [Зачесова, Гребенщикова 2007; Павлова, Афиногенова, Гребенщикова 2017].

Смена провокативных тактик в соответствии с ответными высказываниями коммуникативного партнера осуществляется достаточно часто: в среднем, через каждые 3-5 реплик. Это находит отражение в изменении текущей линии взаимодействия. Иногда тактики оказываются одинаковыми, содержат близкие по смыслу интенциональные категории. К примеру, в ответ на тактику возмущения реализуется такая же, вынужденный собеседник актуализирует провокативную интенцию «выразить возмущение», а мошенник – «выразить недовольство» (*«Вы можете выслушать? Или не можете? – Да, говорите, говорите!»*). Иногда тактики мошенника и его собеседника оказываются различными, коммуникативные партнеры выражают разнородные категории интенций: к примеру, в ответ на тактику демонстрации непонимания и возмущения реализуется тактика инструктирования, вынужденный собеседник пытается уточнить сказанное мошенником, выражает недовольство, мошенник в ответ пытается принудить его к определенным действиям (*«С чего Вы взяли, что решила отказаться? Договор я проплатила. Что еще нужно? – Вы должны были получить письмо на почту где-то неделю назад. Что сейчас все телефоны стали срочными, то есть договора нужно заключать на год или на три сейчас»*).

Третья эмпирическая гипотеза подтверждена полностью.

Проведенное исследование позволяет охарактеризовать общую линию развития взаимодействия мошенника с потенциальной жертвой. Телефонный разговор начинается с реализации тактики вежливости: мошеннику необходимо заручиться поддержкой собеседника, произвести хорошее впечатление (*«Вас приветствует...», «Приятно с вами познакомиться»*). Мошенник обращается к вынужденному собеседнику по имени-отчеству от лица официальных структур / ведомств (поликлиника, почта, банк и т.п.), задает несколько простых вопросов (*«Квитанция вовремя приходит?»*, *«Вы леди Селина Ивановна А., верно?»*), побуждая коммуникативного партнера к использованию тактики согласия как стереотипу речевого поведения в разговоре. Мошенник использует и тактику активного слушания (*«Я Вас прекрасно понимаю...»*) для создания позитивной коммуникации. Характерны длинные реплики (3-6 предложений) с множеством специальных терминов, непонятных для обывателей, что обнаруживает стремление разъяснить, произвести впечатление на вынужденного собеседника, подчеркнуть свой профессионализм.

Однако спустя несколько реплик тон разговора меняется: мошенник начинает использовать тактику инструктирования, требуя от своего собеседника четкого следования его инструкциям (*«Послушайте внимательно...»; «Замолчите и послушайте меня»*), а также вышеописанные провокативные тактики. Однако он не достигает своей цели в текущей коммуникации. Разберемся в возможных причинах этого на основе анализа его речевой продукции и особенностей ведения телефонного разговора.

Обращает на себя внимание темп речи мошенника – средний или замедленный, что дает адресату возможность подумать и критично отнестись к его словам. Мошенник

при этом теряет коммуникативную инициативу. Ускоренный темп речи выявляется редко, обычно при подаче информации о законах, приказах и др. с целью запутать вынужденного собеседника, не дать ему возможность понять и проанализировать услышанное до ответной реплики. Подобный темп речи позволяет достичь успеха в плане речевого манипулирования, однако для анализируемых разговоров он не типичен.

В репликах мошенников выявляются грамматические («*вышло* заявление, что мы обязаны *перезванивать* наших клиентов и уточнять всю информацию»; «Закон *выдан* в 21 году»; «Вы думаете, что мне *не за что* делать?»); «Вас беспокоят с поликлиники») и логические ошибки («Все телефоны [т.е. договоры] стали срочными»). Мошенники ставят неверное ударение в словах («*продАна*»; «о*фисА*»; «до*гово*рА»), искажают привычные слова («*платежные* *квертанши*»; «*робот-ператор*»). Обнаруживается множество пауз, повторений одних и тех же слов («Вы будете, вы будете?»), реплик не впопад («Через Госуслуги будем продлевать [договор]? - Да, домашний телефон, верно»). Это согласуется с данными других авторов, изучающих проблему телефонного мошенничества [Белоусов 2025; Макаров, Шумилина 2021 и др.].

Описанные особенности ведения разговора заставляют вынужденных собеседников сомневаться в профессионализме говорящего и правдивости его слов. Они проявляют коммуникативную инициативу, используя тактики насмешки, издевки, возмущения, дискредитации. Мошенник теряет возможность влияния на ход диалога, оказывается разоблачен и прерывает разговор.

Проведенный анализ позволяет также выделить несколько способов противодействия речевой провокации мошенников. Наиболее эффективный – это немедленное завершение подобной коммуникации. Если разговор все же продолжается, вынужденному собеседнику важно захватить коммуникативную инициативу: с использованием тактик непонимания, перебивания, игнорирования или более интенсивных по степени перлокутивного эффекта – тактик возмущения и дискредитации. Как показывает исследование, реализация этих тактик вынуждает мошенника прекратить разговор.

Выводы

Интенциональное пространство дискурса телефонных мошенников и их вынужденных собеседников образуют 40 категорий интенций, с преобладанием интенций нейтральной и негативной направленностей. Выявлено 12 категорий провокативных интенций, относящихся к негативным, среди которых наиболее частотны «выразить возмущение», «выразить недовольство», «возразить», «выразить иронию», «напугать».

Выявлены 10 разнообразных провокативных тактик, которые используют как телефонные мошенники, так и их вынужденные собеседники: тактики демонстрации непонимания, насмешки, издевки, перебивания, игнорирования, возмущения, обвинения, убеждения, дискредитации, устрашения. Наиболее обычна для ситуации опосредованного взаимодействия тактика возмущения. Телефонные мошенники чаще своих собеседников реализуют тактику устрашения. Их собеседники чаще используют тактики непонимания, насмешки, издевки, дискредитации.

Успешность провокативной тактики определяется ее перлокутивным эффектом, что проявляется в комплементарном подчинении, симметричном доминировании партнера или его уходе от подобной линии разговора. Результативные провокативные тактики у телефонных мошенников в анализируемом материале отсутствуют. Преобладают паттерны симметричного доминирования, которые чаще реализуют в провокативных тактиках собеседники телефонных мошенников. Выявлены паттерны агрессивного доминирования, нетипичные для других видов дискурса, которые также чаще реализуют их собеседники, реагируя провокативно на нейтральные реплики мошенника.

Структура опосредованного взаимодействия телефонного мошенника и его вынужденного собеседника имеет линейный характер: последовательно развивается та или иная линия взаимодействия, которая изменяется при смене коммуникативных тактик.

Охарактеризована общая линия развития взаимодействия телефонного мошенника с потенциальной жертвой, которая оказывается неуспешной. Определены возможные причины этого: замедленный темп речи мошенников, наличие грамматических и логических ошибок, неверные ударения в словах, их искажение, паузы, повторение одних и тех же слов, реплики неупада.

Показано несколько возможных способов противодействия речевой провокации мошенников: завершение коммуникации либо захват коммуникативной инициативы с использованием тактик демонстрации непонимания, перебивания, игнорирования, возмущения, дискредитации, которые вынуждают мошенника прекратить разговор.

© Афиногорова В.А., 2025

Литература

Афиногорова В.А. Речевые провокации в диалогическом интернет-взаимодействии: успешность реализации и развитие диалога // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. №12. С. 37–41.

Афиногорова В.А. Интернет-взаимодействие пользователей в условиях речевых провокаций // Психологические исследования: Вып. 12 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, С.В. Тарасов. М.: Институт психологии РАН, 2024. С. 23–30.

Афиногорова В.А. Индивидуальные интенциональные профили пользователей в провокативных интернет-дискуссиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2025. №1. С. 29–34.

Белоусов А.Д. Телефонное мошенничество: психологический анализ и технологии развития устойчивости: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2025. 136 с.

Биюмена А.А., Кучура С.С. Провокативные тактики в телевизионном интервью // Вестник Минского Государственного Лингвистического Университета. Серия: Филология. 2023. 5 (126). С. 7–16.

Гребенищикова Т.А. Интенциональная организация семейного дискурса / Диссерт. на соискание ученой степ. канд. психологических наук. Москва, 2012. 180 с.

Гриценко Л.М., Демидова Т.А. Коммуникативная стратегия дискредитации в интернет-коммуникации (на примере троллинга) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 29–42.

Дзялошинский И.М., Жолудь Р.В. Провокация в системе коммуникационных технологий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т.2. №2. С.62–81.

Зачесова И.А., Гребеницкова Т.А. Взаимоотношения собеседников в диалоге // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С.162–184.

Ионкина Е.Ю., Тихаева В.В. Реализация коммуникативной тактики провокации в интервью-портрете: основные сценарии речевого поведения адресата // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 91–113.

Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. №2 (18). С.92–104.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Ленанд, 2017. 308 с.

Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: Ленанд, 2021. 272 с.

Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В. Психологические аспекты виктимного поведения жертв обмана (телефонных) мошенников // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2022. С. 31–33.

Кузнецов В.О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 6–18.

Макаров К.В., Шумилина В.Г. Речевые манипуляции в телефонном мошенничестве // Трибуна ученого. 2021. Вып. 5.

Мешкова Н.В., Кудрявцев В.Т., Ениколопов С.Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 138–157.

Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Гребеницкова Т.А. Речевое взаимодействие собеседников в неформальном повседневном дискурсе: интенциональный аспект // Психологический журнал. 2017. Т. 38. №5. С. 41–54.

Павлова Н.Д., Гребеницкова Т.А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 151 с.

Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации: монография. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.

Степанов В.Н. Провокативные речевые жанры как инструменты непрямой коммуникации: лингвистические признаки и анализ // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. 4 (36). С. 89–99.

Хорошева Н.В., Сусметова Е.Е. Стратегии провокативного поведения в ситуации предвыборных теледебатов Э. Макрона и М. Ле Пен // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 10. С. 106–115.

Штеба А.А. Лингвистические признаки провокации // Litera. 2017. №1. С. 120–128.

Karwat M. Theory of provocation in light of political science. Peter Lang, 2022. 378 p.

Magu R., Hossain N., Kautz H. Analizing uncivil speech provocation and implicit topics in online political news // Computers and society. 2018. preprint.

Rogers L.E., Millar F. Domineerings and Dominance: a transactional view// Human Communication Research. 1979. 5 (3). P. 33–39.

Sarifuddin, Maknun T., Iswary E. A hate and provocative speech act in social media: a forensic linguistics Study // ELS Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2021. 3 (4). P. 363–368.

Сведения об авторе:

Афиногенова Виктория Алексеевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН

Контактная информация:

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

ORCID: 0000-0002-9216-0145

e-mail: viktoriyamail87@mail.ru, afinogenovava@ipran.ru

Для цитирования:

Афиногенова В.А. Тактики речевой провокации в условиях опосредованного взаимодействия с собеседником // Вопросы психолингвистики. 2025. №3(65). С. 48–59, doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-48-59

UDC 159.99

LBC 88.26

DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-48-59

Research article

**TACTICS OF SPEECH PROVOCATION
IN MEDIATED INTERACTION WITH INTERLOCUTOR**

Victoriya A. Afinogenova

Institute of Psychology Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract

The study continues a series of works dedicated to the phenomenon of speech provocation and aims to describe the tactics of speech provocation employed by interlocutors in mediated interaction with telephone scammers. The primary research methods are intent-analysis and Rogers Millar technique. We analyzed telephone conversations of scammers and their forced interlocutors available on the site rutube.ru. Neutral and negative intentions dominate in the intentional space of discourse of telephone scammers and their forced interlocutors. Ten distinct provocative tactics have been identified. Indignation tactics are most common among them. Telephone scammers more frequently employ intimidation tactics, whereas their interlocutors chose the tactics of misunderstanding demonstration, ridicule, jeer, discrediting. The perlocutive effect of provocative tactics determines its success. It is manifested in complementary subordination, symmetrical partner's dominance or withdrawal from such a conversation line. Telephone scammers show no effective provocative tactics in the analyzed material. Symmetrical dominance patterns prevail. Interlocutors of scammers realize them in provocative tactics more often. The structure of mediated interaction under speech provocations is linear. The specific line of interaction develops and changes when communication tactics change. Ways to counter such speech provocation are also presented.

Keywords: mediated interaction, speech provocations, provocative tactics of interlocutors, intent-analysis

© Afinogenova V.A., 2025

Bionotes

Victoriya A. Afinogenova – Candidate of Sciences (Psychology), research scientist of the Laboratory of Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology of Russian Academy of Science

Contact information:

129366, Yaroslavskaya str., 13/1, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9216-0145

e-mail: viktoriyamail87@mail.ru, afinogenovava@ipran.ru

For citation:

Afinogenova V.A. Tactics of speech provocation in mediated interaction with interlocutor // Journal of Psycholinguistics. 3(65), 2025. P. 48–59. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-48-59 (In Russian)

**РЕЦЕПТИВНЫЕ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
В КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ¹**

Гридина Татьяна Александровна

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

Коновалова Надежда Ильинична

Уральский государственный педагогический университет,
Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

Аннотация

В статье представлен опыт экспериментального выявления особенностей восприятия лингвокреативных эргонимов и порождения собственных названий детьми с нормативным речевым развитием и с общим недоразвитием речи. Решение данной задачи осуществлялось в ходе поэтапной (многошаговой) верификации ассоциативного контекста номинаций городских объектов в сознании младших школьников с использованием пилотных свободного и направленного ассоциативных экспериментов, а также методики прямого толкования и ономасиологического эксперимента. В качестве стимульного материала использовались названия магазинов зоотоваров, ветеринарных клиник и аптек, приютов для животных, контактных зоопарков Екатеринбурга, включающие в свой состав лексику и фразеологию кластера «зоонимы». Интерпретация эргонима рассматривается как речемыслительный «рефлексивный акт», отражающий когнитивные операции ребенка по речевосприятию и речепорождению, его общекультурную и речевую (текстовую) компетенцию. Источником материала послужили созданные детьми номинации городских объектов, связанных со сферой «животный мир», а также рефлексивные высказывания учащихся коррекционных классов средней общеобразовательной школы с нарушениями устной и письменной речи. Комплексный подход к анализу языкового материала позволил выявить особенности рецептивных и номинативных (порождающих названия) практик у младших школьников с общим недоразвитием речи.

Ключевые слова: детская речь, речепорождение, речевосприятие, общее недоразвитие речи, психолингвистические эксперименты

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Правительства Свердловской области, грант № 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

Введение

В статье представлены результаты исследования по приоритетному, поддерживаемому регионом (Правительством Свердловской области) и РНФ направлению, которое должно способствовать наиболее эффективному решению задач формирования комфортной социально-психологической среды для самореализации и развития личности, представляющей разные страты городской культуры. В этой связи актуальной является проблема формирования условий адаптации к современному социокультурному контексту детей, в том числе с общим недоразвитием речи (ОНР). Городская среда характеризуется высокой плотностью социальных контактов, интенсивным информационным потоком и повышенными требованиями к коммуникативной компетентности личности. В психологическом плане нарушения речи не только препятствуют эффективному общению, но и создают барьеры в процессе социализации, что особенно актуально для городской среды с ее специфическими коммуникативными требованиями. Характер ассоциирования и толкований языковых единиц обусловлен разного рода факторами: социально значимыми [Бубнова 2008; Hoff-Ginsberg 1991], временными, возрастными [Гридина, Коновалова 2020], экспрессивными факторами использования соответствующих слов [Schlesinger 1971], при этом важнейшим условием является уровень психоречевого развития носителя языка [Жукова 2000; Лурия 2019; Сибогатова 2024]. Для исследования влияния комплекса факторов на характер коммуникативной деятельности детей с ОНР весьма актуальной становится интеграция в логопедические исследования психолингвистического подхода, который позволяет изучить механизмы речеобразования, выявить корреляции практик восприятия и производства речи с особенностями речевой деятельности детей анализируемой группы.

Теоретической базой исследования послужили следующие работы:

- исследование закономерностей обработки и хранения информации в языковом сознании [Караулов 1999, 2002; Леонтьев 2005; Тарасов 2000; Уфимцева 2015];
- модель ассоциативно-вербальной сети, рассматриваемой как аналог языковой способности в ее предречевой готовности. См.: «Любое слово в нашем сознании, в памяти (точно так же, как в речевой цепи), не существует в отдельности: оно десятками, сотнями “нитей” тянется к другим словам» [Караулов 2002: 751]. Ассоциативно-вербальная сеть представляет собой диссипативную структуру ментального лексикона и грамматикона, в которой «... каждый компонент актуализируется в потенциальном регистре в зависимости от “ассоциативного вызова”, обусловленного речемыслительной интенцией говорящего и сопутствующими ее реализации факторами» [Гридина, Коновалова 2020: 28];
- изучение когнитивных предикторов языка у детей с нарушениями развития речи: роль невербального интеллекта, рабочей памяти, имплицитного статистического обучения и скорости автоматизации [Blakea, Dąbrowskab, Riches 2025];
- концепция формирования связной речи детей с речевой патологией, с учетом достижений психолингвистики как методологической основы логопедии и коррекционно-педагогической работы [Глухов 2013], что позволяет рассматривать речевое развитие детей с ОНР в контексте целостного формирования личности;
- теория лингвокреативной деятельности, связанная «с механизмами лингвокреативного мышления, в основе которого лежит способность говорящих

к ломке и переключению ассоциативных стереотипов, созданию нового речевого продукта на базе переработки уже существующего языкового материала» [Гридина 2014: 30], формирование вербальной креативности и ее проявление в речи ребенка [Gridina 2020];

– методология вербальной диагностики и экспериментальных исследований речевой деятельности в онтолингвистике [Гридина, Коновалова 2024; Доброва 2010, Цейтлин 2020].

Специалистами в области логопедии и коррекционно-педагогической работы выделяются различные нарушения в речевой деятельности детей с ОНР. К основным относят их неспособность (или слабую способность) к созданию целостного развернутого высказывания, часто из-за непонимания семантики отдельных слов вне конкретной ситуации; дефицит активного и пассивного словаря; фиксация на внешних впечатлениях и при этом неумение устанавливать адекватные причинно-следственные связи [Методы... 2010; Шашкова 2022].

Данная статья посвящена анализу экспериментального исследования особенностей восприятия и интерпретации эргонимикона с компонентами-зоонимами детьми младшего школьного возраста. В качестве **материала** используются ассоциации (направленные и спонтанные), а также метаязыковые высказывания детей 7-ми–11-ти лет Белоярской средней школы. Для сопоставления результатов было сформировано две группы респондентов одного возраста: с нормотипичным речевым развитием и с общим недоразвитием речи и обучающиеся по общеобразовательной программе, адаптированной профильными специалистами (логопедами, коррекционными педагогами и учителями русского языка и литературы).

Эксперимент проводился в несколько этапов, соответствующих основным задачам исследования процессов речевосприятия зоонимических эргонимов и их речепорождения, создания собственных номинаций. Стимулами выступали слова и номинативные словосочетания, относящиеся к разряду зоонимических наименований городских объектов: ветеринарных клиник, зоомагазинов, приютов для животных и т.п., представленных в эргонимическом «ландшафте» Екатеринбурга. Предполагалось, что процесс толкования значения эргонима актуализирует, с одной стороны, метаязыковую рефлексию ребенка, его внимание к формальной и содержательной стороне «этикетки» соответствующего объекта, с другой – общекультурный фон детей конкретной возрастной группы и их коммуникативную компетенцию (см., например: [Гридина, Коновалова 2023: 323–336]).

Экспериментальные процедуры и основные результаты исследования

В онтолингвистических исследованиях детская речь рассматривается широко (не только как ее продуцирование, но и как восприятие [Глухов 2013; Гридина 2014; Доброва 2010; Лурия 2019; Цейтлин 2020]). Дети с ОНР имеют специфические особенности восприятия и интерпретации языковых единиц, что проявляется, в частности, в используемых ими стратегиях ассоциирования, номинативных и текстопорождающих практиках, в том числе в понимании и объяснении эргонимов.

Соответственно наша экспериментальная серия включала ряд этапов, связанных с выявлением особенностей рецептивных и ономазиологических процессов у младших школьников с ОНР в сравнении с нормотипичными детьми.

1. Эксперименты, верифицирующие особенности восприятия

1.1. Свободный ассоциативный эксперимент

На начальном этапе была использована процедура свободного ассоциативного эксперимента (далее – САЭ), который выступает как «... главный инструмент создания эмпирической базы для выявления самого тезауруса потенциальных ассоциативных связей в проекции на конкретные тематические сферы, охваченные сознанием языковой личности» [Гридина, Коновалова 2020: 30]. Участникам предлагалось дать первые пришедшие в голову ассоциации к эргониму «Гав-мяу!» (при этом *не указывалось, что это название зоомагазина*).

По совокупности реакций, полученных в результате проведения САЭ, были составлены ассоциативные поля (отдельно по каждой выборке) и выделены ассоциативные доминанты. В Таблице 1 приведены обобщенные результаты данного эксперимента.

Таблица №1

Результаты САЭ

Нормотипичные дети	Дети с ОНР
Конкретные названия животных и обобщающие понятия	
<i>собака (5), кошка (5), питомец, зверек, друг, животные, звери, домашние питомцы</i>	<i>животные (одна обобщающая ассоциация) собака (3), кошка (2), Мурка, Мухтар</i>
Звуковые ассоциаты и их характеристики	
<i>лай (2), лай собаки, мурлыканье, шум во дворе, звуки, мяуканье, громкий,</i>	<i>собака лает, кошка мурлыкает, так разговаривают</i>
Места обитания животных	
<i>в парке (2), гуляет во дворе, дом, улица, квартира</i>	<i>дом, во дворе</i>
Обозначения действий животных	
<i>игра, любит общаться, приветствие, защита, мурлыкает кошка</i>	<i>кошка и собака играют</i>
Атрибуты, связанные с уходом за домашними животными	
<i>игрушка (2), вкусняшки, миска, поводок, домик</i>	<i>игрушки, корм</i>
Эмоционально-оценочные ассоциации, выражающие отношение к животному	
<i>хорошие (2), радость, веселая игра, веселый, игривое настроение, дружба животных, ласковые лапки, мягонькие ушки, добрый</i>	<i>веселые</i>
Визуальные ассоциации, связанные с восприятием поведения и внешности животных	
<i>играющие щенки, пушистый хвост, хвостом виляют</i>	-
Ситуативные ассоциации	
<i>детская площадка, веселый зоопарк, на даче, у бабушки в деревне, двор с животными, гулять! утренняя прогулка, животные в парке</i>	<i>это когда кошка и собака вместе, голос подает на прогулке, есть хочет, кошка убегает от собаки, они дружат</i>

<i>Культурные ассоциации</i>	
<i>мультик про животных, сказка про кошку и собаку, мультик «Простоквашино», кот Матроскин и собака Шарик</i>	<i>мультки</i>

Заметим, что в обеих выборках, судя по реакциям, отсутствует привязка стимула к номинации городского объекта и/или его функции.

Для *нормотипичных* детей характерны весьма разнообразные векторы ассоциирования. При большом количестве звуковых ассоциаций (что вполне естественно для стимула-звукоподражания) в данной выборке представлены реакции других модальностей (визуальной, кинестетической) с разным тематическим репертуаром: от конкретных названий животных, их атрибутов, действий, мест обитания и т. п. до обобщающих номинаций, в том числе абстрактных существительных. Особенно заметно преобладание эмоционально-оценочных и культурных ассоциаций в ассоциативном поле респондентов данной группы.

У детей с ОНР количество реакций намного меньше (в отличие от первой группы, в которой дети приводили по несколько реакций); в процессе ассоциирования определенно доминирует «фокус» на базовых, хорошо знакомых образах. В этом проявляется прямая связь с личным опытом испытуемых, ассоциативный ряд ограничен преимущественно ситуативными и звуковыми ассоциациями.

1.2. Направленный ассоциативный эксперимент (далее – НАЭ)

На следующем этапе был проведен НАЭ с ограничением в стимуле: тот же эргоним «Гав-мяу!» предъявлялся в контексте, и *было указано, что это название зоомагазина*.

На основе НАЭ была выявлена ассоциативная динамика восприятия эргонима для обеих групп респондентов. Более 80% ответов ориентированы не на мотиватор-звукоподражание «Гав-мяу!», а на функциональное назначение объекта номинации – *зоомагазин*. При этом можно заметить сокращение общего количества ассоциативных доминант и их «переакцентировку» (по сравнению с САЭ). Во-первых, появились *названия мест, где продают животных* (*зоомакет (2), планета животных (2), магазин чудес, зверополис, зоопарк в коробке, волшебный склад, звериный рай, птичий рынок, кошачий дом, зоомир*). Во-вторых, расширились фрагменты ассоциативного поля с доминантами *конкретные названия животных и обобщающие понятия* (*кошки, собаки, морская свинка, попугай, рыбки, котята, животные, грызуны*); *атрибуты, связанные с уходом за домашними животными* (*корм (3), витаминки, стильная миска, большая миска, мягкая подстилка, специальный корм, шампунь, чесалки для шерсти, когтеточка, поилка-фонтан, поводки, ошейники, лекарства, клетки для грызунов*); *ситуативные ассоциации* (*мы там покупаем корм, папа купил новую клетку попугаям, можно поиграть с котятами, хожу рыбок смотреть в аквариуме*). Примерно таким же в количественном отношении, как в САЭ, осталось наполнение ассоциативных доминант *эмоционально-оценочное отношение к объекту*: положительное (*мой любимый магазин (3), веселый магазин, там весело, забота о животных, праздник, интересный магазин*) и отрицательное (*животные в клетках, пахнет кошачьи, негде играть*); *визуальные ассоциации, связанные с восприятием поведения и внешности животных* (*красивые мордочки, маленькие собачки, пушистые морские свинки,*

разноцветные котята). В-третьих, в ассоциативных полях не отмечаются реакции, объединенные доминантами *места обитания животных, обозначения действий животных* и *культурно маркированные* ассоциации.

Восприятие стимулов детьми с ОНР характеризуется только двумя направлениями ассоциирования с небольшим количеством ассоциатов: *номинации конкретных животных*, чаще всего домашних (*кошка, собака*) и *тематические* реакции, связанные с типовыми ситуациями общения детьми с животными (*игра, прогулки, корм и др. фреймы, структурирующие эти ситуации*).

1.3. Эксперимент «Почему так называется?» предполагал выявление характера осмысления содержания эргонимов. Участники эксперимента должны были дать объяснение названия (модель и аналог такого эксперимента см.: [Гридина, Коновалова 2024]). Приведем некоторые примеры: *Зверополис* (зоомагазин): *звери (12), большой магазин (6), мегаполис (3); мультик (2); магазин, где продают животных (2); город зверей; большой парк, где живут разные звери; зоотовары; там продают собак и кошек; там есть морские свинки, черепахи, змеи, разные звери; красивый мир, как мультик*. В группе *нормотипичных* детей выделяется три направления ассоциирования: а) по связи с первой основой сложения (например, *звери, животные, зоо-*); б) по связи со второй основой сложения, устойчиво фиксированной в распространенной модели номинации городских объектов (*большой магазин, мегаполис* – ср. знакомые детям названия *технополис, акваполис, экополис*); в) по связи с названиями мультфильмов, видеоигр и др. прецедентов детской игровой субкультуры (*большой парк, город зверей*). Отметим, что концентрация ребенка на одном, наиболее «перцептивно выпуклом» компоненте названия является одной из доминирующих стратегий восприятия детьми незнакомого слова. В группе детей с ОНР отмечено два вектора ассоциирования – с близкими по звучанию словами *зверь* и *полюс* (паронимическая аттракция), соответственно, все ассоциаты относятся к двум тематическим группам: *зоопарк (2); зверинцы; там живут белые медведи; северный полюс*. Заметим, что дети обеих групп не обращают внимания на функцию объекта (зоомагазин).

1.4. Эксперимент «Что может так называться?». Следующий этап эксперимента предполагал способность детей интерпретировать название городского объекта (при этом его функция не указывалась, стимулы были отобраны из разных референтных групп).

Анализ восприятия предложенных эргонимов показал, что у детей обеих групп наблюдаются сложности понимания многозначных слов и метафор, входящих в их состав, особенно без визуальной поддержки. Это объясняется несколькими причинами: во-первых, ограниченным словарным запасом школьников, во-вторых, склонностью к буквальному толкованию метафоры; в-третьих, затруднениями в восприятии абстрактных понятий, поскольку у детей этого возраста, даже нормотипичных, доминирует симпрактический опыт [Лурия 2019]; в-четвертых, преобладанием конкретных, преимущественно зрительных ассоциаций, связанных с личностным опытом, ограниченность смысловых связей [Коновалова 2020]. В Таблице 2 приведены наиболее типичные направления метаязыковой рефлексии детей обеих экспериментальных групп в отношении названия.

Таблица №2

Ответы на задание «Что может так называться?»

<i>Нормотипичные дети</i>	<i>Дети с ОНР</i>
«Все как у зверей»	
Зоомагазин: «Там продаются игрушки, корм и домики, все, что нужно зверям». Детский клуб: «Место, где дети играют, как в джунглях, бегают, лазают, веселятся» Ветеринарная клиника: «Там заботятся о животных, как о людях»	Зоопарк: «Там живут звери» Магазин: «Там продают зверей или все для зверей» Клиника для кошек и собак: «Там лечат зверей»
«Планета животных»	
Зоопарк: «Как будто путешествуешь по разным странам, где живут разные животные» Музей: «Место, где можно узнать про всех животных планеты» Детский центр: «Там дети изучают разных животных со всего мира»	Зоопарк: «Там много зверей, как на планете» Магазин: «Там продаются мягкие игрушки» Выставка: «Там показывают животных»
«Ай, болит!»	
Ветеринарная клиника: «Место, где животным помогают, когда у них что-то болит» Детская поликлиника: «Там лечат детей, когда им больно» Аптечная сеть: «Лекарства, которые помогают больным людям и животным»	Больница: «Там, где лечат» Доктор: «Там делают уколы» // «Там работают доктора» Ветеринар: «Человек, который делает уколы собакам»
«Мокрый нос»	
Ветеринарная клиника: «У собак мокрый нос – значит, они здоровые» Зоомагазин: «Место, где продаются товары для животных с мокрыми носами» Приют для животных: «Заботятся о питомцах, следят за их здоровьем»	Парикмахерская: «У собак мокрый нос, их там моют» Зоомагазин: «Там продают корм для собак» Приют: «Там живут собаки»
«Ученый кот»	
Библиотека: «Как кот из сказки, который все знает» Учебный центр: «Место, где учат детей, как умный кот» Детский клуб: «Там проводят развивающие занятия»	Школа: «Там учат кошек» Библиотека: «Там много книг про кошек» Учитель: «Там учат котов»
«Лови хвост»	
Детская площадка: «Место, где дети играют с собаками в игры» Развлекательный центр: «Там есть игры и развлечения для собак» Спортивный клуб: «Место, где тренируют животных и играют с ними»	Парк: «Там можно бегать за собакой» Игра: «Там играют с собакой, ловят ее хвост» Игра, когда кошка ловит мышку

Можно отметить особенности толкований, характерные для обеих групп участников эксперимента: **нормотипичные дети** проявляют креативность в ответах, учитывают контекст названий, используют развернутые объяснения, демонстрируют понимание метафор, в ряде случаев предлагают несколько вариантов ответов (в соответствии с критерием креативности *спонтанная гибкость* [Гридина 2014: 30-35]); **дети с ОНР** дают односложные ответы, склонны к буквальному толкованию названия, ограничиваются конкретными ассоциациями, используют простые конструкции. Респонденты этой группы осмысливают явления и предметы в ситуативном контексте с устойчивыми типовыми ассоциативными признаками. Ср. *ветклиника = больница* → *врач лечит, таблетки, лекарства*; *ученый кот = учить* → *учитель, школа, книги, библиотека* и т.п.

Можно сделать вывод о том, что для **обеих** групп главным вектором восприятия и интерпретации содержания эргонима является ориентация на собственный языковой и когнитивный опыт. При этом особенности объяснений детей с ОНР заключаются в том, что ими не учитываются тонкие дифференциальные, в том числе функциональные признаки объекта, даже если эти признаки (по условиям эксперимента) обозначены в названии.

2. Эксперименты, верифицирующие особенности речепорождения

2.1. Ономаσιологический эксперимент «Как можно назвать?». Задачей этого этапа эксперимента было выявление используемых детьми младшего школьного возраста номинативных стратегий. Участники эксперимента должны были сами придумать названия, связанные с животными, для городских объектов. Приведем некоторые наиболее показательные примеры:

Названия зоопарков

Нормотипичные дети: «Дивный мир зверей»: в зоопарке живут дикие звери, как в сказке // «Планета животных»: как будто путешествуешь по планете зверей // «Джунгли в городе»: как будто только что попал в настоящие джунгли // «Царство зверей»: звери как цари в своем доме // «Зеленый дом»: там много зелени и животных.

Дети с ОНР: «Звери в клетках»: звери сидят в клетках // «Зоопарк»: ну, просто зоопарк, там звери // «Животные»: там много животных // «Клетки»: там звери в клетках живут // «Дикие звери»: там живут дикие звери.

Названия магазинов

Нормотипичные дети: «Звериный мир»: здесь много разных животных, как в настоящем мире // «Лапки и хвосты»: потому что у всех животных есть лапки и хвосты // «Друзья человека»: животные – наши друзья, мы должны о них заботиться // «Зоомагия»: мы любим животных, они как маги // «Четвероногие друзья»: все животные на четырех лапах, они наши друзья.

Дети с ОНР: «Еда для собак и кошек»: там кормят животных // «Магазин зверей»: в нем продают зверей // «Котики и собачки»: там есть игрушки для котиков и собачек // там продаются котики и собачки // «Звери»: ну, про зверей все // «Лапы»: у зверей есть лапы // «Корм для животных»: там дают корм животным.

Названия ветеринарных клиник

Нормотипичные дети: «Доктор Айболит»: как в сказке, доктор лечит всех зверей // «Звериная помощь»: помогают животным, когда они болеют // «Здоровые друзья»: чтобы все животные были здоровыми // «Ветдоктор»: доктор для зверей // «Лапки здоровые»: чтобы у всех зверушек были здоровые лапки // «Заходите к нам лечиться»: когда приглашают хозяина со своим животным.

Дети с ОНР: «Больница для зверей»: там лечат зверей // «Доктор»: доктор лечит зверей // «Звери лечатся»: делают уколы животным // «Лечение собак»: лечат собак // дают таблетки.

Названия приютов для животных

Нормотипичные дети: «Дом друзей»: здесь животные находят новый дом // «Теплый уголок»: место, где животным тепло и хорошо // «Второй шанс»: животные получают второй шанс на счастливую жизнь // «Добрые сердца»: люди здесь добрые, помогают животным // «Счастливый дом»: животные счастливо живут // «Кошкин дом»: все кошки с котятками в одном доме, как в мультике.

Дети с ОНР: «Мухтар»: это приют для собак // «Мурка»: приют для кошек // «Дом для животных»: там живут кошки и собаки // «Приют»: ну, то, что приют для зверей // «Большая конура»: там помогают собакам // «Теплый дом»: там тепло, там звери живут

Анализ экспериментальных данных позволяет отметить некоторые различия в стратегиях номинации, использованных детьми сопоставляемых групп.

Нормотипичные дети используют конструкции разных типов, включают в названия объектов метафоры, обнаруживают понимание социального контекста (в частности, учитывают функцию приюта для животных, ветеринарной клиники), используют прецедентные феномены (репродуцируют общеизвестные названия, или включают в название прецедентные имена, цитаты из детской литературы, мультфильмов).

Дети с ОНР дают краткие объяснения, как правило, используя однотипные конструкции, склонны к ситуативному толкованию номинации, пропускают объяснения абстрактных понятий, фокусируются на одной (основной функции), буквально повторяют в объяснении слова, входящие в состав эргонима.

Ономасиологический эксперимент подтвердил основной вывод по результатам предыдущих этапов: дети младшего школьного возраста при создании эргонимов демонстрируют наглядно-действенный характер мышления и опору на известные им предметные эталоны.

Значительное количество номинаций в речи детей имеет прецедентный характер («Кот Леопольд», «Ребята и зверята», «Айболит», «Кошкин дом») или ориентировано на типовые модели номинации городских объектов («Мир животных», «Мир кошек», «Мир кошек и собак», «Зоомир»).

2.2. Идеи для рекламы. Завершающий этап ономасиологического эксперимента.

Испытуемым предлагалось придумать идеи для рекламы зоопарка «Все, как у людей» (задание подразумевало развертывание номинации в сюжет, с элементами визуализации):

Нормотипичные дети: «Нарисовать обезьяну в шляпе на пляже» // «Показать тигра в квартире в кресле в халате, с газетой в лапах» // «Изобразить, как заяц с тарелкой моет посуду» // «Нарисовать медведя в рубашке, катающегося на велике по городу» // «Показать животных, празднующих за столом».

Дети с ОНР: «Нарисовать слона с книгой, я видел» // «Нарисовать зверей на празднике» // «Показать зоопарк дома» // «Нарисовать лису с лисенком в коляске» // «Нарисовать кота с кошкой, как в мультике».

Обе группы детей связывают зоопарк с человеческой жизнью, отражают бытовые ситуации, проявляют интерес к социальной тематике, используют понятные им образы,

стремятся к созданию узнаваемых ассоциаций. Однако отмечаются и значимые отличия в коммуникативной деятельности участников эксперимента:

– *нормотипичные дети* проявляют развитое воображение, создают сложные сюжетные ассоциации, учитывают социальные аспекты рекламы, предлагают разнообразные детализированные идеи относительно ролей животных в мире человека, довольно часто оперируют метафорами;

– *дети с ОНР* дают более простые, конкретные ассоциации, при этом фокусируются на базовых элементах сюжетной основы эргонима, ограничиваются основными признаками объекта, используют редуцированные объяснения в опоре на знакомые сюжеты и предлагают более схематичные идеи для рекламы.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить *общие тенденции в рецептивных и речепорождающих ономаσιологических практиках* младших школьников (детей нормотипичных и детей с ОНР). Общей характеристикой кодирования и декодирования содержания эргонимов является затруднение участников эксперимента обеих групп от простой ретрансляции сформированных представлений о функции названия объекта к более сложным ментальным операциям: метафорическое переосмысление, введение слова / словосочетания (номинации городского объекта) в новый ассоциативный контекст, выбор вариативных моделей означивания. Это объясняется преобладанием у детей данного возраста наглядно-действенного и наглядно-образного мышления, в то время как обобщение предполагает смену психических операций и переход к вербально-логическому мышлению. И даже в этом случае некоторое время выделение общих признаков объектов и введение их в общую логическую категорию еще основывается на наглядном сравнении.

Результаты экспериментальной серии позволили верифицировать такие стратегии рецептивных практик у *нормоцентричных* младших школьников, как ориентация на общий смысл высказывания, соотнесение отдельных семантических и формальных (структурных) языковых единиц с их функциональной и прагматической нагруженностью. В ономаσιологических практиках данной группы особенно заметна ориентация на прецеденты детской субкультуры (мультфильмы, игры, литературу, фольклор), а также стремление к сюжетному развертыванию номинации.

Наиболее ярко в речи детей той же возрастной группы *с ОНР* проявляется тенденция к выделению различительных признаков, объектов, действий, вместо выделения общих, объединяющих. Таким образом, дети с ОНР демонстрируют *специфические аспекты восприятия и объяснения* различных наименований, что требует особого подхода в коррекции их речевого развития.

Рекомендации по работе с детьми данной группы предполагают необходимость дополнения имеющихся логопедических методик психолингвистическими технологиями, в частности, связанными с анализом процессов ассоциирования как основы восприятия и порождения речевого продукта. Разного рода номинативные, словообразовательные, текстопорождающие тренинги (см. подробное описание тренингов вербальной креативности в [Гридина 2014]) направлены на расширение словарного запаса, развитие ассоциативного мышления, формирование навыков объяснения, понимание метафор и фразеологизмов.

© Гридина Т.А., Коновалова Н.И., 2025

Литература

- Бубнова И.А.* Когнитивный механизм формирования структуры субъективного значения слова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №3(16). С. 51–56.
- Глухов В.П.* Психолингвистика. Учебник для факультетов специальной педагогики и психологии педагогических и гуманитарных вузов и коррекционных педагогов-практиков. М.: В. Секачев, 2013. 344 с.
- Гридина Т.А.* Экспериментальный ресурс диагностики и тренинга вербальной креативности // Филологический класс. 2014. №2(36). С. 30–35.
- Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Ассоциативно-вербальная сеть как динамическая модель языкового сознания: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2020. № 18. С. 27–47. DOI 10.26170/pla20-01-04.
- Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. 3-е издание, исправленное. М.: ФЛИНТА, 2024. 360 с.
- Доброва Г.Р.* Эксперимент в онтолингвистике. СПб.: ООО «КОСТА», 2010. 52 с.
- Жукова Н.С.* Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников: книга для логопеда. Екатеринбург: ЛИ-ТУР, 2000. 320 с.
- Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ: Астрель, 2002. С. 750–782.
- Коновалова Н.И.* Современный учебный текст по русскому языку: механизмы восприятия и принципы конструирования // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 164–172. DOI 10.26170/FK20-01-16.
- Леонтьев А.А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: МГУ, 2005.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. СПб.: Питер, 2019. 336 с. (Серия «Мастера психологии»).
- Методы обследования речи детей: Пособие по диагностике речевых нарушений /* Под общ. ред. проф. Г.В. Чиркиной. 4-е изд., доп. М.: АРКТИ, 2010. 240 с.
- Сибогатова Н.А.* Формирование умений восприятия и воспроизведения связного речевого высказывания у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 11 апр. 2024 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2024. С. 194–197.
- Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира. Москва: Институт языкознания РАН, 2000. С. 24–33.
- Уфимцева Н.В.* Значение слова как отображение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2015. №25. С. 83–92.
- Цейтлин С.Н.* Языковые правила и их нарушение в речи детей и взрослых // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. №196. С. 7–17. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-196-7-17

Шашкова В.А. Особенности формирования связной монологической речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня по авторской методике В.П. Глухова // *ЕО IPSO*. 2022. №5. С. 63–66.

Blakea A., Dqbrowskab E., Riches N. Exploring cognitive predictors of language in children with developmental language disorder: The role of nonverbal IQ, working memory, implicit statistical learning, and speed of automatization // *Journal of Communication Disorders*. 2025. 116. 106541. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-communication-disorders/vol/116/suppl/C> (дата обращения: 15.06.2025).

Gridina T.A. Text Generation Strategies for the Future of Digitalization of Experimental Data // International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020): Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020). Vol. 437. Yekaterinburg: Atlantis Press, 2020. P. 103–107. DOI 10.2991/assehr.k.200509.019.

Hoff-Ginsberg E. Mother-child conversation in different social classes and communicative settings // *Child Development*. 1991. N 62. P. 782–796.

Schlesinger I.M. Acquisition of Grammar: What and How Should We Investigate? *Word*, 1971. 27: 1–3. 187–194. DOI: 10.1080/00437956.1971.11435623

Сведения об авторах:

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры общего языкознания и русского языка ФГАОУ ВО «УрГПУ»

Контактная информация:

620091, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, дом 26, оф. 281.

ORCID: 0000-0003-3993-5164

e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры общего языкознания и русского языка ФГАОУ ВО «УрГПУ»; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся ФГБОУ ВО «УрФУ»

Контактная информация:

620091, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, дом 26, оф. 281.

620000, г. Екатеринбург, ул. Чапаева, дом 16, оф. 309.

ORCID: 0000-0002-8541-1014

e-mail: sakralist@mail.ru

Для цитирования:

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Рецептивные и ономазиологические практики в коммуникативной деятельности младших школьников с общим недоразвитием речи // *Вопросы психолингвистики*. 2025. №3(65). С. 60–73, doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-60-73

UDC 81'23

LBC 100.6

DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-60-73

Research article

RECEPTIVE AND ONOMASIOLOGICAL PRACTICES
IN THE COMMUNICATIVE ACTIVITIES OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN
WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT²

Tatiana A. Gridina

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

Nadezhda I. Konovalova

Ural State Pedagogical University,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia

Abstract

The article presents an experimental investigation into the perception of linguacreative ergonyms and the generation of proper names by children with normative speech development and those with general speech underdevelopment. The research objective was approached through a stepwise (multi-step) verification of the associative context accompanying nominations of urban objects in the consciousness of primary school students using pilot free and directed associative experiments, alongside the method of direct interpretation and onomasiological experimentation. The stimulus material comprised the names of pet shops, veterinary clinics and pharmacies, animal shelters, and contact zoos in Yekaterinburg, while incorporating vocabulary and phraseology from the “zoonyms” cluster. The interpretation of an ergonym is considered a speech-thinking “reflexive act” that mirrors the child’s cognitive operations in speech perception and speech production, as well as general cultural and speech (text) competence. The material source consisted of children’s urban objects nominations associated with the “animal world”, along with reflexive statements from students in special education classes for oral and speech impairments. A comprehensive analytical approach to linguistic material enabled the identification of distinctive features of receptive and nominative (name-generating) speech of primary school children with general speech underdevelopment.

Keywords: general speech underdevelopment, children’s speech, speech production, speech perception, psycholinguistic experiments

© Gridina T.A., Konovalova N.I., 2025

² The current research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region, grant No. 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>

Bionotes:

Tatiana A. Gridina – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Contact information:

26, Kosmonavtov av., Yekaterinburg, Russian Federation, 620091

ORCID: 0000-0003-3993-5164

e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Nadezhda I. Konovalova – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of the Department of Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Contact information:

26, Kosmonavtov av., Yekaterinburg, Russian Federation, 620091

ORCID: 0000-0002-8541-1014

e-mail: sakralist@mail.ru

For citation:

Gridina T.A., Konovalova N.I. Receptive and onomasiological practices in the communicative activities of primary school children with general speech underdevelopment // Journal of Psycholinguistics. 3(65), 2025. P. 60–73. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-60-73 (In Russian)

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ ANGST/СТРАХ:
СУБЪЕКТИВИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНСТАНТЫ
НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Гух Жанна Кимовна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

Кустова Мария Викторовна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

Аннотация

Объектом настоящего исследования является эмоциональный концепт ANGST в немецком языковом сознании, а в качестве предмета выступает его субъективированное содержание. Авторы статьи полагают что концепт ANGST является константой немецкой культуры, определяющей типично-немецкий концепт ORDNUNG, о чем свидетельствуют другие проведенные нами исследования. Настоящая статья посвящена субъективированному содержанию лингвокультурного эмоционального концепта ANGST, зафиксированному в «наивном» немецком языковом сознании. «Наивное» содержание было выявлено на основе результатов лингвистического эксперимента, участниками которого стали современные носители немецкой лингвокультуры, использующие немецкий язык для ежедневной коммуникации и не изучающие концептологию собственного языка, т.е. его «наивные» носители. Для проведения эксперимента авторы обращаются к приему вольной дефиниции как к способу идентификации ассоциаций «наивного» немецкого языкового сознания с лексемой-стимулом Angst. В ходе эксперимента авторами было получено 23 «наивных» дефиниции и 30 сем соответственно, выявленных с помощью методики семного анализа И.А. Стернина. На основе анализа вольных дефиниций авторы, распределяя полученные семы в поле концепта от ядра к дальней периферии, строят ассоциативное поле эмоционального концепта ANGST и предлагают свою интерпретацию переживания немцами концепта ANGST. На сегодняшний день исследование отличается особой актуальностью, т.к., во-первых, за последние десятилетия Германия, как и весь мир, прошла через множество кризисных ситуаций, очевидно вызывающих страх среди всех слоев населения. Во-вторых, мир сегодня сталкивается с кризисом межкультурной коммуникации, выражающимся в неготовности услышать и понять собеседника-иностранца. Наше исследование, проведенное на стыке языка и психологии, способно подтвердить важность бережного отношения к языку собеседника как хранителю психологической концепции нации.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт ANGST, субъективированное содержание, лингвистический эксперимент, полевая структура, интерпретация, прием вольной дефиниции, «наивное» языковое сознание

Авторы выражают *благодарность* носителю немецкого языка Сольвейг Круг (учителю английского, французского языков и немецкого как второго языка для иностранцев, проживающих в Германии) из центра профессионального обучения г. Каменц (Саксония, Германия) за консультационную поддержку при составлении анкеты для лингвистического эксперимента.

Введение

Для современных лингвистов, занимающихся уже не только языковыми формами, но и изучением связи языка, культуры и сознания, очевидно, что язык и культура невозможны друг без друга. Индивид – представитель определенной лингвокультуры, – рождаясь и переживая становление личности в своем национальном сообществе, становится одновременно и создателем, и заложником своей культуры. Соответственно, многие лингвисты, исследующие психологию языка, полагают, что все эмоциональные реакции уже заложены в сознании индивида благодаря опыту его предков, таких же представителей лингвокультуры [Тер-Минасова 2000: 40]. Мы с уверенностью заявляем, что концепт ANGST является константой немецкой культуры, поскольку константой является концепт, существующий постоянно, или, как минимум, очень продолжительное время [Степанов 2004: 84]. Эмоциональный концепт ANGST сопровождает носителей немецкой лингвокультуры с самого момента зарождения еще древних форм немецкого языка и культуры соответственно. Немецкий менталитет – продукт множества кризисов, пережитых нацией. Стереотипные качества немецкого менталитета, под которыми мы сегодня понимаем любовь к порядку, послушание, некоторое занудство и наличие на национальном уровне феномена German Angst, который характеризуется страхом перед будущим и крайней потребностью в безопасности и контроле, являются результатом постоянной национальной борьбы и страха за жизнь нации. Концепт ANGST, таким образом, является базисом, на котором возник стереотипно-немецкий концепт ORDNUNG [Кустова [http](#)].

Для лингвоконцептологии характерны два подхода к пониманию концептов – формальный и содержательный. По мнению С.Г. Воркачева, в формальном понимании, лингвоконцепты – «это семантические образования, стоящие за словами, которые не находят однословных эквивалентов при переводе на другие языки» [Воркачев 2005: 12]. Содержательно же, лингвоконцепты следует определить как «понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов», закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса» [Воркачев 2005: 12]. Для лингвиста-когнитолога очевидно, что концепты не обитают на страницах словарей, т.к. являются слишком глобальными и всегда включают в себя невербализованную часть, которую возможно только прожить и почувствовать. Концепты выбирают более просторное место жительства – сознание носителей лингвокультуры, сформированное благодаря опыту предков, столкнувшихся с различными явлениями и потрясениями, которые стали базисом для их картины мира. Словарное значение заставляет концепт тесниться в рамках объективности. Обращаясь к вопросу различия понятий «концепт» и «значение», З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют два типа значения: «значение, представленное в толковом словаре, и значение, представленное в сознании носителя языка» [Попова, Стернин 2009: 37]. В толковом словаре, соответственно, представлено значение, стремящееся к объективности, т.е. «усредненное». Однако не стоит умалять значимости «усредненного» значения, ведь

«свернутый, надындивидуальный образ является основой формирования всякого индивидуального сознания» [Сухорукова 2023: 883]. Так, например, наш анализ словарных дефиниций номинанта концепта ANGST показал, что «усредненное» немецкое языковое сознание связывает данный концепт с наличием угрозы. При этом в словарных дефинициях выражена возможность проявления концепта ANGST без видимых причин, что свидетельствует о его иррациональной природе. Примечательно, что семы из словарных определений лексемы *Angst* тесно связаны с этимологическими данными: явления, прежде относившиеся к физическому миру, теперь характеризуют психическое переживание – чувство стеснения (в области сердца), удушье, угнетение) [см. подробнее Гух, Кустова 2025]. В настоящей статье мы обращаемся к значению, представленному в сознании носителя языка, т.е. субъективированному, «наивному» значению, выведенному на основе опыта, заложенного в самую субъективную картину мира – эмоциональную.

Сведения о лингвистическом эксперименте

Мы поставили перед собой задачу представить субъективированное содержание концепта ANGST в виде полевой структуры. Субъективированное значение в лингвистике также называется «наивным». Соответственно, нами был проведен эксперимент с «наивными» носителями немецкого языка. В ходе эксперимента испытуемые должны были дать наиболее точное, на их взгляд, определение понятию ANGST. Здесь важно заметить, что мы попросили испытуемых не обращаться к словарям или любым иным справочным материалам, т.к. мы, во-первых, не имели целью оценить ответы как правильные или неправильные, а во-вторых, нас интересовало именно индивидуальное понимание и переживание ANGST каждым «наивным» участником эксперимента. Прием вольной дефиниции был выбран неслучайно. Он предполагает точное и подробное описание феномена ANGST и при этом указывает нам на то, какие события или явления немецкое сознание ассоциирует с понятием ANGST. Эксперимент проводился в период с марта по апрель 2025 г., а, значит, позволяет нам получить доступ к современному немецкому языковому сознанию, в котором отражены те кризисы, которые переживают Германия и мир в данный период. Лингвистический эксперимент был проведен в дистанционном формате с помощью сервиса Google Forms. Эксперимент представлял собой анонимное анкетирование с вопросами, предполагающими как выбор одного варианта ответа, так и развернутый ответ. При составлении анкеты мы обращались за консультационной поддержкой к носителю немецкого языка – Сольвейг Круг – преподавателю центра профессионального обучения г. Каменц (Саксония) (Solveig Krug, Fachlehrerin für Englisch, Französisch, DaZ am Berufsschulzentrum Kamenz).

В эксперименте приняли участие 23 представителя немецкой лингвокультуры. Примечательно, что в ходе эксперимента мы столкнулись с очень значимым фактом отказа испытуемых отвечать на вопросы анкеты. В.И. Шаховский, например, отмечает, что «национально-этнические правила экспрессии конкретных эмоций, естественно, различаются и у индивидуумов, и у социальных групп» [Шаховский 2009: 71]. Так, потенциальные участники эксперимента отказывались от участия в опросе, аргументируя свой отказ тем, что вопросы анкеты являются «слишком личными», несмотря на оговорку, что опрос полностью анонимный. Такая реакция может быть интерпретирована по-разному. Нам, например, удалось установить три возможных причины отказа от участия в анкетировании. Во-первых, отказ может быть обусловлен

сложной геополитической обстановкой (потенциальные респонденты знали, что исследование проводится в России) Во-вторых, уход от ответа на вопрос о страхе может быть защитным механизмом психики. В таком случае потенциальный респондент, вероятно, имеет и без того высокий уровень тревожности и его бессознательное старается оградить его от ситуации-триггера. В-третьих, потенциальный респондент может сталкиваться с опасением признать свои страхи (необходимая в данном случае тавтология), с чем, кстати, довольно часто сталкиваются мужчины [Кон 2009: 74–75]. К слову, в опросе участие приняли лишь 17% мужчин.

Перед тем, как перейти к главному вопросу анкеты (Was verstehen Sie persönlich unter dem Begriff ANGST? / Что лично Вы понимаете под понятием СТРАХ?), мы попросили респондентов ответить на вопросы о семейном положении, наличии или отсутствии детей, школьном и профессиональном образовании и занятости в настоящее время. Данные уточняющие вопросы были включены в анкету, т.к. люди в разном социальном положении с высокой долей вероятности будут иметь разные страхи и разное понимание страха. Например, страх потери супруга (супруги) у женатых, страх за детей у тех, у кого они есть, страх потерять или не найти работу, страх перед экзаменами или страх получения плохих оценок.

Результаты анкетирования. Сведения о респондентах

Большинство респондентов, принявших участие в анкетировании, относятся к возрастной категории «от 40 лет» (52,2%). Следовательно, мы можем утверждать, что нами были получены ответы от людей, чья личность уже сформирована, а мировоззрение устоялось. У респондентов уже есть определенный жизненный опыт и сложившаяся «жизненная философия». Участие в анкетировании приняли преимущественно женщины (83%), о чем уже упоминалось выше. Большинство респондентов замужем / женаты либо состоят в незарегистрированных отношениях (47,8%). 56,5% опрошенных имеют детей, но не являются многодетными (т.е. имеют не более двух детей). 73,9% опрошенных получили документ об общем среднем образовании, который дает право на поступление в высшее учебное заведение (Schulbildung: Abiturzeugnis oder Fachabiturzeugnis). Равное количество опрошенных (по 43,5%) имеет или получает в настоящий момент среднее профессиональное образование (Berufsausbildung: Berufsschulabschluss bzw. derzeit in Ausbildung) и закончило или является студентом высшего учебного заведения (Berufsausbildung: Universität oder Hochschule bzw. derzeit dort Student/in). 39,1% опрошенных трудоустроены и работают на полную ставку. (derzeitige Tätigkeit: berufstätig / erwerbstätig in Vollzeit).

Макрокомпонентный анализ вольных дефиниций

В ходе эксперимента нами было получено 23 определения лексемы-стимула ANGST. Для представления субъективированного содержания эмоционального концепта ANGST обратимся к семному анализу. Прежде всего нам необходимо определить, какие архисемы «наивное» немецкое языковое сознание приписывает лексеме *Angst*. Здесь нам необходимо обратиться к методике семного анализа и понятиям «денотативные макро- и микрокомпоненты», предложенным И. А. Стерниным. «Денотативный макрокомпонент – это основной компонент лексического значения слова, указывающий на свойства, признаки предмета номинации. Он передает основную, коммуникативно значимую информацию» [Стернин 2006: 44]. Составляющими денотативного макрокомпонента являются микрокомпоненты, т.е. семы, которые несут в себе отличительные признаки значения той или иной лексемы [Стернин 2006: 44].

Наибольшее количество определений (10) включают в себя архисему *Gefühl* (чувство), что вполне ожидаемо. На втором месте по частотности (5 определений) находится архисема *Situation* (ситуация). В данных контекстах «наивные» носители немецкого языка объясняют ANGST через ситуации, порождающие это состояние, т.е. описывают ситуации-триггеры. В четырех определениях архисемой является *Zustand* (состояние), что тоже вполне объяснимо, т.к. *Zustand* описывает нечто застывшее, скованное, в нашем случае даже оцепеневшее от страха [Гух, Кустова: 2025]. Два определения основаны на архисеме *Emotion* (эмоция), что также относит лексему *Angst* к миру чувств и эмоций, и два определения включают в себя архисему *etwas* (что-либо), которую мы интерпретировали как *Subjekt* ([активный] субъект). В данном контексте мы полагаем, что для «наивных» носителей немецкой лингвокультуры концепт ANGST является субстанцией, существующей всегда, независимо от времени и пространства, активно воздействующей на человека как на пассивный объект.

Полевая структура субъективированного содержания эмоционального концепта ANGST

Структура концепта представляет собой поле, разделенное на зоны ядра и периферии. В ядерной зоне находятся особенно яркие образы, которые сознание носителя определенной лингвокультуры ассоциирует с концептом. Переход от ядра к периферии совершается плавно, через околядерный компонент. Образы околядерного компонента представляют собой яркие, но вторичные реакции по отношению к слову-стимулу. Периферию составляют «слабо структурированные предикации, отражающие интерпретацию отдельных признаков концепта и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей» [Язык и национальное сознание 2002: 32]. Но это несколько не умаляет важности периферии для концепта. Периферийные семы «актуализируются в речи, создают образность и экспрессивность словоупотребления, выступают основой образования переносных значений, расширяют номинативные возможности слова» [Стернин 2006: 50].

В ходе исследования концепта ANGST был проведен микрокомпонентный анализ «наивных» дефиниций, позволивший выделить 30 сем. На основе частотного принципа они были распределены на следующие группы: ядерные (26% повторов), околядерные (17% повторов), семы ближней периферии (10% повторов) и семы дальней периферии (7% повторов). Столь значительное количество семантических компонентов свидетельствует о многообразии форм переживания ANGST и отражает индивидуальные особенности восприятия связанных с этим чувством явлений. Полученные данные систематизированы в Таблице №1. Одиночные семы в таблицу включены не были.

Таблица №1

Полевая структура субъективированного содержания эмоционального концепта ANGST

Тип сем	Семы		Количество повторов	
	немецкий язык	перевод на русский язык	в ед.	в %
Ядерные	- es gibt eine Bedrohung	- есть угроза	8	26%

Околоядерные	- Unsicherheit	- неуверенность	5	17%
	- man fühlt sich unwohl	- чувствуешь себя некомфортно	5	17%
Ближняя периферия	- Ungewissheit	- неопределенность	3	10%
	- man braucht einen Abstand	- требуется дистанция	3	10%
	- Unruhe	- беспокойство	3	10%
Дальняя периферия	- beeinflusst rationales Handeln negativ	- негативно влияет на рациональные действия	2	7%
	- Erwartung von [möglichen] negativen Konsequenzen	- ожидание [возможных] негативных последствий	2	7%
	- verursacht physiologische Reaktionen	- вызывает физиологические реакции	2	7%
	- man fühlt sich klein	- чувствуешь себя маленьким	2	7%
	- subjektiv	- субъективный	2	7%

Интерпретация переживания ANGST «наивным» немецким языковым сознанием

Мы предлагаем следующую интерпретацию переживания ANGST «наивным» немецким языковым сознанием.

Нечто из внешнего мира вызывает в психике яркую реакцию, которую сознание расширяет как «*es gibt eine Bedrohung* (есть угроза)». Здесь нам следует обратить внимание русскоязычного читателя на то, что перевод сем на русский язык не передает всю их немецкую специфику. Фразы с компонентом *es gibt* принято переводить как «есть / наличествует [что-либо]», но важно принять во внимание морфолого-синтаксические характеристики конструкции, состоящей из трех компонентов: *es, gibt* (всегда в 3 л., ед.ч.) и дополнения в аккузативе (если оно в ед. ч., то не может стоять с определенным артиклем). Из множества попыток трактовать специфику конструкции мы выбрали три: Н.С. Бабенко, В.С. Петунина и Х. Бринкмана.

Н.С. Бабенко рассматривает языковые явления с элементом *es* как идиоэтнический феномен грамматического строя немецкого языка, а участие *es* в конструировании большого числа безличных высказываний считает «сигналом обезличенности действия и неопределенного характера референтной ситуации» [Бабенко 2023: 23]. Конструкции *es gibt* Н.С. Бабенко приписывает семантический статус экзистенциальной: «... конструкция *es gibt* представляет собой скорее явление, связанное с отклонениями от номинативного типа предложений и даже в широких границах своих реализаций все же приближается к идиоматическим выражениям с экзистенциальным значением “нечто имеет место быть / не быть”» [Бабенко 2023: 28–29]. Здесь нам следует обратить внимание на психологическую составляющую «словечка» *es* в немецком предложении. Безусловно, формальная необходимость субъекта в немецком предложении – это грамматический факт, обусловленный идиоэтнической спецификой немецкого

грамматического строя. Однако, при восприятии слушатель не останавливается на пустоте с формальным наполнителем, а моментально строит ментальную модель: «в некотором контексте / пространстве / мире есть что-либо». Восприятию необходим некий «когнитивный контейнер». Н.С. Бабенко совершенно верно отмечает, что *es*, не обладая феминностью и маскулинностью, отличается особенной многофункциональностью [Бабенко 2023: 21], и эта многофункциональность, на наш взгляд, может быть отражена в «плотной» когнитивной модели, актуализирующей внешнее пространство.

Применяя функционально-познавательный подход к грамматике немецкого языка, учитывающий семантико-функциональный, синтаксический и морфологический уровни анализа, В.С. Петунин выделяет безличное, или «медиумное» (от лат. *medium* – «среда»), подлежащее, например, в *Es regnet. Es zischt*. На понятийном уровне отражения языком объективной / внеязыковой реальности безличное *es* здесь является носителем состояния или процесса, выражаемого безличным глаголом, как среда его проявления. Поэтому этот вид подлежащего В.С. Петунин называет «медиумным»: *Es ist heute kalt*. (Сегодня холодно). Автор наглядно показывает суть «медиумного» носителя: «Поставим к высказыванию *Es ist kalt* несколько некорректный вопрос “А что холодно?” (*Was ist eigentlich kalt?*). Вариант ответа “Все холодно (*Alles ist kalt*)” будет неправильным, поскольку предполагает перечисление отдельных предметов: “Это, это и это (*das, das und das*)” с указанием на них пальцем. Ответ на некорректный вопрос, скорее, можно изобразить жестом, разведя руками вокруг себя на уровне глаз, как бы охватывая весь мир, поскольку мы чувствуем, что речь идет обо всей окружающей нас нерасчлененной среде. На нее невозможно показать пальцем как на отдельный предмет. Поскольку на уровне реализации (номинации) язык не находит лексической единицы с соответствующим лексическим значением для обозначения этого “участника” событийности, то такое указание на носителя производится только синтаксическими и морфологическими средствами. Местоимение *es* выступает в качестве подлежащего и выражено в его денотативном статусе, т.е. указывает на наличие предмета, не называя его» [Петунин 2015: 204, см. также Петунин 2020: 147]. На наш взгляд, элемент «*es*» в конструкции *es gibt* тоже медиумный, и предмет, на наличие которого он указывает, так же невозможно назвать или конкретизировать.

Выявить лингвоспецифический характер конструкции *es gibt* помогает и концепция Х. Бринкмана о семантических моделях глагольных предложений и о так называемой *geben*-перспективе. Во-первых, глагольные предложения могут отражать события, понимаемые как независимые от человека. В таких случаях вместо субъекта-подлежащего всегда стоит *es* как «общий знак ситуации» (*das allgemeine Situationszeichen*), самое общее указание на нечто имеющееся (*allgemeinster Hinweis auf ein Vorhandenes*): «*es repräsentiert die Kategorie des Vorhandenen und liefert den allgemeinsten Begriff einer Situation*» («*es репрезентирует категорию наличия и передает самое общее понятие ситуации*») [Brinkmann 1962: 544, 545]. Элемент *es* встречается в моделях предложений *Das Leben als Phänomen* (Жизнь как феномен) (*Es regnet. Es läutet. Es friert mich.*), *Das Leben als Schicksal* (Жизнь как судьба) (*Es geschah gestern.*). Структура *es gibt* отражает модель *Das Leben als Dasein* (Жизнь как бытие-здесь) и является самой общей формулой для наличия (*Dasein*) людей, предметов и сооружений. Во-вторых, все эти имеющиеся предметы представляются как «данные»: *gegeben* [Brinkmann 1962: 544–547]. *Geben*-перспектива означает, что

субъект обладает неким объектом, чтобы обратиться к другому (... daß ein Subjekt über ein Objekt verfügt ..., um es einem anderen zuzuwenden) [Brinkmann 1962: 578]. В конструкции *es gibt* данности в форме аккузатива, т.е. те предметы, что даны, также представлены как обращенные к человеку, т.е. как важные для него. А *es*, в отличие от обычных, названных по имени понятий для субъекта при *geben*, представляет собой самый общий знак наличия, независимого от человека [Brinkmann 1962: 547].

Проанализировав вышеуказанные точки зрения, мы выделили следующие компоненты значения конструкции:

1) указание на наличие (благодаря *es*) предмета без его названия, независимость этого предмета от человека, неопределенность его, отсюда приписываемая ему функция медиума как среды,

2) динамичность события, обращенность его к человеку в виде «давания» (*gibt*) средой чего-то (Akk.).

В сочетании «*es gibt eine Bedrohung*» будто сам внешний мир, окружающая человека среда в определенный момент становится недружелюбным/недружелюбной и представляет, точнее, обращает к нему (дословно: дает ему) угрозу.

Угроза порождает в сознании немца *Unsicherheit* (неуверенность), т.к. угроза нарушает привычный порядок вещей. Здесь следует сделать акцент на особенности немецкого менталитета – уверенность должна быть во всем, ее создает ORDNUNG (порядок). В этой связи вполне очевидно, что, как только в немецком сознании зарождается *Unsicherheit* (неуверенность), немец *fühlt sich unwohl* (чувствует себя некомфортно). Теперь к состоянию *Angst* добавляются оттенки: уже включившаяся в психику *Unsicherheit* (неуверенность) содействует зарождению *Ungewissheit* (неопределенность) – некой неуверенности в сочетании с потерянностью. Индивид начинает чувствовать *Unruhe* (беспокойство), а психика, для защиты своего хозяина, сигнализирует о желании дистанцироваться от того, что вызвало изначальную реакцию, т.е. *man braucht einen Abstand* (требуется дистанция). *Angst* подавляет человека так, что даже взрослый индивид *fühlt sich klein* (чувствует себя маленьким), т.е. не способен противостоять этому давящему и всепоглощающему чувству. *Angst beeinflusst rationales Handeln negativ* (негативно влияет на рациональные действия) благодаря уже включившимся *Unsicherheit* (неуверенность), *Ungewissheit* (неопределенность) и *Unruhe* (беспокойство), которые «затуманивают» рассудок и стараются овладеть всеми действиями индивида, т.к. страх не любит рациональность, ведь ее трудно поработить. *Erwartung von [möglichen] negativen Konsequenzen* (ожидание [возможных] негативных последствий), зачастую, кстати, иррациональное, подпитывается уже активно выполняющими свою функцию механизмами страха. Интересно, что сознание каждого индивида рисует различные представления об этих негативных последствиях, поэтому мы можем утверждать, что *Angst ist subjektiv* (субъективный). Итак, когда *Angst* полностью завладел психикой, т.е. душевной составляющей индивида, он дает знать о себе в виде *physiologische Reaktionen* (физиологических реакций).

Выводы

Мы можем заключить, что «наивное» немецкое языковое сознание воспринимает ANGST как нечто, попадающее в психику человека подобно вредоносному вирусу, в виде реакции на ситуацию-триггер, цель которого завладеть всеми психофизиологическими реакциями индивида. Здесь мы также прослеживаем компонент с яркой национальной спецификой, а именно, цель «сломоть» рациональность немца и сделать его действия

иррациональными, разрушающими привычный ORDNUNG. Субъективированное содержание концепта ANGST предлагает рассматривать его как вредоносного деятеля, а не просто реакцию психики. Мы также пришли к выводу, что языковое сознание немцев достаточно метафорично и способно наделять функциями субъекта-деятеля даже реакции человеческой психики. «Наивное» немецкое языковое сознание ассоциирует ANGST с потерей типично немецких ценностей: уверенности, безопасности, порядка, контроля. Самая яркая ассоциация с ANGST у немцев связана с наличием угрозы. Мы можем утверждать, что в восприятии немцев самая главная угроза (видимая или невидимая) воздействует именно против того, что так дорого немцам как нации. На ANGST, при этом, работают такие явления, как неуверенность, неопределенность, беспокойство, которые, в сознании немцев, представлены как вредоносные компоненты, которым трудно противостоять. Мы можем заключить, что результаты нашего исследования способствовали подтверждению гипотезы о том, что концепт ANGST является основополагающим феноменом немецкой культуры, определяющим стереотипно-немецкий концепт ORDNUNG и отражающим исторические травмы нации. Мы также можем заметить, что негативная реакция носителей немецкой лингвокультуры на участие в анкетировании отражает сложность страха в контексте происходящих в мире событий.

© Гух Ж.К., Кустова М.В., 2025

Литература

Бабенко Н.С. Грамматический строй немецкого языка с позиций конструирования идиоэтничности его свойств // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. 2023. Т. 20. С. 15–39.

Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 10–13.

Гух Ж.К., Кустова М.В. Эмоциональный концепт ANGST: объективированное содержание константы немецкой культуры // Проблемы модернизации языкового образования. Иностранные языки [Электронный ресурс]: VIII Международная научно-практическая конференция памяти профессора Б.П. Годунова (15–16 мая 2025 г., г. Сыктывкар): сборник статей: текстовое научное электронное издание на компакт-диске / отв. ред. Ю.Ю. Барышникова; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2025. С. 166–171.

Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.

Кустова М.В. Эмоциональный концепт ANGST как основополагающий феномен немецкого менталитета: лингвокультурологические доказательства // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2025». URL: https://lomonosov.msu.ru/archive/Lomonosov_2025/data/section_38_36588.htm (дата обращения: 03.07.2025).

Петунин В.С. Семантика безличного «es» в функции подлежащего (об одной из трудностей в практической грамматике немецкого языка) // Человек. Культура. Образование. 2015. № 3 (17). С. 197–207.

Петунин В.С. Экстраполяция медиумного субъекта «es» на объект воздействия // Проблемы модернизации языкового образования. Иностранные языки: Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) памяти профессора

Б.П. Годунова, 29 мая 2020 г.: сборник материалов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2020. С. 142-149.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания): Учебное пособие. М.: URSS, Книжный дом «Либроком», 2009. 172 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2006. 206 с.

Сухорукова Ю.С. Национально-культурная специфика концепта АМІ/ДРУГ во французском языке: объективированное и субъективированное содержание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 3. С. 881–886, doi:10.30853/phil20230100. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20230100/fulltext> (дата обращения: 03.07.2025).

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та. Волгоград: Перемена, 2009. 170 с.

Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / под ред. З.Д. Поповой, И.А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. 314 с.

Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Schwann, 1962.

Сведения об авторах:

Гух Жанна Кимовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Контактная информация:

167001, Северо-Западный федеральный округ, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, 55

ORCID: 0009-0000-0766-7690

e-mail: zhanna_guh@mail.ru

Кустова Мария Викторовна – студент института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Контактная информация:

167001, Северо-Западный федеральный округ, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, 55

ORCID: 0009-0004-4792-6537

e-mail: mariakussss@yandex.ru

Для цитирования:

Гух Ж.К., Кустова М.В. Эмоциональный концепт ANGST/СТРАХ: субъективированное содержание константы немецкой культуры // Вопросы психолингвистики. 2025. №3(65). С. 74–85, doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-74-85

UDC 81'23+811.112.2

LBC 81.003

DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-74-85

Research article

**THE EMOTIONAL CONCEPT ANGST/FEAR: SUBJECTIFIED CONTENT
OF A GERMAN CULTURAL CONSTANT**

Zhanna K. Gukh

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russia

Mariia V. Kustova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russia

Abstract

The object of the present study is the emotional concept ANGST/FEAR in the German language consciousness, with its subjective content being the subject matter. The authors argue that ANGST represents a constant of German culture, shaping the typically German concept ORDNUNG, as evidenced by the previous research. The article focuses on the subjectified content of the emotional concept ANGST as reflected in the “naive” German language consciousness. The “naive” content was identified through the linguistic experiment involving contemporary native speakers of German who use the language for daily communication and have not studied the conceptual framework of their mother tongue linguistics, i.e. “naive” speakers. To conduct the experiment, the authors employed the free definition technique to obtain associations in the “naive” German language consciousness with the stimulus lexeme ANGST. The experiment yielded 23 “naive” definitions and 30 semes that later were analyzed using I.A. Sternin’s sememic analysis methodology. By categorizing the obtained semes within the conceptual field – from the core to the distant periphery – the authors constructed an associative field of the emotional concept ANGST and proposed their interpretation of how Germans experience this concept. The research is of relevance for several reasons. First, in recent decades, Germany, like the rest of the world, has faced numerous crises, which have undoubtedly evoked fear across all segments of society. Second, the world is currently experiencing a crisis in intercultural communication, manifested in an unwillingness to listen to and understand foreign interlocutors. Our research, placed at the intersection of language and psychology, underscores the importance of a respectful approach to the interlocutor’s language as a repository of a nation’s psychological conceptualization.

Keywords: linguocultural concept ANGST, subjectified content, linguistic experiment, field structure (of a concept), interpretation (of cultural conceptualization), free definition technique, naive linguistic mindset

Acknowledgments. The authors would like to thank Solveig Krug (Kamenz Vocational Training Center (Saxony, Germany)), a native German speaker, and a teacher of English, French, and German as a second language for foreigners living in Germany, for the support when compiling a questionnaire for the linguistic experiment.

© Gukh Zh.K., Kustova M.V., 2025

Bionotes:

Zhanna K. Gukh – Candidate of Sciences (Philology), Associate professor, Head of German and French Chair, Institute for Foreign Languages, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Contact information:

167001, Oktyabrsky pr. 55, Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation

ORCID: 0009-0000-0766-7690

e-mail: zhanna_guh@mail.ru

Mariia V. Kustova – Bachelor Student of the Institute for Foreign Languages, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Contact information:

167001, Oktyabrsky pr. 55, Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation

ORCID: 0009-0004-4792-6537

e-mail: mariakussss@yandex.ru

For citation:

Gukh Zh.K., Kustova M.V. The emotional concept ANGST/FEAR: Subjectified content of a German cultural constant // Journal of Psycholinguistics. 3(65), 2025. P. 74–85. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-74-85 (In Russian)

УДК 81'32+81'33+81.23+ 81.234+159.9.07
ББК 81.1+88.7
DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-86-107

Научная статья

НЕЙРОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ ТВОРЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПРИ ЭПИЛЕПСИИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Соколова Диана Алексеевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
Ярославль, Россия

Аннотация

В данной статье представлены результаты комплексного нейропсихолингвистического исследования речевой продукции при височной эпилепсии на материале творческого наследия Ф.М. Достоевского. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить и описать специфические психолингвистические характеристики творчества Ф.М. Достоевского в сопоставлении с контрольным корпусом произведений его современников и установить возможную связь обнаруженных особенностей с неврологическими факторами. Методологическая основа исследования опирается на принципы цифровой гуманитаристики, квантитативной и корпусной лингвистики, стилеметрии, а также обработки естественного языка (NLP). Используются методы многомерного статистического анализа. Медико-биографический подход позволяет учесть нейрофизиологические факторы, влияющие на творческий процесс. Методами корпусной психолингвистики проанализированы тексты Ф.М. Достоевского общим объемом 1 млн 200 тыс. словоупотреблений в сопоставлении с контрольной группой из 10 его современников. В результате исследования были выявлены специфические психолингвистические маркеры эпилептического дискурса: усложнения синтаксического планирования, особенности лексико-семантической организации высказывания, изменения в механизмах контроля речепроизводства. Применение методов автоматической обработки естественного языка позволило количественно оценить когнитивные особенности речемыслительной деятельности при височной эпилепсии. Диахронический анализ демонстрирует изменения психолингвистических параметров, коррелирующих с клинической картиной заболевания. Результаты вносят вклад в понимание нейропсихологических механизмов речепроизводства и открывают перспективы разработки психолингвистических методов диагностики когнитивных особенностей.

Ключевые слова: нейропсихолингвистика, эпилепсия, речепроизводство, когнитивные нарушения, корпусная лингвистика, дискурс-анализ, нейропсихология речи, интериктальные расстройства

Введение

Факт того, что Достоевский страдал эпилепсией (вероятно, височной), широко известен и подтвержден его собственными дневниками, письмами и свидетельствами современников. Более того, его произведения часто содержат очень реалистичные и глубокие описания эпилептических припадков и предприпадочных состояний

(«аура»). Так, например, «аура» у князя Мышкина невероятно точно описана в «Идиоте» [Достоевский 2018, 291–292]. В своих письмах брату М.М. Достоевскому и жене А.Г. Достоевской он подробно описывает плохое самочувствие из-за припадков: *«Все то же, что и в Петербурге, те же судороги, но только в гораздо большем размере... Писать что-нибудь я физически не могу»* [Достоевский 1860: 68]; *«Нервы расстроены, и сил до сих пор не соберу... Мучения мои всяческие теперь так тяжелы, что я и упоминать не хочу о них»* [Достоевский 1860: 75]; *«...что со мной случился припадок и что я, в припадочном состоянии, не мог уже рискнуть выехать, чтоб пробыть в вагоне 17 часов в натянутом положении...»* [Достоевский 1869: 201].

В конце XIX века Чезаре Ломброзо в своей работе *«L'uomo di genio in rapporto alla psichiatria, alla storia ed all'estetica»* (которая переведена на русский язык лишь частично) выдвинул одну из первых систематизированных гипотез о взаимосвязи между психическими расстройствами¹ и выдающимися творческими способностями. Он, в частности, указывал на случай Ф.М. Достоевского, утверждая, что его височная эпилепсия была неразрывно связана с его литературным гением [Lombroso 1894: 61].

В своей книге Ломброзо подчеркивал, что Достоевский страдал эпилепсией, и что это состояние влияло на его мировоззрение и способствовало появлению глубоких, но часто болезненных и патологических образов в его произведениях (например, Раскольников). Он видел в его персонажах проявление «морального помешательства» и других психических аномалий, которые Ломброзо связывал с эпилепсией [Lombroso 1894: 141].

Однако, несмотря на историческое влияние, которое несомненно являлось прогрессивным в то время, теории Ломброзо в современной науке признаны псевдонаучными и широко критикуются за их методологическую слабость, выборочность доказательств и чрезмерный биологический детерминизм. Современные исследования не подтверждают прямую причинно-следственную связь между конкретным расстройством и так называемой «гениальностью».

Тем не менее, случай Достоевского остается предметом повышенного интереса для изучения в разных областях науки: от неврологии до филологии. Хотя современная наука не утверждает, что эпилепсия является причиной литературного гения, его уникальный субъективный опыт, связанный с нейробиологическими особенностями, интегрируется и трансформируется в художественное творчество, обогащая его глубиной и уникальным видением.

Творчество Федора Михайловича Достоевского представляет собой феномен в истории русской и мировой литературы, характеризующийся исключительной психологической глубиной, особым ритмом повествования и специфической организацией художественного дискурса. На протяжении полутора веков исследователи отмечали необычные стилистические особенности прозы писателя: повышенную эмоциональность, фрагментарность изложения, особую интонационную структуру и характерную для Достоевского «лихорадочность» письма, которому, по мнению Н.М. Чиркова, присуще «многообразие смысловых нитей» [Чирков 1964: 5].

Современные достижения в области нейролингвистики и цифровой гуманитаристики открывают новые возможности для изучения взаимосвязи между неврологическими особенностями автора и характеристиками его литературного стиля.

¹ С XX века эпилепсия стала рассматриваться как неврологическое, а не психическое заболевание.

Согласно современным данным [Улитин и др. 2021: 113], эпилепсия может оказывать значительное влияние на когнитивные процессы и, следовательно, на языковое творчество писателя [Mula et al. 2021]. Однако до настоящего времени не проводилось систематического количественного анализа стилистических особенностей творчества Достоевского в сопоставлении с произведениями его современников, не имевших документированных неврологических расстройств.

Актуальность исследования определяется необходимостью применения современных методов лингвистики для выявления объективных закономерностей в творчестве выдающихся писателей. Изучение возможного влияния неврологических факторов на литературное творчество представляет интерес не только для литературоведения, но и для нейролингвистики, психологии творчества и медицинской антропологии.

Научная новизна работы заключается в исследовании творчества Ф.М. Достоевского с использованием репрезентативного контрольного корпуса, включающего произведения десяти современников писателя. Применяется комплексный подход, сочетающий современные лингвистические методы анализа с медико-биографическими данными о писателях.

Проблема исследования формулируется следующим образом: существуют ли статистически значимые различия в стилометрических характеристиках произведений Ф.М. Достоевского по сравнению с творчеством его современников, и могут ли эти различия быть связаны с психологическими особенностями, обусловленными эпилепсией?

Гипотеза исследования: стилистические особенности творчества Ф.М. Достоевского, характеризующиеся повышенной синтаксической сложностью, специфической семантической организацией и уникальными модалными характеристиками, имеют статистически значимые корреляции с неврологическими особенностями писателя, а именно с височной формой эпилепсии. Данная гипотеза предполагает, что неврологические особенности Достоевского не только не препятствовали его творческой деятельности, но и могли служить источником уникальных когнитивных и языковых стратегий текстообразования.

Цель исследования: выявить и описать специфические стилометрические характеристики творчества Ф.М. Достоевского в сопоставлении с контрольным корпусом произведений его современников и установить возможную связь обнаруженных особенностей с неврологическими факторами.

Задачи исследования:

1. Создать репрезентативный цифровой корпус произведений Ф.М. Достоевского и контрольный корпус текстов десяти современников писателя.
2. Провести многофакторный стилометрический и квантитативный анализ с использованием лексических, синтаксических и дискурсивных параметров.
3. Выявить статистически значимые различия между творчеством Достоевского и корпусом текстов контрольной группы писателей.
4. Сопоставить полученные результаты с данными современной нейролингвистики об особенностях речи при эпилепсии.
5. Проследить динамику изменений текстов Ф.М. Достоевского по мере прогрессирования заболевания.

Методы

Методологическая основа исследования опирается на принципы цифровой гуманитаристики, квантитативной и корпусной лингвистики, стилометрии, а также обработки естественного языка (NLP) [Schoch et al. 2024]. Используются как традиционные методы психолингвистики, так и методы многомерного статистического анализа. Медико-биографический подход позволяет учесть нейрофизиологические факторы, влияющие на творческий процесс.

Материал исследования составляют литературные произведения Ф.М. Достоевского и контрольный корпус текстов И.С. Тургенева, А.Ф. Писемского, И.А. Гончарова, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, А.К. Толстого, Г.И. Успенского, А.В. Дружинина и Н.Г. Чернышевского. Все авторы контрольной группы творили в период с 1840 по 1890 гг., имели сходные с Достоевским стили повествования и не имели документированных психоневрологических расстройств на момент создания рукописей.

Основной корпус исследования: тексты Ф.М. Достоевского.

Для настоящего исследования был сформирован репрезентативный корпус текстов Ф.М. Достоевского, охватывающий различные периоды его творчества с 1846 по 1881 год. Основной корпус включает две категории текстов, отражающих различные аспекты речевого поведения писателя.

Художественные произведения составляют ядро корпуса (1 млн 200 тыс. словоупотреблений). В анализ включены все великие произведения Ф.М. Достоевского как позднего (послекаторжного) периода – «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», «Вечный муж», «Записки из подполья», «Игрок»; так и произведения раннего (докаторжного) периода – «Бедные люди», «Двойник», «Белые ночи». Данный материал позволяет проследить эволюцию стилистических особенностей писателя на протяжении всего творческого пути.

Эпистолярное наследие Достоевского представляет особую ценность для психолингвистического анализа, поскольку более отчетливо отражает спонтанные формы речевого поведения по сравнению с художественными произведениями [Достоевский 1959]. Записные книжки и подготовительные материалы включают черновые наброски, планы произведений, заметки для себя [Достоевский 1935]. Этот материал интересен для анализа процессов планирования дискурса и механизмов речевого контроля, поскольку представляет наименее обработанную форму письменной речи.

Контрольный корпус

Для обеспечения сопоставимости результатов был сформирован контрольный корпус, включающий тексты десяти писателей-современников Достоевского: И.С. Тургенев «Отцы и дети», Н.А. Некрасов «Мертвое озеро», А.К. Толстой «Князь Серебряный», М.Е. Салтыков-Щедрин «История одного города», Н.С. Лесков «Леди Макбет», И.А. Гончаров «Обломов», А.Ф. Писемский «Тысяча душ», Г.И. Успенский «Нравы Растеряевой улицы», А.В. Дружинин «Полинька Сакс», Н.Г. Чернышевский «Что делать?» Общий объем контрольного корпуса составляет 930 тыс. словоупотреблений.

Критерии отбора авторов контрольной группы включали:

- 1) принадлежность к одному литературному поколению (1812–1840 гг. рождения);
- 2) сопоставимость социокультурного контекста;

- 3) отсутствие документированных психоневрологических особенностей;
- 4) достаточный объем текстов для статистического анализа.

Хронологические рамки отбора материала (1835–1880 гг.) обеспечивают сопоставимость языковых норм и стилистических конвенций эпохи.

Обеспечение сопоставимости материала

Для обеспечения валидности сравнительного анализа применялись строгие критерии сопоставимости текстового материала.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии междисциплинарного подхода к изучению художественного творчества, объединяющего методы литературоведения, психолингвистики и нейронаук. Исследование вносит вклад в теорию стилометрии и нейролингвистику литературного творчества.

Практическая ценность исследования определяется возможностью применения разработанных методов для атрибуции больших корпусов текстов, изучения индивидуального стиля писателей и развития компьютерных технологий для анализа художественных произведений [Zaidel 2015, Abraham 2018]. Результаты могут быть использованы в преподавании литературоведения и лингвистики, а также использоваться при производстве автороведческих судебных экспертиз, когда возникает необходимость составить лингвистический профиль автора анонимного текста или определить автора спорного текста.

Настоящее исследование открывает новое направление в изучении творчества Достоевского и демонстрирует перспективность применения цифровых методов гуманитарных исследований для решения фундаментальных вопросов о природе художественного творчества.

Теоретические основы исследования

А.Ю. Улитин и др. в аннотации к своей статье отмечают, что «медиабазальная височная фокальная эпилепсия с экстатической аурой является формой, получившей впоследствии имя писателя» [Улитин и др. 2021: 113]. Она характеризуется патологической активностью в медиотемпоральных структурах мозга, играющих ключевую роль в организации речевых функций. Гиппокамп и окружающие его образования височной доли не только обеспечивают процессы консолидации памяти, но и участвуют в интеграции семантической и эпизодической информации, необходимой для связного дискурса [Squire, Kandel 1999].

Исследования по данной тематике за рубежом известны достаточно давно, однако их актуальность отмечается и в настоящее время. Нейровизуализационные исследования демонстрируют, что медиальные височные структуры активно задействованы в процессах нарративного мышления и организации развернутых речевых высказываний [Mar 2004]. Повреждение или дисфункция этих областей, характерная для височной эпилепсии, может приводить к специфическим изменениям в речевом поведении, включая нарушения в планировании дискурса и гиперграфию – патологическое стремление к письму [Waxman, Geschwind 1975]. Н. Гешвинд [Geschwind 1979] указывает на такие проявления последней, как:

- 1) Избыточность: чрезмерный объем написанного текста (дневники, письма, заметки, стихи, проза). Человек может часами заниматься письмом и сочинительством.
- 2) Детализация: тексты часто отличаются крайней степенью детализации, педантичностью, иногда даже мелочностью в описаниях.

3) Содержание: часто затрагиваются философские, религиозные, моральные темы, вопросы справедливости, личных переживаний, экзистенциальные размышления. Могут появляться автобиографические элементы, даже если они сильно искажены.

4) Связность: несмотря на объем, текст может быть логически связным, но иногда содержит персеверации (повторения) или вязкость мышления. Вязкость мышления представляет собой трудность переключения с одной темы на другую, застревание на деталях, что приводит к растянутым, иногда запутанным предложениям и абзацам, перегруженным информацией. Мысль развивается с многочисленными отступлениями.

5) Эмоциональная окраска: часто присутствует сильная эмоциональная вовлеченность в написанное.

Особого внимания заслуживает роль правой височной доли в обработке просодических характеристик речи и эмоциональной модуляции высказываний [Ross, Monnot 2008]. Эпилептогенные очаги в этой области могут обуславливать повышенную эмоциональную насыщенность речи, характерную для стиля Достоевского. Клинические наблюдения показывают, что пациенты с правовисочной эпилепсией демонстрируют склонность к драматизации повествования и использованию экспрессивной лексики [Bear, Fedio 1977: 455].

Интериктальные когнитивные нарушения

Интериктальный период – время между эпилептическими приступами – характеризуется субклиническими изменениями в когнитивном функционировании, которые могут оказывать существенное влияние на речевое поведение [Aldenkamp, Bodde 2005]. Исследования показывают, что пациенты с височной эпилепсией в интериктальном периоде демонстрируют специфические особенности в организации дискурса: фрагментарность изложения, трудности с переключением между темами и тенденцию к персеверациям [Maueux et al. 1980: 121]. Для того, чтобы ощутить глубину состояния больных височной эпилепсией, рассмотрим дневниковую запись подэкспертной Д., исследованную в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, которая была составлена накануне совершения ею противоправного деяния. Диагноз «височная эпилепсия» был поставлен уже после возбуждения уголовного дела посредством фиксирования на ЭЭГ эпилептических разрядов, под воздействием которых обвиняемая пребывала и в момент совершения преступления, и в момент создания записи в дневнике. Публикуется с согласия подэкспертной: *«Ощущение подавленности, разбитости, дереализация есть; мне кажется, я и мир разделились, я где-то в другом месте, как в яме; особенно хуже днем и когда тихо, страшно, что сейчас сойду с ума, но и когда звуки есть, тоже становится тяжело, голова тяжелая. Все будоражит нервную систему: шум от холодильника, вибрация от двигателя в машине, звук навигатора, даже простые разговоры, голова невыносимо болит, кружится. Появляется ощущение слабости и жуткая невозможность что-либо сказать. Когда дети кричат – это самое страшное испытание: мне кажется, что надо мной ставят опыты в Освенциме. Когда злюсь из-за того, что они кричат, то сердце стучит так, что мне кажется, что сейчас случится его остановка или оторвется какой-нибудь тромб, тахикардия 140 ударов в минуту, но кардиолог сказала, что по результатам исследований никаких патологий не выявлено, а сама по себе тахикардия не является патологией. Я не могу делать абсолютно ничего, потому что любая активность вызывает поток негативных эмоций и болезненных ощущений. Любой триггер, даже самый незначительный*

(позвонили в домофон, пришла какая-то новая идея) – сразу учащается сердцебиение, тяжело дышать, становится страшно, а еще жуткий озноб и не могу согреться. Постоянно есть ощущение, что сейчас умру. Не могу смотреть в будущее, и такое чувство, что сам взгляд вперед сужен черными рамками, нет бокового зрения. Как будто смотрю в трубу...».

Нейропсихологические исследования выявляют у пациентов с височной эпилепсией нарушения исполнительных функций, проявляющиеся в снижении способности к планированию речевых высказываний и контролю их структуры [Hermann et al. 2006: 85]. Эти особенности могут объяснять характерную для Достоевского «лихорадочность» письма и склонность к отступлениям от основной линии повествования.

Особенности рабочей памяти при височной эпилепсии также влияют на организацию текста. Страдающие от эпилепсии часто демонстрируют трудности с удержанием в памяти общего плана высказывания, что приводит к появлению повторов, самокоррекций и неожиданных тематических переходов [Giovagnoli 1999]. Эти явления находят отражение в стилистических особенностях произведений некоторых писателей, страдающих эпилепсией.

Речевой контроль при эпилепсии нарушается на нескольких уровнях организации языковой системы. На лексическом уровне наблюдается снижение селективности в выборе слов, что может приводить к использованию более разнообразной, но менее точной лексики [Perrine et al. 1995]. Семантический контроль также страдает, что проявляется в склонности к семантическим заменам и парафазиям.

Синтаксический контроль при височной эпилепсии характеризуется тенденцией к использованию более простых грамматических конструкций при одновременном увеличении длины предложений за счет координативных отношений. Это может объяснять особенности синтаксической организации прозы Достоевского, отмечаемые исследователями его творчества.

Важным механизмом, влияющим на речевое поведение при эпилепсии, является нарушение тормозных процессов в коре головного мозга [Dichter 1997]. Это может приводить к расторможенности речевой активности, проявляющемуся в увеличении речевой продукции, снижению самоцензуры и повышению спонтанности высказываний. Данные особенности могут объяснять высокую продуктивность писателей, страдающих эпилепсией, и специфически-смелые характеристики их стиля.

Психолингвистические методы анализа. Анализ синтаксической сложности

Синтаксическая сложность текстов оценивалась с использованием комплекса количественных показателей, адаптированных для русского языка. Базовым индикатором служила средняя длина предложения (СДП), рассчитывавшаяся как отношение общего количества словоформ к числу предложений в анализируемом фрагменте. Индекс читаемости Флеша-Кинкейда, модифицированный для русского языка, вычислялся по формуле: $ИЧ = 206,835 - 1,015 \times СДП - 84,6 \times ССС$, где ССС – среднее количество слогов на слово. Данный индекс позволяет оценить когнитивную нагрузку, связанную с восприятием текста, что косвенно отражает особенности речевого контроля автора.

Индекс сложности клаузуальной структуры (ИСКС) учитывал количество придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов на единицу текста.

Семантический анализ

Оценка семантической плотности текста осуществлялась через подсчет количества значимых семантических связей на единицу объема. Данный показатель может отражать особенности ассоциативных процессов и степень контроля над семантическим отбором при речепроизводстве. Анализ лексического разнообразия исследовался с помощью традиционного показателя TTR (Type-Token Ratio).

Оценка когезии и когерентности дискурса

Когезивная связность оценивалась через анализ употребления связующих элементов: союзов, союзных слов, анафорических местоимений, лексических повторов. Когерентность дискурса анализировалась на основе тематической прогрессии с использованием алгоритмов автоматического выделения топиков. Применялись методы латентного размещения Дирихле (LDA) для идентификации тематических кластеров и оценки стабильности тематических переходов.

Индекс нарративной связности вычислялся на основе анализа каузальных и темпоральных отношений между событиями в художественных текстах. Учитывались частота и типы нарушений хронологической последовательности, неожиданных тематических переходов, немотивированных отступлений.

Результаты исследования

Анализ синтаксической сложности текстов Достоевского и его современников показал результаты, указанные на рисунке 1. Выяснилось, что все исследуемые тексты

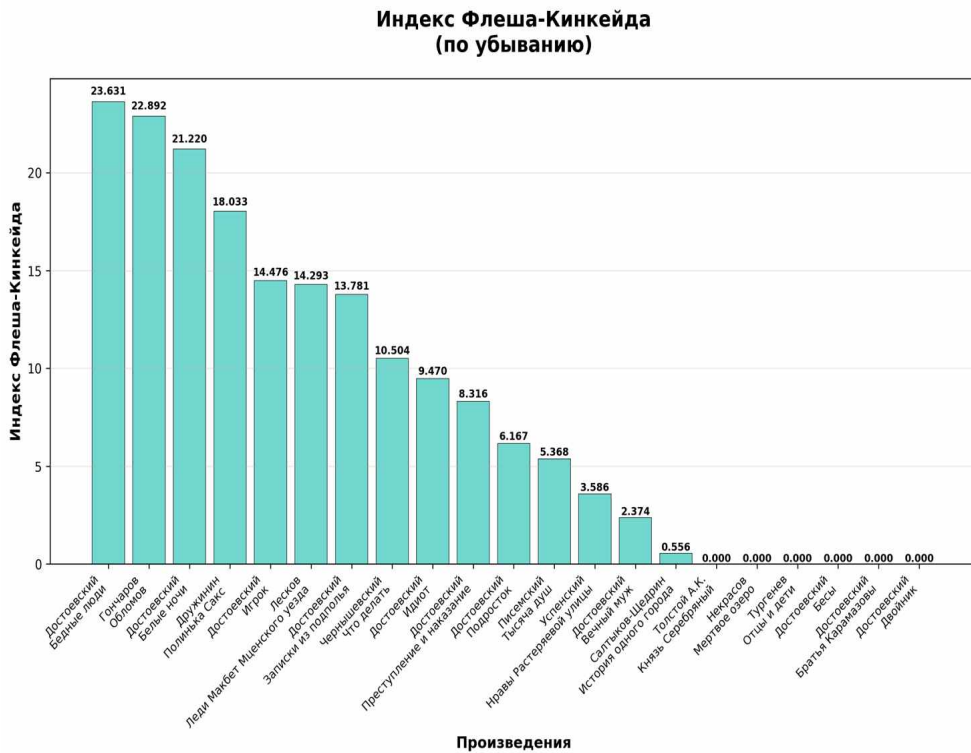

Рис. 1. Индекс Флеша-Кинкейда.

вошли в категорию «сложночитаемых», так как имеют коэффициент 0–30. Литература с указанным коэффициентом рекомендована к прочтению лицам от 19–20 лет (что ставит вопрос о целесообразности изучения таких произведений школьниками).

Из исследуемого комплекса самым удобочитаемым текстом оказалось произведение раннего творчества Ф.М. Достоевского «Бедные люди», а самыми сложными (с нулевым коэффициентом удобочитаемости) – произведения А.К. Толстого «Князь Серебряный», Н.А. Некрасова «Мертвое озеро», И.С. Тургенева «Отцы и дети», а также романы Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», «Бесы» и повесть «Двойник».

Пунктуационные особенности как стилистический прием

Пунктуационное оформление текстов Достоевского отличается повышенной экспрессивностью и нестандартным использованием знаков препинания. Частота употребления многоточий превышает среднестатистическую, что создает характерный ритм прозы с паузами и недосказанностью.

Особенностью пунктуационного стиля является также нестандартное использование скобок для введения авторских комментариев и размышлений: *«Еще с более широкою самостоятельностью рождается, может быть, из десяти тысяч один (я говорю примерно, наглядно)»* [Достоевский 2008: 393]. Эти включения часто нарушают синтаксическую стройность предложения, но усиливают психологическую достоверность повествования.

Лексико-семантические трансформации. Динамика лексического богатства

Исследование лексического разнообразия выявило интересную тенденцию. Самый высокий TTR (TTR – это отношение количества уникальных слов (типов) к общему количеству всех слов (токенов) в тексте) из данной подборки отмечается у произведения А.К. Толстого «Князь Серебряный». Это можно объяснить несколькими факторами, связанными как с жанром, так и со стилем автора: использование архаизмов и старославянизмов в произведении для создания аутентичной атмосферы XVI века, а также использование специализированной лексики для описания быта, военного дела, боярских чинов и придворных церемоний.

У Ф.М. Достоевского наблюдается значительное повышение показателя TTR с 0,345 до 0,445 (Рисунок 2). Так, произведение позднего творчества Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» имеет самый низкий индекс из всей подборки, в то время как произведение Ф.М. Достоевского «Бесы» (тоже относящееся к позднему творчеству) имеет индекс 0,445, значительно превышающий первый. И низкий, и высокий TTR могут служить выражению глубокого психологизма Достоевского. Низкий – через концентрацию на внутренних переживаниях и навязчивых мыслях. Высокий – через отображение сложного взаимодействия множества сознаний и идей. Таким образом, этот факт не противоречит, а, наоборот, подчеркивает многогранность и глубину художественного метода Достоевского, его способность использовать язык как тончайший инструмент для выражения самых разных аспектов человеческой души и бытия.

Квантификация выбранного параметра осуществляется посредством индекса семантической плотности, который агрегирует вводимые многозначные лексические единицы и контекстуальные синонимы. Расчеты демонстрируют среднее значение ИСП для текстов Ф.М. Достоевского на уровне 0.4386%, что превосходит показатели контрольной группы (0.3876%) на уровне статистической значимости (Рисунок 3). В рамках корпуса Достоевского, произведение «Двойник» выделяется наибольшей

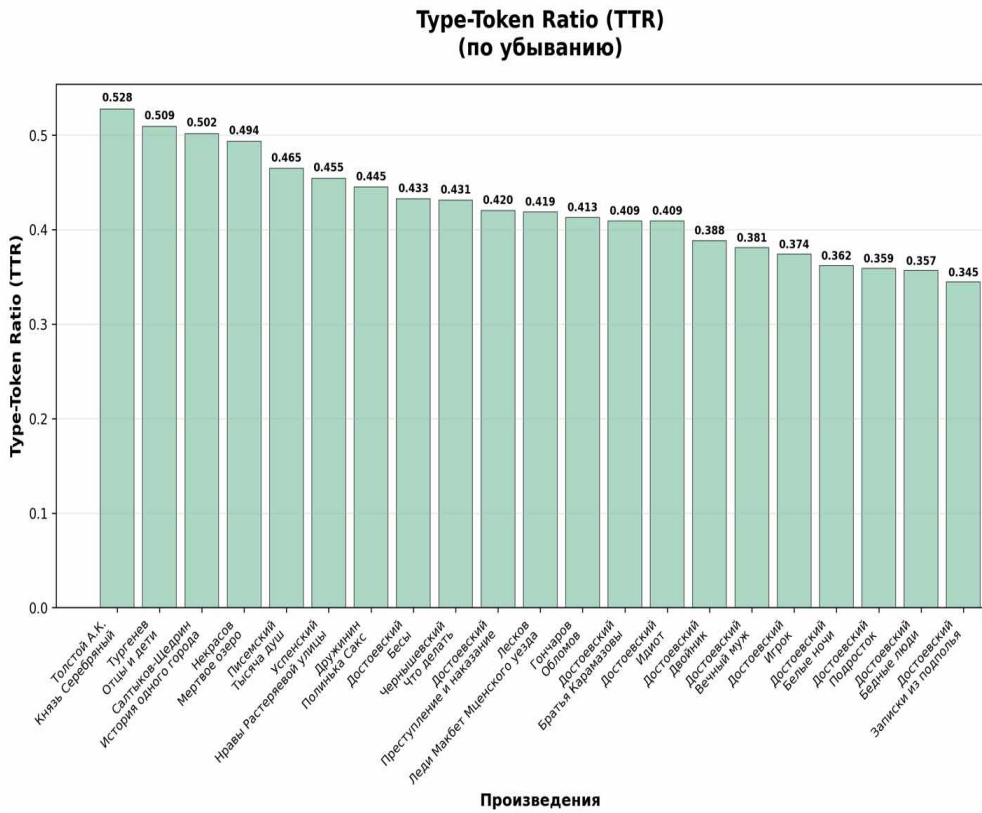

Рис. 2. Коэффициент лексического разнообразия (TTR).

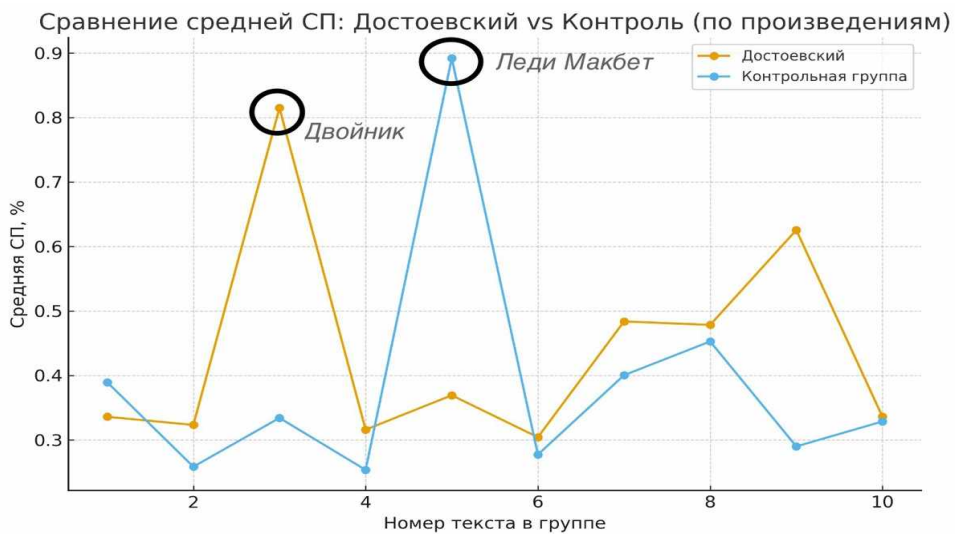

Рис. 3. Сравнение средней семантической плотности.

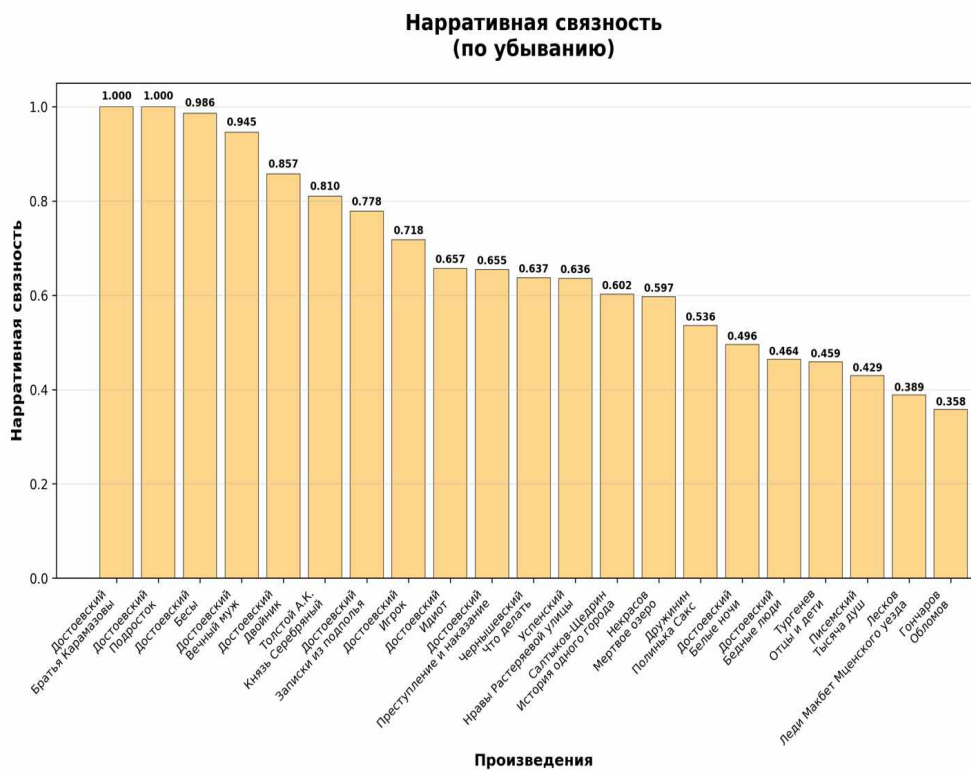

Рис. 4. Нарративная связность.

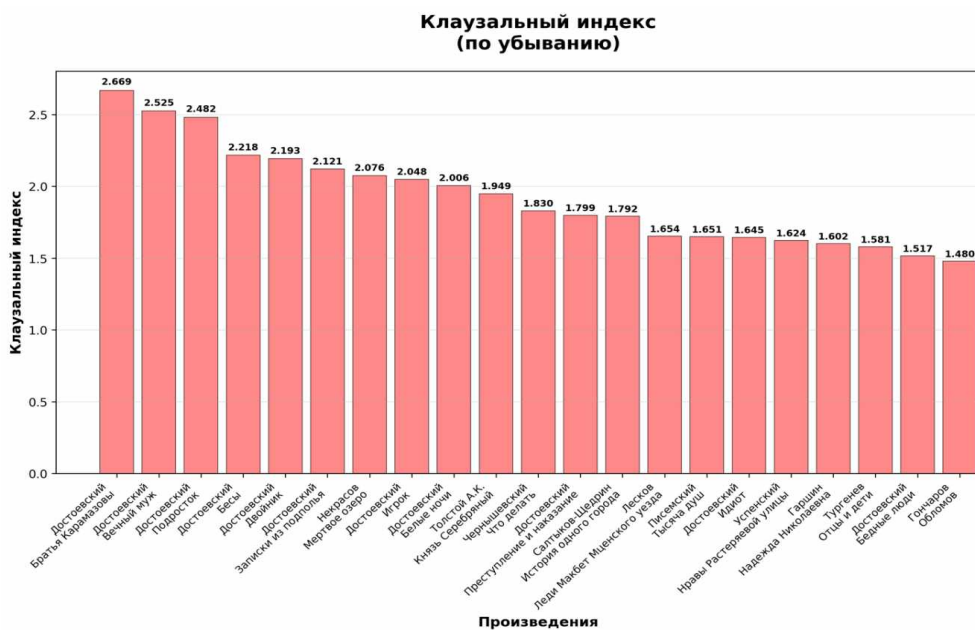

Рис. 5. Клаузуальный индекс.

плотностью, что напрямую связано с высокой репрезентативностью имени собственного «Голядкин». В контрольной группе исключение составляет роман Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», где аномально высокий результат объясняется частотным доминированием имени «Катерина».

Анализ семантических полей показал, что Достоевский мастерски варьирует лексические средства для передачи сходных понятий, создавая богатую синонимическую палитру. Индекс нарративной связности (Рисунок 4) продемонстрировал, что пять произведений Достоевского «Братья Карамазовы», «Подросток», «Бесы», «Вечный муж» и «Двойник» имеют самый высокий показатель в группе изученных текстов, следовательно, все связи в них логичны, последовательны, хорошо структурированы и легко понимаемы. Кроме того, высокий индекс нарративной связности и высокая семантическая плотность в совокупности указывают на то, что каждое событие, каждый диалог, каждая деталь неслучайны и глубоко вплетены в общую канву повествования. Нет лишних сцен или отступлений. Все элементы служат развитию конфликта, раскрытию характеров или углублению философской проблематики. Постоянная взаимосвязь элементов создает эффект нарастающего напряжения. Читатель держится в постоянном ожидании, предчувствуя, как одно решение или действие приведет к следующему, кульминируя в мощные драматические развязки. Это способствует глубокому эмоциональному погружению в текст.

На рисунке 5 индекс сложности клаузуальной структуры демонстрирует, что шесть произведений Достоевского лидируют по количеству клауз на предложение в среднем. Это означает, что его тексты характеризуются высокой синтаксической сложностью: Достоевский часто строит длинные, запутанные предложения, которые включают в себя множество причастных и деепричастных оборотов, вводных конструкций, уточнений, пояснений и перечислений. Каждое предложение у него часто переполнено смыслом, несколькими взаимосвязанными идеями или деталями. Он не разбивает мысль на простые, отдельные части, а стремится уместить ее в сложное, разветвленное синтаксическое целое. Эта сложность часто отражает запутанность и многослойность сознания его героев. Длинные, витиеватые предложения могут имитировать поток мыслей, внутренние диалоги, сомнения, метания, которые постоянно происходят у персонажей. В романе «Братья Карамазовы» обнаружены предложения, включающие до семи уровней синтаксического подчинения, что превышает средние показатели русской прозы XIX века: *«Похоже было на то, что джентльмен принадлежит к разряду бывших белоручек-помещиков, процветавших еще при крепостном праве; очевидно, выдавший свет и порядочное общество, имевший когда-то связи и сохранивший их, пожалуй, и до сих пор, но мало-помалу с обеднением после веселой жизни в молодости и недавней отмены крепостного права обратившийся вроде как бы в приживальщика хорошего тона, скитающегося по добрым старым знакомым, которые принимают его за уживчивый складный характер, да еще и ввиду того, что все же порядочный человек, которого даже и при ком угодно можно посадить у себя за стол, хотя, конечно, на скромное место»* [Достоевский 2014: 859–860].

Путем исследования текстов по методу латентного размещения Дирихле (LDA) для идентификации тематических кластеров и оценки стабильности тематических переходов у произведений Достоевского выявляется стабильный индекс, что на фоне TTR рисует портрет писателя, который, совершенствуя свое лингвистическое мастерство и углубляя свой стиль, оставался глубоко преданным своим первоначальным,

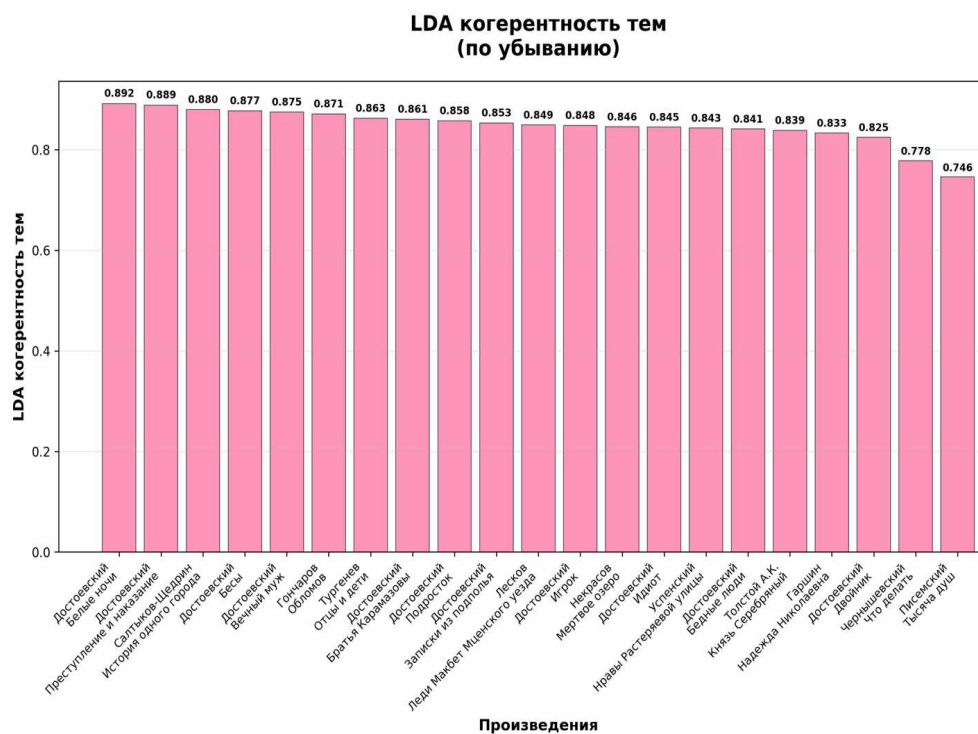

Рис. 6. Линейный дискриминантный анализ (LDA).

Рис. 7. Референциальная когерентность.

фундаментальным философским и психологическим вопросам, исследуя их все более тонко и многогранно (Рисунок 6). Кроме того, показатель индекса латентного размещения является практически равным у всех писателей-современников Достоевского. Это свидетельствует о том, что ведущие писатели XIX века разделяли озабоченность социально-философскими и экзистенциальными вопросами, создавая общее тематическое поле.

Эволюция тематических предпочтений

Диахронический анализ семантических полей показал некоторые изменения в тематических приоритетах Достоевского на протяжении творческого пути. В ранний период доминировала социально-психологическая лексика, связанная с описанием быта и социальных отношений. Послекаторжный период характеризуется возрастанием религиозной и философской лексики по сравнению с ранними произведениями. Это связано с духовным кризисом писателя и его обращением к неохристианству как основе мировоззренческих поисков [Капилупи 2017: 136].

Семантические механизмы текстопорождения

Анализ семантической связности выявил особую организацию ассоциативных полей в текстах Достоевского. Характерным является частое использование семантических контрастов и оксюморонных сочетаний, отражающих диалектическое мышление писателя (например, персонаж, названный «Идиотом», на самом деле является прекрасным и честным человеком).

Референциальная организация текста позднего периода Ф.М. Достоевского отличается сложной системой перекрестных отсылок и семантических параллелей (Рисунок 7). Персонажи, события и идеи образуют многомерную сеть смысловых соответствий, требующую от читателя активной интерпретативной деятельности.

Механизмы семантического прайминга проявляются в подготовке ключевых смысловых узлов через систему предварительных намеков и ассоциаций. Этот прием создает эффект неизбежности драматических развязок при сохранении элемента неожиданности.

Дискурсивная архитектура произведений. Организация тематической прогрессии

Исследование тема-рематической структуры выявило специфические особенности развертывания информации в текстах Достоевского. Характерным является нарушение линейной прогрессии тем через введение «боковых» тематических линий, создающих эффект полифонического повествования.

Анализ когнитивной структуры дискурса показал тенденцию к созданию «семантических петель» – возвращению к ранее введенным темам на новом уровне осмысления. Такая композиционная техника отражает спиралевидный характер философских размышлений автора. Так, Раскольников в первых частях романа «Преступление и наказание» формулирует свою «теорию» о двух разрядах людей и «праве на кровь по совести». Это чисто интеллектуальная, философская концепция, которая для него является оправданием убийства старухи-процентщицы. Он видит в ней путь к освобождению и величию. Первая петля: после убийства его теория сталкивается с практикой. Вместо освобождения Раскольников испытывает невыносимые муки совести, страх, отчуждение от людей. Он понимает, что теория не работает так, как он предполагал. Это новый уровень осмысления – осознание практической несостоятельности и психологической разрушительности его идеи.

Теория, которая должна была сделать его сверхчеловеком, превратила его в изгоя. Вторая петля: в эпилоге, на каторге, под влиянием Сони и Евангелия, Раскольников начинает осознавать не просто практическую несостоятельность, но и глубокую нравственную порочность своей теории. Он понимает, что его право было не свободой, а гордыней, ведущей к саморазрушению и отрыву от человечества. Это уже духовное переосмысление, принятие вины и начало пути к воскресению. Тема возвращается, но уже на уровне этического и религиозного осмысления.

Особого внимания заслуживает использование техники «ложных финалов» – промежуточных разрешений конфликта, за которыми следует новое обострение драматической ситуации. Эта техника создает специфический ритм напряжения и разрядки, характерный для больших романов писателя. Так, в «Братьях Карамазовых» весь сюжет романа подводит к судебному процессу, который должен установить истину об убийстве Федора Павловича Карамазова. Кажется, что после вынесения приговора конфликт будет разрешен, справедливость восторжествует, и герои смогут двигаться дальше. Однако появилось новое обострение: суд, несмотря на свою внешнюю торжественность, оказывается «ложным финалом» для истинного разрешения. Он не устанавливает духовную правду, а лишь юридическую. Дмитрий осужден несправедливо, Иван сходит с ума из-за своей вседозволенности, Алеша лишь начинает свой истинный духовный путь после суда. Сама правда оказывается неоднозначной, и истинные конфликты (моральные, духовные, экзистенциальные) лишь усугубляются или переходят на новый уровень после приговора.

Модальная организация высказывания

Модальность в текстах Достоевского отличается исключительным разнообразием и тонкостью градаций. Статистический анализ выявил повышенную частотность средств выражения эпистемической модальности (неуверенности, предположения, сомнения). Эти конструкции часто выполняют функцию саморефлексии писателя, создавая дополнительные смысловые слои в тексте: «Пожалуй, впрочем, и так...» [Достоевский 2008: 10].

Характерным является использование модальных частиц и вводных слов для создания эффекта внутреннего диалога. Писатель постоянно корректирует свои утверждения, создавая впечатление живого процесса мысли, развертывающегося на глазах у читателя.

Деонтическая модальность (долженствования) приобретает особую интенсивность в связи с нравственно-философской проблематикой произведений. Модальные слова «должен», «обязан», образуют семантическое поле морального императива.

Экспрессивная модальность реализуется через систему оценочных средств, создающих эмоциональную атмосферу повествования. Особенностью является частое использование интенсификаторов («страшно», «ужасно», «необыкновенно»), усиливающих психологическое воздействие текста.

Дискурсивные маркеры и связность текста

Система дискурсивных маркеров в произведениях Достоевского отличается богатством и функциональным разнообразием. Союзы и союзные слова часто выходят за рамки чисто синтаксических функций, приобретая семантическую и прагматическую нагрузку.

Частотность адверсативных союзов («но», «однако», «зато») превышает средние показатели, что отражает диалектический характер мышления писателя.

Противительные отношения пронизывают все уровни текстовой организации – от синтаксического до композиционного.

Особую роль играют средства ретроспекции и проспекции, создающие временную перспективу повествования. Дискурсивные маркеры типа «*между тем*», «*в то время как*», «*впоследствии*» организуют сложную темпоральную структуру больших романов.

Когнитивно-стилистические паттерны. Особенности синтаксического планирования

Анализ синтаксических структур выявил специфические особенности планирования высказываний в текстах Достоевского. Характерным является использование левого ветвления – накопления зависимых элементов в начале предложения перед главной клаузой, позволяющая держать читателя в постоянном напряжении: «*И если бы в ту минуту он в состоянии был правильнее видеть и рассуждать; если бы только мог сообразить все трудности своего положения, все отчаяние, все безобразие и всю нелепость его, понять при этом, сколько затруднений, а может быть, и злодейств еще остается ему преодолеть и совершить, чтобы вырваться отсюда и добраться домой, то очень может быть, что он бросил бы все и тотчас пошел бы сам на себя объявить, и не от страха даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения к тому, что он сделал*» [Достоевский 2008: 130].

Частые самокоррекции и перестройки синтаксических конструкций в рукописях свидетельствуют об интенсивной работе механизмов речевого контроля. Писатель постоянно совершенствует форму выражения, добиваясь максимальной точности передачи оттенков смысла. Вопрос о влиянии височной эпилепсии на речь, в частности на подбор слов (аномия) и сложность предложений, является актуальным в нейропсихологии и неврологии, поскольку это играет ключевую роль в процессах памяти и семантической обработки.

Статистический анализ выявил тенденцию к увеличению синтаксической сложности в кульминационных эпизодах произведений. Это может отражать связь между эмоциональным состоянием автора и особенностями синтаксического оформления текста.

Семантические стратегии

Семантическое планирование в текстах Достоевского характеризуется использованием принципа «*семантического предвосхищения*». Ключевые смысловые элементы подготавливаются системой ассоциативных связей задолго до их эксплицитной актуализации. Механизмы семантического прайминга проявляются в создании «*семантических полей ожидания*» вокруг центральных концептов произведения. Читатель подсознательно подготавливается к восприятию ключевых идей через систему косвенных намеков и ассоциаций.

Механизмы речевого контроля

Анализ черновых материалов рукописей выявил интенсивную работу механизмов самоконтроля в процессе текстопорождения. Достоевский многократно перерабатывает синтаксические конструкции, добиваясь оптимального соотношения формы и содержания. Метакогнитивные процессы находят отражение в многочисленных авторских ремарках и комментариях к собственному тексту. Писатель постоянно рефлексивирует над процессом творчества, корректируя стратегии изложения [Достоевский 1880].

Хронологическая динамика стилистических изменений. Периодизация творческой эволюции

Статистический анализ выявил динамику изменений стилистических характеристик на протяжении творческого пути Достоевского. Наиболее значительные трансформации приходятся на переходы между основными творческими периодами.

Ранний период (1846–1849 гг.) характеризуется относительной синтаксической простотой и преобладанием социально-бытовой лексики. Его произведение «Бедные люди» из представленной выборки является самым удобочитаемым текстом. Поздний период (1854–1881 гг.) характеризуется стабилизацией стилистических параметров на новом высочайшем уровне сложности. Вместе с тем наблюдается тенденция к дальнейшему усложнению синтаксиса и углублению философской проблематики.

Таким образом, неврологическое заболевание могло способствовать обострению чувствительности, интуиции, способности к глубокому самоанализу и пониманию иррациональных сторон человеческой психики. Мир для Достоевского и его героев часто предстает в лихорадочных, искаженных, гипертрофированных формах, что непременно связано с особенностями его восприятия. Автор часто изображает героев с психическими расстройствами, нервными срывами, галлюцинациями. Это прямое следствие его глубокого интереса к пограничным состояниям человеческого сознания, вызванного собственным опытом.

Перспективы междисциплинарных исследований

Интеграция психолингвистических и литературоведческих подходов открывает новые возможности для понимания природы художественного творчества. Количественные методы дополняют традиционный филологический анализ, обеспечивая более объективную основу для интерпретации.

Когнитивное литературоведение как междисциплинарная область находит в психолингвистических методах мощный инструментарий [Turner 1996], а понимание когнитивных механизмов творчества обогащает интерпретацию художественных произведений.

Цифровые гуманитарные науки предоставляют технологические возможности для реализации масштабных психолингвистических исследований. Создание специализированных корпусов и инструментов анализа демонстрирует новые исследовательские перспективы.

Заключение

Проведенное нейропсихолингвистическое исследование творчества Ф.М. Достоевского позволило выявить ряд существенных закономерностей в организации языковых процессов и их связи с когнитивными механизмами творческой деятельности, а именно:

Синтаксические особенности. Количественный анализ продемонстрировал сложность синтаксической организации текстов Достоевского. Анализ текстов позднего периода указывает на преобладание многоуровневых конструкций с глубиной вложенности до 6–7 уровней. Характерная тенденция к левостороннему ветвлению отражает особенности планирования синтаксических структур, которые связаны с интенсивной работой механизмов прогнозирования и концептуальной подготовки.

Семантические характеристики. Анализ семантической плотности выявил исключительное богатство смысловых связей в текстах писателя. Коэффициент семантической связности свидетельствует о высокой степени интеграции смысловых компонентов.

Модальные характеристики. Повышенная частотность эпистемических модальных средств отражает рефлексивный характер художественного мышления писателя. Соотношение различных типов модальности указывает на доминирование познавательных процессов над волевыми и эмоциональными компонентами в структуре текстопорождения.

Интеграция результатов. Совокупность полученных данных позволяет реконструировать специфические особенности когнитивной архитектуры творческого процесса Достоевского. Характерная для писателя интеграция сложных концептуальных структур с эмоционально насыщенным содержанием требовала исключительно высокой координации между различными уровнями языкового планирования.

Проведенное исследование актуализирует фундаментальную методологическую проблему современного литературоведения – недостаточную интеграцию нейропсихологических, биографических и медицинских данных в процесс филологического (литературоведческого) анализа.

Традиционный подход, ограничивающийся формально-стилистическим анализом, игнорированием биографического контекста и субъективной интерпретацией авторских интенций, демонстрирует существенные ограничения при работе с текстами писателей, имеющих выраженные неврологические особенности. В случае с Ф.М. Достоевским игнорирование эпилептического анамнеза автора приводит к неполноте, а порой и к искажению интерпретации творческого дискурса. Помимо него, следует упомянуть депрессию Кафки, биполярное аффективное расстройство Хемингуэя и В.М. Гаршина, алкоголизм многих русских писателей – это не просто «детали биографии», а ключи к пониманию их произведений. Поэтому безосновательны выводы некоторых исследователей о том, что Достоевский намеренно искажал синтаксическую стройность повествования [Гроссман 1924], [Бахтин 1994]. Таково было его мышление, отягощенное заболеванием.

Нейропсихолингвистический анализ продемонстрировал, что специфические паттерны организации текста, ранее рассматривавшиеся исключительно как «художественные приемы», могут представлять собой прямое отражение нейрофизиологических процессов. Это требует переосмысления методологических основ литературоведческого анализа в сторону большей междисциплинарности.

Таким образом, семантический анализ и когерентность текста, включающие метод латентного размещения LDA, индекс нарративной связности, оценку семантической плотности и индекс референциальной когерентности, продемонстрировали высокую связность событий в текстах Ф.М. Достоевского; необоснованные отступления от основной линии повествования отсутствуют, все обнаруженные связи в тексте являются логичными, что продемонстрировало высокий уровень его профессионализма.

Наиболее информативными предикторами, подтверждающими гипотезу нашего исследования, оказались индекс Флеша-Кинкейда и индекс сложности клаузуальной структуры. Анализ синтаксической сложности текстов Ф.М. Достоевского, в частности индекс Флеша-Кинкейда и индекс сложности клаузуальной структуры (ИСКС) иллюстрируют, в сравнении с текстами контрольной группы, все признаки гиперграфии (избыточность, детализацию, философско-религиозное содержание, вязкость мышления, эмоциональную окраску), свойственные лицам, страдающим височной формой эпилепсии.

Результаты проведенного исследования открывают несколько перспективных направлений для дальнейшей научной работы.

Сравнительные исследования. Необходимо расширение исследований на материале других авторов для выявления общих закономерностей и специфических особенностей творческого дискурса. Сопоставительный анализ различных типов творческой деятельности может способствовать пониманию универсальных механизмов креативности.

Мультимодальные исследования. Интеграция лингвистических данных с результатами нейропсихологических исследований может обеспечить более полное понимание мозговых механизмов творчества. Применение методов нейровизуализации к изучению процессов художественного творчества представляет особый интерес для ученых гуманитарной направленности.

Онтогенетические аспекты. Исследование развития творческих способностей в онтогенезе может выявить критические периоды формирования когнитивных механизмов креативности. Лонгитюдные исследования языкового прогресса творческих личностей могут способствовать пониманию траекторий когнитивного развития.

Теоретические аспекты. Дальнейшее развитие теоретических моделей творческого дискурса требует интеграции психолингвистических, когнитивных и нейронаучных подходов, поэтому создание общей теории творческого познания остается фундаментальной задачей.

Методы машинного обучения открывают перспективы для создания «стилистического портрета» писателя, который может использоваться для атрибуции спорных текстов и выявления подделок.

Выявленные закономерности вносят вклад в развитие психолингвистической теории и могут найти применение в различных областях научной и практической деятельности.

© Соколова Д.А., 2025

Литература

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. 5-е, доп. изд. Киев: NEXТ, 1994. 510 с.

Гроссман Л.П. Стилистика Ставрогина. К изучению новой главы «Бесов»: Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы под ред. А.С. Долинина, Ленинград; Москва, Издательство «Мысль» 1924, сб. 2. С. 138–152.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя августа 1880 г. Рукопись. Архив Российской государственной библиотеки. 80 л.

Достоевский Ф.М. Сочинения. Т. 28, кн. 2. Письма 1860–1868. 361 с.

Достоевский Ф.М. Сочинения. Т. 29, кн. 1. Письма 1869–1873. Архив Российской государственной библиотеки. 385 с.

Достоевский Ф.М. Записные тетради Ф. М. Достоевского под ред. Е.Н. Коншиной, Москва, Ленинград: Academia, 1935. 473 с.

Достоевский Ф.М. Письма в 4 томах под ред. А.С. Долинина. М.: Гослитиздат, 1959.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом в двух томах. Москва: Интрейд Корпорейшн. Том 1, 2008. 551 с.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 1056 с.

- Достоевский Ф.М.* Идиот. 1 том. Изд: Модное чтение, 2018. 416 с.
- Капицуни С.М.* Достоевский и христианство: новые итоги расследования. Вестник русской христианской гуманитарной академии. Том 18, вып. 2, 2017. С. 136–143.
- Улитин А.Ю., Одинцова Г.В., Нездоровина В.Г., Мальшев С.М.* Эпилепсия Достоевского. Журнал Нейрохирургия, 2021; 23(3). С. 113–121. DOI: 10.17650/1683-3295-2021-23-3-113-121.
- Чирков Н.М.* О стиле Достоевского. М.: Издательство Наука, 1964. 160 с.
- Abraham A.* The Neuroscience of Creativity. Cambridge Fundamentals of Neuroscience in Psychology. Cambridge University Press. 2018. 386 p. DOI: 10.1017/9781316816981
- Aldenkamp A.P., Bodde N.* Behaviour, cognition and epilepsy. Acta Neurologica Scandinavica. 2005. Vol. 112. Suppl. 182. P. 19-25. DOI: 10.1111/j.1600-0404.2005.00523.x
- Bear D.M., Fedio P.* Quantitative analysis of interictal behavior in temporal lobe epilepsy. Archives of Neurology. 1977. Vol. 34. № 8. P. 454-467. DOI: 10.1001/archneur.1977.00500200014003
- Dichter M.A.* Basic mechanisms of epilepsy: targets for therapeutic intervention. Epilepsia journal. 1998. Suppl 9. P. 2–6. DOI: 10.1111/j.1528-1157.1997.tb05200.x
- Geschwind N.* Behavioural changes in temporal lobe epilepsy. Psychol Med. 1979. 9(2):217-9. DOI: 10.1017/s0033291700030713
- Geschwind N.* Interictal behavioral changes in epilepsy. Epilepsia journal. 1983. Vol. 24. Suppl. 1. P. 23–30.
- Giovagnoli A.R.* Verbal semantic memory in temporal lobe epilepsy // Acta Neurologica Scandinavica. 1999. Vol. 99. № 6. P. 334-339. DOI: 10.1111/j.1600-0404.1999.tb07361.x
- Hermann B.P., Seidenberg M., Dow C. et al.* Cognitive prognosis in chronic temporal lobe epilepsy. Annals of Neurology. 2006. Vol. 60. № 1. P. 80–87. DOI: 10.1002/ana.20872
- Lombroso C.* L'uomo di genio in rapporto alla psichiatria, alla storia ed all'estetica. Italy: Bocca. 1984. 743 p.
- Mar R. A.* The Neuropsychology of Narrative: Story Comprehension, Story Production and Their Interrelation, Neuropsychologia. 2004. Vol. 42, No. 10. P. 1414–1434. DOI:10.1016/j.neuropsychologia.2003.12.016
- Mayeux R., Brandt J., Rosen J., Benson D.F.* Interictal memory and language impairment in temporal lobe epilepsy // Neurology. 1980. Vol. 30. № 2. P. 120–125. DOI: 10.1212/wnl.30.2.120 (In English)
- Mula M, Kanner A.M, Jetté N., Sander J.W.* Psychiatric Comorbidities in People With Epilepsy. Neurol. Clin. Pract. 2021. 11(2): e112–e120. DOI: 10.1212/CPJ.0000000000000874
- Perrine K., Hermann B.P., Meador K.J. et al.* The relationship of neuropsychological functioning to quality of life in epilepsy // Archives of Neurology. 1995. Vol. 52. № 10. P. 997–1003. DOI: 10.1001/archneur.1995.00540340089017
- Ross E.D., Monnot M.* Neurology of affective prosody and its functional-anatomic organization in right hemisphere // Brain and Language. 2008. Vol. 104. № 1. P. 51–74. DOI: 10.1016/j.bandl.2007.04.007
- Schöch C., Dudar J., Fileva E., Šeļa A.* Multilingual Stylometry: The Influence of Language on the Performance of Authorship Attribution using Corpora from the European Literary Text Collection (ELTeC). CHR 2024: Computational Humanities Research Conference, December 4–6, 2024, Aarhus, Denmark. P. 386–408.
- Squire L.R., Kandel E.R.* Memory: from mind to molecules. New York: Scientific American Library. 1999. 235 p.

- Turner M. The Literary Mind. Oxford: Oxford University Press. 1996. 208 p.
Waxman S.G., Geschwind N. The interictal behavior syndrome of temporal lobe epilepsy // Archives of General Psychiatry. 1975, Vol. 32. № 12. P. 1580–1586. DOI: 10.1001/archpsyc.1975.01760300118011
Zaidel D.W. Neuropsychology of Art: Neurological, Cognitive, and Evolutionary Perspectives (2nd ed.). Psychology Press, 2015. DOI: 10.4324/9781315719931

Сведения об авторе:

Соколова Диана Алексеевна – соискатель кафедры теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского; судебный эксперт-лингвист, судебный эксперт-психолог ООО «Межрегиональный институт судебных экспертиз и исследований»

Контактная информация:

150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8038-4327>
e-mail: diana.falcone.exp@gmail.com

Для цитирования:

Соколова Д.А. Нейропсихолингвистические паттерны творческого дискурса при эпилепсии: экспериментальное исследование текстов Ф.М. Достоевского // Вопросы психолингвистики. 2025. №3(65). С. 86–107, doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-86-107

UDC 81'32+81'33+81.23+ 81.234+159.9.07
LBC 81.1+88.7
DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-86-107

Research Article

**NEUROPSYCHOLINGUISTIC PATTERNS OF CREATIVE DISCOURSE
IN EPILEPSY: AN EXPERIMENTAL STUDY OF F.M. DOSTOEVSKY'S TEXTS**

Diana A. Sokolova

Yaroslavl State Pedagogical University
Yaroslavl, Russia

Abstract

This article reports on a comprehensive neuropsycholinguistic study of speech production in the temporal lobe epilepsy, employing the creative works of Fyodor Dostoevsky as a case study. The research aims to identify and describe the stylometric features of Dostoevsky's literary works in comparison with a control corpus of contemporaneous authors and to establish a potential correlation between the identified features and neurological factors.

The methodological framework of the study is grounded in the principles of digital humanities, corpus linguistics, and stylometry. Multivariate statistical analysis methods are employed, including cluster analysis, principal component analysis (PCA), and discriminant analysis. A medical-biographical approach is utilized to account for neurophysiological factors influencing the creative process. The methods of corpus-based psycholinguistics have been used to analyze the writer's texts with a total volume of 1,2-million-word usages

in comparison with a control group of ten contemporaries. Specific psycholinguistic markers of the epileptic discourse have been identified: violations of syntactic planning, features of the lexical-semantic organization of utterance, changes in the mechanisms of speech production control. The applied automated natural language processing methods allowed us to quantitatively assess the cognitive features of speech-thinking activity in temporal lobe epilepsy. The diachronic analysis demonstrates changes in the psycholinguistic parameters that correlate with a clinical manifestation of the disease. The results contribute to the understanding of neuropsychological mechanisms of speech production and suggest prospects for the development of psycholinguistic techniques to diagnose cognitive features.

Keywords: neuropsycholinguistics, epilepsy, speech production, cognitive disorders, corpus-based linguistics, discourse analysis, neuropsychology of speech, interictal disorders

© Sokolova D.A., 2025

Bionotes:

Diana A. Sokolova – applicant of the Department of Language Theory and German Language at Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University; forensic linguist, forensic psychologist of Interregional Institute of Forensic Expertise and Researches LLC

Contact information:

108/1, Respublikanskaya St., Yaroslavl, Russian Federation, 150000

ORCID: 0009-0005-8038-4327

e-mail: diana.falcone.exp@gmail.com

For citation:

Sokolova D.A. Neuropsycholinguistic patterns of creative discourse in epilepsy: an experimental study of F.M. Dostoevsky's texts // Journal of Psycholinguistics. 3(65), 2025. C. 86–107. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-86-107 (In Russian)

Трибуна молодых ученых

УДК 81-119 81.2-5

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-108-117

Научная статья

Фон как фактор, влияющий на восприятие поликодового текста малого формата

Артемьева Полина Павловна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы функционирования поликодового текста в коммуникативной среде. Предметом статьи являются особенности восприятия поликодового текста малого формата в контексте рассмотрения критерия фона. Объектом статьи становятся поликодовые тексты малого формата (указатели, таблички, реклама, афиши), а также тот фон, который сопровождает восприятие этих текстов. Задачей статьи является рассмотрение фона как важного фактора, влияющего на восприятие текста, а также иллюстрация того, что без рассмотрения фона текст может быть воспринят неполноценно или искаженно. Текст представлен как объект, который существует в условиях определенного фона, например локации, факторов вовлеченности реципиента в коммуникацию и т.д. Одной из задач статьи является формулировка понятия *фон* и оценка применимости этого понятия с точки зрения функционирования текста. При анализе данных психолингвистических исследований, а также исследований в области теории текста и риторики в статье отмечаются идеи, позволяющие рассматривать фон как необходимый компонент коммуникативного восприятия при формировании иллюзии и прогнозирования перлокуции. Поликодовый текст, априори представляющий собой мультимодальный сложноустроенный конструкт, практически всегда предусмотрен в пределах определенного фона – сопровождающего, дополняющего и конкретизирующего основное содержание. В статье представлены конкретные примеры поликодовых текстов, функционирующих на конкретном фоне, которые иллюстрируют разные паттерны поведенческого взаимодействия адресатов с текстом. В результате формируется вывод о том, что фон должен быть представлен как неотъемлемый элемент восприятия текста и должен учитываться при анализе информации, передаваемой в тексте.

Ключевые слова: восприятие, фатическая функция, фон, коммуникация, коммуникативная среда

Вопрос восприятия поликодовых текстов малых форматов в коммуникативной среде в первую очередь исследуется в сферах маркетинга, рекламы, различного рода PR и коммуникативных стратегиях. Задачей представленной статьи нам видится анализ специфики взаимодействия адресата с поликодовым текстом при условии учета фона как фактора, оказывающего влияние на восприятие текста, оценку его релевантности и уместности для конкретного реципиента.

Изначально следует определить, какой именно тип текстов мы понимаем как поликодовый текст. За основу мы возьмем определение Е.Е. Анисимовой, которое она

применяет для термина креализованный текст: «Креализованный текст – это сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003: 17]. В нашем ракурсе рассмотрения именно подобный подход кажется релевантным для определения специфики явления поликодового текста. Безусловно, большинство текстов, которые создаются человеком, сочетают в себе элементы, например, визуального и вербального кода (любой написанный или напечатанный текст, книга, публикация в газете). Однако не всегда адресант вкладывает прагматический компонент в средства визуального кода при создании, например, печатного текста. Безусловно, опытный реципиент всегда будет обращать внимание на все окружение вербального кода. Даже электронный документ будет приобретать дополнительную смысловую окраску в зависимости от визуального кода, например, шрифта. Документ, набранный шрифтом Arial или Calibri, будет восприниматься скорее как черновик, нежели текст, набранный шрифтом Times New Roman (см. Рис. 1).

Рис. 1. Разница шрифтового начертания.

Важно подчеркнуть, что поликодовый текст, в котором наблюдается смысловое и прагматическое взаимодействие различных семиотических кодов (например, вербального и визуального) чаще всего в жизни обывателя встречается достаточно часто. Рекламные баннеры, знаки автомобильных направлений, таблички-указатели, информационные таблички, предупреждающие или информирующие плакаты и т.д. – все это является примером поликодового текста. В данной статье мы не будем подробно рассматривать распределение информации по семиотическим кодам: подробнее об этом мы говорили в других работах, например [Артемьева 2023]. В рамках этой работы мы ограничимся поликодовыми текстами малого формата, что исключает формат кинематографа, театра, балета и прочих мультимодальных жанров, которые также могут быть текстом с лингвистической точки зрения. Мы хотим сфокусироваться на текстах, которые нередко можно встретить, например, в черте города, и которые часто создаются в рамках работы команды маркетологов и специалистов в области рекламы. Нам интересно проанализировать, как условия существования текста (иными словами, фон) влияют на восприятие.

В исследовании понятия фона обратимся к концепции гештальт-психологов, представленной в работе А.В. Уржи [Уржа 2022]. Согласно этой концепции, можно выделить ряд законов гештальта (классификация приводится на основе исследований Макса Вертгеймера [Wertheimer 1945]), обеспечивающих базовую когнитивную функцию восприятия, – «вычленять объекты и фон» [Уржа 2022: 13–15]. Фигура объекта становится ярче и осмысленнее, в то время как фон, который также остается объектом когнитивного (а здесь подчеркнем – и коммуникативного) восприятия, растворяется, делается менее заметным и менее значимым.

Однако в представленной статье мы хотим обратиться к понятию фона как необходимого сопровождающего компонента любой коммуникации. Объект нашего рассмотрения, например, конкретный текст, редко может существовать вне заданного фона. Если мы обратимся к теории функций языка Р. О. Якобсона [Jakobson 1960], мы сможем констатировать, что помимо сообщения, адресанта и адресата, составляющими компонентами любой коммуникации будут контакт, код и контекст. И если код, во многом, характеризует поле непосредственно сообщения, то контекст и контакт могут становиться частью рассматриваемого нами фона. Иными словами, функции, описанные Р.О. Якобсоном в рамках контакта и контекста, можно рассматривать в качестве составляющих компонентов фона текста. А.Н. Леонтьев, анализируя влияние экстралингвистических факторов на речевую деятельность, описывает контекст следующим образом: «Когда в психическое отражение мира индивидуальным субъектом вливаются идеализированные в значениях продукты общественно исторической практики, то они приобретают новые системные качества. Раскрытие этих качеств и составляет одну из задач психологической науки» [Леонтьев 1977: 179]. Вокруг текста создается среда, позволяющая функционировать тексту благодаря языковым навыкам коммуникантов – среда, состоящая из приобретенного опыта языкового коллектива, а также «исторической практики», общественных установок, которые обеспечивают процесс понимания и восприятия текста. Интересно, что апелляция к конкретному опыту, даже визуальному или чувственному, может быть изначально заложена в высказывание, формируемое адресантом: «Многие высказывания на естественном языке предполагают обращение к визуальному опыту и к другим видам чувственного познания» [Lakoff 1997: 51]. Поэтому можно говорить о том, что среда вокруг определенного текста возникает во многом благодаря общности национального языка, который представлен в самом тексте. Получается необходимый симбиоз того, что содержится непосредственно в объекте восприятия и в фоне, его окружающем. Так, например, носители русского языка, которые приезжают в популярные среди туристов города Королевства Таиланд, встречают большое количество надписей на русском языке, в которых содержится реклама разного рода товаров и услуг (см. Рис. 2).

Рис. 2. Реклама туристического агенства в г. Паттай (изображение взято из сети Интернет <https://tris72.ru/nworks/> Дата обращения: 06.09.2025).

Получается, что, с одной стороны, адресанты этих сообщений заведомо предполагают наличие адресатов-носителей русского языка, а, с другой стороны, русскоговорящие туристы, благодаря контексту и фону сообщений, сразу понимают, что могут получить не только услугу, указанную в тексте, но и получить ее на родном, комфортном для них языке. Здесь при взаимодействии текста и контекста и создается дополнительный, эмоциональный контекст, который определяет интерес адресата к продукту.

На представленном примере мы видим карикатурную вывеску, привлекающую внимание русскоязычных туристов. Важно отметить, что здесь, во-первых, контекст создает определенного рода коммуникативное нарушение, вовлекающее адресата в коммуникацию: надпись на русском языке среди прочих надписей на тайском и английском языках сразу обращает на себя внимание, даже если человек не был заинтересован в услугах экскурсионного бюро. Во-вторых, здесь используется референция к прецедентному для русскоязычного населения тексту (шутки из социальных сетей), что также становится фактором, обеспечивающим вовлечение реципиентов в коммуникацию. Во многом это то, что относится уже не только к контексту, но и к контакту.

Фатические установки, изначально предусмотренные адресантом в рамках текста, мы также можем рассматривать в качестве составного компонента фона текста. Они не являются частью непосредственно сообщения, но прописываются в сценарии взаимодействия с текстом, его восприятия, становятся частью информации, заложенной в сообщении. Проиллюстрировать это можно через концепцию мотивации восприятия: «Первая фаза – фаза «мотивации», как и при порождении текста, определяет «изначальный» мотивационно-побуждающий уровень процесса восприятия. Вторая фаза – интенция – охватывает в основном процессы непосредственного взаимодействия реципиента с текстом (т.е. аудиовизуальное восприятие сенсорными рецепторами)» [Каменская 1990: 126]. Можно предположить, что фатические установки обеспечивают первую фазу мотивации восприятия – создают мотивационно-побуждающий уровень восприятия. По словам И.А. Зимней, «...сложность этого психического явления обуславливается прежде всего тем, что, будучи, с одной стороны, процессом непосредственного чувственного познания, оно, с другой стороны, в силу специфической природы своего объекта – речевого сообщения, является процессом опосредствованного второсигнального отражения действительности, т.е. процессом раскрытия опосредствованных словами связей и отношений, включающим осмысление» [Зимняя 1976: 6]. Следовательно, важен процесс изначального контакта с текстом, а потом осмысление содержания, интеллектуального восприятия, которое зачастую формируется на основании накопленного опыта интерпретатора. А это, в свою очередь, мы можем частично считать компонентом фона рассматриваемого текста. Так, например, реклама сервиса доставки готовой еды, которая расположена на автобусной остановке направления «От центра» (в котором люди едут с работы домой), или та же реклама, расположенная, например, в здании аэропорта в зоне вылета, будут предположительно иметь разное воздействие на адресата (см. Рис. 3).

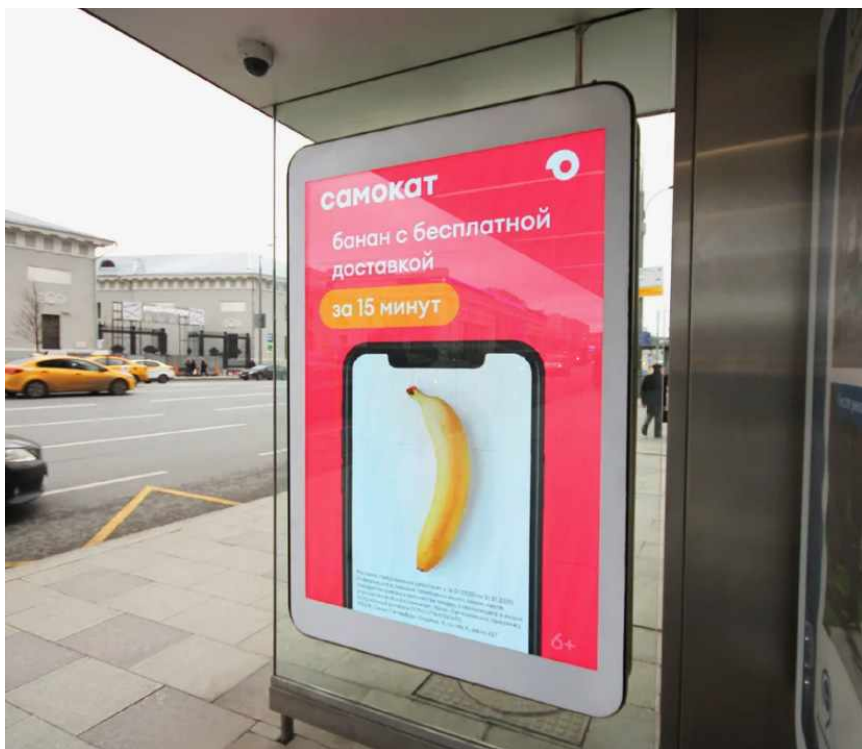

Рис. 3. Реклама сервиса доставки продуктов на автобусной остановке. Садовое кольцо, г. Москва (изображение взято из сети Интернет https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/271828/pub_6682758058a1de5a74f6c853_6682758c768fc17b65c63bcf/scale_1200 Время обращения 01.09.2025).

С одной стороны, такая реклама будет сообщать информацию, находящуюся в сиюминутном ценностном поле реципиента – возможность удовлетворения чувства голода по приезде домой. Соответственно, в дороге можно воспользоваться этим сервисом, чтобы заказать еду на дом. Человек же, который готовится сесть в самолет, не сможет заказать еду, что является целевым, заложенным в прагматику текста, действием. Следовательно, даже если реклама его заинтересует, воспользоваться предложением человек не сможет. По нашей гипотезе, целевой и своевременный контакт, заранее сформированный автором сообщения, обеспечивает большую мотивацию восприятия, а следовательно, и больший успех коммуникации в целом. Доказать эффективность текстов, расположенных в разных локациях, возможно с помощью анализа маркетинговых данных и проведения PR-исследований.

Подобное рассмотрение контактоустанавливающей роли фона в коммуникации и эффективности восприятия напрямую отсылает к теории риторических топов. Особенно нас будут интересовать такие категории, как топ времени и топ места, связанные с процессами, описанными нами выше. Согласно определению А.А. Волкова, «смысл топа места не сводится к физическому пространству. Место может пониматься

как абстрактная позиция – социальная или смысловая, занимая которую, термы отождествляются и различаются» [Волков 2003: 65]. Автор текста создает единый топ места с потенциальным реципиентом так, чтобы текст имел максимально целевое воздействие. «Топ времени связывает действие с обстоятельствами, и тем самым устанавливаются возможность действия и его совместимость с обстоятельствами» [Волков, 2003: 66]. Следовательно, топ места и времени определяют функционирование текста в рамках описания аксиологического поля реципиента. Более того, здесь мы можем говорить не только о ценностях, но и о потребностях, которые есть у реципиента. Текст, четко привязанный к топам места и времени, может быть с точки зрения информации релевантным для адресата. Обратимся к знаменитой модели потребностей Абрахама Маслоу [Maslow 1943]. Мы можем предположить, что текст, заведомо расположенный адресантом с учетом топа места и топа времени, общих с адресатом, может иметь эффект удовлетворения физиологических, а возможно и социальных или, например, эстетических потребностей. Вернее, в прагматику текста будет заложено ожидаемое действие адресата, которое и должно удовлетворить потребность. Например, как показано в примере выше, потребность в удовлетворении голода (физиологическая потребность) может быть закрыта текстом, в который будет заложен прагматический компонент «возможность быстрой и удобной доставки». В этом контексте можно рассмотреть также дорожные указатели для автомобилей, которые могут быть восприняты только в определенном месте и в определенное время (или, можно сказать, на определенном фоне). Они также удовлетворяют потребность адресата в информации (эту потребность можно отнести к классу потребностей уровня безопасности). Здесь же важно подчеркнуть обратное: если дорожный указатель с направлением движения расположить вне проезжей дороги, вне обозначенного направления, то прагматический эффект будет утерян, следовательно, потребность удовлетворяться не будет.

Кроме того, в контексте анализа фона сообщения как особого коммуникативного плана, важно отметить значимость того когнитивного механизма, который ложится в основу взаимодействия реципиента с фоном сообщения. Фон чаще всего строится на базовых знаниях (в том числе презумпциях), которые создают коммуникативную сферу. «В психолингвистике в качестве опорного выступает положение о том, что знание не передается, а только возбуждается, т.е. передаваемая в тексте информация вызывает из сознания фоновые знания, которые хранятся там в виде фреймов, воспринимаемый знак вызывает лишь возникновение образа, уже имеющегося в сознании реципиента» [Комарова 2010: 182]. Как мы видим, автор здесь отмечает роль фонового знания в коммуникации с текстом (с «воспринимаемым знаком»). Автор коммуникации создает или учитывает определенную коммуникативную среду, в которой функционирует текст. Но от того, в какой среде находится текст, зависит качество или скорость восприятия, а также тот объем смыслов, который доступен этому восприятию.

Тот факт, что часть текстов, например, дорожные указатели, не функционируют вне задуманного адресантом фона (особенно вне топа места и времени), наводит нас на мысль о том, что фон в таком случае становится не просто сопровождающим элементом коммуникации, обеспечивающим восприятие, но и в какой-то степени особым кодом такого текста. Возвращаясь к изначальному определению поликодового текста, который мы сформулировали через заложенную адресантом в каналы

восприятия прагматику, мы можем констатировать, что и фон, спрогнозированный, а иногда и тщательно изученный маркетинговыми инструментами, становится неотъемлемым каналом текста. И в отсутствии этого кода текст оказывается недоступным для восприятия. Так, в Москве выставили на продажу информационные указатели из метрополитена, которые ранее использовались на станциях для обозначения направления пассажиропотока (см. Рис. 4). Сейчас надписи на этих указателях не имеют смыслового компонента «направления», они лишь сохраняют историю этого объекта. Указатели в свою очередь продаются в качестве интерьерного объекта.

Рис. 4. Старые информационные указатели метрополитена, выставленные на продажу в качестве интерьерных объектов. <https://rg.ru/2019/08/30/reg-cfo/v-moskve-prohodit-pervyj-aukcion-po-prodazhe-ukazatelej-metro.html> Дата обращения 06.09.2025).

Таким образом, исследование фона коммуникативного сообщения становится важным фактором обеспечения прагматически ориентированного взаимодействия адресата с текстом, оценки успешности его восприятия информации и прогноз реакции. Подобный анализ позволяет нам учитывать ряд экстралингвистических факторов, которые влияют на коммуникацию и взаимодействие реципиента и текста в коммуникативной среде. Если же рассматривать тексты, направленные на конкретное целевое воздействие (рекламу, указатели, коммуникативные призывы), учет фона не просто желателен, но необходим для создания комплексного эффекта от сообщения. Перспективой подобного типа рассмотрения текста и фона видится привлечение данных измерения успешности различных коммуникативных

кампаний инструментами маркетинговых и PR исследований с целью демонстрации статистической оценки восприятия и вовлечения в коммуникацию. В представленной статье мы не рассматривали канал и код как необходимые компоненты коммуникативного поля (см. [Артемьева 2023]). Распределение информации с точки зрения выбора различных поликодовых инструментов дает возможность оценивать текст комплексно с точки зрения эффективности восприятия информации.

© Артемьева П.П., 2025

Литература

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): [Учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов] / Е. Е. Анисимова. Москва: Academia, 2003 (ГУП Саратов. полигр. комб.). 122, [2] с.: ил., табл. (Высшее образование); ISBN 5-7695-0961-9

Артемьева П.П. Специфика распределения информации по каналам восприятия в составе поликодового текста // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2023, том 1, номер 0.

Волков А.А. Основы риторики: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 520300 и специальности 021700 – «Филология» / А.А. Волков. Москва: Академ. Проект, 2003. 301с.

Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) [Текст] / Отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев; АН СССР, Ин-т языкознания. Москва: Наука, 1976. 262 с.

Каменская О.Л. Текст и коммуникация: [учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков] / О.Л. Каменская. Москва: Высшая школа, 1990. 151 с.; 21 см.; ISBN 5-06-000246-2

Комарова Л.И. Общие фоновые знания автора и читателя как условие понимания текста // Вестник ТГУ. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-fonovye-znaniya-avtora-i-chitatelya-kak-uslovie-ponimaniya-teksta> (дата обращения: 24.08.2025).

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Сознание [Текст] / А.Н. Леонтьев. 2-е изд. Москва: Политиздат, 1977. 304 с.

Уржа А.В. Первый план и фон в повествовательном тексте: нарратология, лингвистика, когнитивные исследования, переводоведение: монография / А.В. Уржа. Москва: ФЛИНТА, 2022. 286. ISBN 978-5-9765-5076-6

Jakobson R. Linguistics and Poetics, опубликовано в сб. «Style in Language», ed. by Th.A. Sebeol., Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, 1960. // «Структурализм: “за” и “против”». М., 1975, перевод И.А. Мельчука.

Lakoff G. Linguistic gestalts. “Papes from the Thirteenth Regional Meeting Chicago Linguistic Society”, 13 Chicago, 1977 // Новое в зарубежной лингвистике, том X, перевод с английского Н.Н. Перцовой. С. 350–369. Лингвистическая семантика / Сост., общ. ред. и вступит. статья [с. 5–32] В.А. Звегинцева: Лингвистическая семантика. Москва: Прогресс, 1981. 567 с.: ил.; ISBN В пер.

Maslow A. A theory of human motivation. Psychological Review, 50, 370-396. 1943. Retrieved June 2001.

Wertheimer M. Productive Thinking / New York; London: Harper and brothers, 1945.

Сведения об авторе:

Артемьева Полина Павловна – выпускник аспирантуры кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова; лаборант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119899 Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, Филологический факультет

ORCID: 0009-0000-0549-7835

e-mail: art.polina7531@gmail.com

Для цитирования:

Артемьева П.П. Фон как фактор, влияющий на восприятие поликодового текста малого формата // Вопросы психолингвистики. 2025. №3(65). С. 108–117, doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-108-117

UDC 81-119 81.2-5

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-108-117

Research article

**BACKGROUND AS A FACTOR INFLUENCING THE PERCEPTION
OF SMALL-FORMAT POLYCODE TEXT**

Polina P. Artemeva

Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the functioning of a polycode text in a communicative environment. The subject of the article is the peculiarities of perception of small-format polycode text, in the context of considering the background criterion. The object of the article is small-format polycode texts (indexes, signs, advertisements, posters), as well as the background that accompanies the perception of these texts. The purpose of the article is to consider the background as an important factor influencing the perception of the text, as well as to illustrate that without considering the background, the text can be perceived imperfectly or distorted. The text is presented as an object that exists in conditions of a certain background, for example, location, factors of recipient's involvement in communication, etc. One of the objectives of the article is to formulate the concept of background and assess the applicability of this concept in terms of the functioning of the text. When analyzing data from psycholinguistic research, research in the field of text theory and rhetoric, the article highlights ideas that make it possible to consider background as a necessary component of communicative perception in the formation of illocution and forecasting perlocution. Polycode text, which is a priori a multimodal, complexly structured construct, is almost always provided within a certain background: accompanying, complementing, and specifying the main content. The article presents specific examples of polycode texts functioning against a specific background,

which illustrate different patterns of behavioral interaction between recipients and the text. As a result, the conclusion is formed that the background should be presented as an integral element of the perception of the text and should be taken into account when analyzing the information conveyed in the text.

Keywords: perception, phatic function, background, communication, communicative environment

© Artemeva P.P., 2025

Bionotes:

Polina P. Artemeva – Graduate of the Department of General and Comparative Historical Linguistics of Lomonosov Moscow State University, Laboratory assistant at the Department of General and Comparative Historical Linguistics of Lomonosov Moscow State University

Contact information:

119991 Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie gory, 1, bld. 51

ORCID: 0009-0000-0549-7835

e-mail: art.polina7531@gmail.com

For citation:

Artemeva P.P. Background as a factor influencing the reception of small-format polycode text // Journal of Psycholinguistics. 3(65), 2025. P. 108–117. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-108-117 (In Russian)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ¹

Чан Тяньчжо

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация

Понятие «картина мира» как совокупность систематизированных представлений о реальности является основополагающим, оно представлено в различных аспектах: можно говорить о физической картине мира, философской, психологической, научной и др. Существует множество способов воплощения картины мира, в том числе через язык. В последнем случае речь идет о языковой картине мира. Понятия картины мира и языковой картины мира соотносятся друг с другом как целое и часть. Языковая картина мира как предмет междисциплинарного научного осмысления характеризуется зыбкостью границ, субъективностью восприятия и умозрительностью. В настоящей работе рассматриваются философские и психолингвистические основы языковой картины мира, сопоставляются ключевые понятия – идентичность, время и эмоции – в русском и китайском языках с учетом специфики языкового сознания и культурных особенностей двух этносов. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию процессов взаимодействия языка и культуры и могут быть полезны для оптимизации межкультурной коммуникации и в преподавании языков.

Ключевые слова: психолингвистика, картина мира, языковая картина мира, языковое сознание, межкультурная коммуникация, национально-культурная специфика

Введение

Термин «картина мира», введенный в научный оборот немецким физиком Генрихом Герцем, описывает совокупность внутренних образов, возникающих в процессе изучения объектов внешнего мира. В современной науке выделяется несколько подходов к изучению сущности картины мира. Исследованием данного понятия занимаются философы, психологи, лингвисты, лингвокультурологи, этнологи и т.д. Особое значение приобретает вопрос о взаимоотношениях человека с социумом, природой и языком, поскольку язык как важное средство отражения реального мира является тем инструментом, при помощи которого существует сознание человека.

Философские основы понятия языковой картина мира

Понятие картины мира (КМ) берет свое начало в философии науки, и довольно долгое время оно ассоциировалось в первую очередь с научным познанием [Сыров 2002: 17]. При этом картина мира в философии понимается как ключевая категория, описывающая устройство, организацию и развитие мироздания в целом и человека

¹ Исследование выполнено при поддержке Национального фонда китайских государственных стипендий № 留金欧[2024]10.

как его части [Арекеева 2022: 52]. Языковая картина мира (ЯКМ) как предмет научно-философского понимания определяется как отражение языкового сознания того или иного народа [Там же].

У философов есть собственные представления о языке. Немецкий философ XX века М. Хайдеггер предпринимал попытки осмыслить отношения между языком и действительностью с различных сторон. Ученый рассматривает язык как «дом бытия», в качестве «экзистенциала», ставя вопрос о смысле существования. Затем он поднимает вопрос о сущности самого языка, утверждая, что язык – это способ существования бытия во времени, отражающемся в миропонимании человека [Цит. по: Абросимова, Андреева 2017]. Согласно Ю.Д. Апресяну, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [Апресян 1995]. Данную коллективную философию можно в определенной степени понимать как национальное мировоззрение или, точнее, как национально-языковую картину мира, которая является неповторимым результатом «мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса» и его коллективного органа «самопознания собственной культуры на фоне пространственно-временного континуума» [Корнилов 2003: 137]. Представители различных культур реализуют свое восприятие окружающего мира через призму своих языков, формируя определенные представления о явлениях и ситуациях, и в то же время язык как инструмент описывает их собственное уникальное мировосприятие.

Языковая картина мира является отражением представлений о мире, следовательно это не объективно существующая реальность, а абстракция, умозрительная конструкция, используемая для решения определенных задач. Исходя из этого, ЯКМ отличается от научной картины мира и относится к категории наивной картины мира. Однако противоречие заключается в том, что важнейшей особенностью ЯКМ является присущая ей безусловная достоверность для субъекта этой картины, поскольку КМ воспринимается как сама реальность. В результате носители одного языка принимают значения, выраженные в их родном языке, как должное, и у них возникает иллюзия, что именно так воспринимается мир всеми остальными людьми. В связи с этим представители одной этнической и языковой общности демонстрируют сходство в интерпретации типичных жизненных ситуаций, в оценках происходящих событий, а также в понимании пословиц, поговорок, цитат и афоризмов, в которых отражается коллективный опыт и культурные ценности данного народа [Абросимова, Андреева 2017: 324].

Подобным образом формируется и языковая картина мира китайского народа, которая базируется на собственных философско-культурных основаниях. На формирование китайской ЯКМ существенное влияние оказали три основные философские традиции: конфуцианство, даосизм и буддизм, каждая из которых внесла в нее свои концептуальные ориентиры и ценностные установки. Конфуцианство как основополагающая этико-социальная система в Китае акцентирует внимание на иерархии, гармонии межличностных отношений, уважении к старшим и соблюдении ритуалов (礼 *ли*). Центральное место в ней занимает семья, коллектив и государство как элементы миропорядка. Эти принципы отражаются в лексике и речевых формулах китайского языка, таких как разветвленная система родственных обозначений,

многочисленные выражения, подчеркивающие почтительное отношение и уважение к собеседнику. Даосизм вносит в китайскую картину мира идею естественного пути, следования закону природы, «недеяния» (无为 *у-вэй*) и поиска внутренней гармонии с окружающим миром. Эта философская идея создает образ пассивной активности, гибкости мышления и принятия естественных изменений в вещах, что отражается в языке большим количеством природных метафор, образных выражений, а также понятиями баланса и цикличности. Буддизм добавляет в китайскую ЯКМ категорию отрешенности от материального, стремление к духовному освобождению и понимание бренности существования. В языке закреплены выражения иллюзорности мира, пустоты (空性 *шуньята*), кармы и нирваны как освобождения от страданий. Философские традиции определяют основополагающие представления о мире, человеке и его месте в социуме, формируя уникальную картину мира китайской культуры.

Понятие «языковая картина мира» в лингвистике и психолингвистике

Картина мира, по мнению В.И. Постоваловой, представляется как «целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны» [Постовалова 1988: 25]. Она формируется под влиянием всех уровней психической деятельности – от ощущений и восприятия до мышления и самосознания. В.И. Постовалова описывает этот процесс как то, как «человек ощущает мир, созерцает его, постигает, познает, понимает, осмысляет, интерпретирует, отражает и отображает, пребывает в нем, воображает, представляет себе “возможные миры”» [Постовалова 1988: 20].

Язык играет ключевую роль в формировании картины мира. В самом языке формируется языковая картина мира – один из самых глубоких слоев общей картины мира человека [Там же]. Язык является важным средством выражения содержания человеческого сознания и понятий, выявляющих отношение к объективному миру. Понятие языковой картины мира появилось вследствие преобладания антропоцентрической парадигмы в языкознании.

Феномен ЯКМ основывается на концепциях В. фон Гумбольдта, в частности, на его понятии внутренней формы языка, которое внесло значительный вклад в понимание языка и его связи с мышлением и культурой. По мнению Гумбольдта, форма языка разделяется на внешнюю (это материя языка, его звуковая система, оформляющая высказывания) и внутреннюю, которая является способом соотнесения конкретных комплексов звуков с характерными для данного языка значениями. Ученый утверждает, что «различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия, что большое число предметов создано обозначающими их словами и только в них находит свое бытие», поэтому «языки отличаются друг от друга не только звуковыми и материальными оболочками смыслов, но и способом восприятия мира» [Гумбольдт 1984. Цит. по: Урысон 2003: 9].

Языковая картина мира есть совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности, исторически сложившийся в обыденном сознании конкретного языкового коллектива, и отраженный в языке. По мнению А.А. Леонтьева, «то, в чем и при помощи чего существует сознание общества, есть язык» [Леонтьев 2016: 296]. Язык не является «ни демиургом, ни содержанием сознания» [Там же], а выполняет функцию его носителя. Сознание формируется в культурной среде через взаимодействие человека с предметами и другими участниками культуры. В деятельностном подходе предметное значение рассматривается как единица

сознания, отражающая общественно выработанные способы действия, с помощью которых человек осваивает и преобразует реальность. Как считает А.А. Леонтьев, «мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы «наложенных» на восприятие этого мира» [Там же]. А язык как деятельностная структура служит средством общения и взаимопонимания людей внутри культурной среды. Однако взаимопонимание основывается не только на общности языковых знаков, но и на тех культурно обусловленных знаниях и значениях, которые стоят за языковыми формами и разделяются членами одной культурной общности. Иными словами, успешность коммуникации зависит от общности сознаний участников, включая общее знание о мире и языке. Как отмечает Е.Ф. Тарасов, «эта общность формируется при присвоении идентичной этнической культуры и при овладении одним и тем же национальным языком» [Тарасов 2004: 37]. Именно сознание, рассматриваемое как опосредованное значениями, находится в центре особого внимания в российской психолингвистике.

Языковое сознание – это один из видов сознания, которое «является сознанием “овнешненным”, т.е. выраженное внешними языковыми средствами» [Ушакова 2004: 6]. Конкретными языковыми средствами, «овнешняющими» языковое сознание, являются лексемы, словосочетания, фразеологизмы, тексты, ассоциативные поля и тезаурусы [Тарасов 2000: 26]. Е.Ф. Тарасов рассматривает языковое сознание как «опосредованный языком образ мира», представляющий собой «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996: 7]. Как отмечает А.А. Леонтьев, «сознание человека всегда этнически обусловлено; видение мира одним народом нельзя простым перекодированием перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев 2016: 298]. При этом исследование национально-культурной специфики языкового сознания приобретает особую актуальность в условиях межкультурного общения.

Изучение языкового сознания в российской психолингвистике развивается на протяжении длительного периода и достаточно хорошо разработано. Одним из наиболее широко используемых базовых методов и способов овнешнения языкового сознания является ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент (АЭ) определяется в «Большом психологическом словаре» В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова как «термин, утвердившийся в психологии для обозначения особого проективного метода исследования мотивации личности» [Зинченко, Мещеряков 2002: 37]. На основе результатов массовых ассоциативных экспериментов можно смоделировать ассоциативно-вербальную сеть и выявить системность языковой картины мира наивного носителя языка [Уфимцева 2014], тем самым раскрывается система культурных стереотипов, отражающих черты национального характера [Уфимцева 2009].

Анализ языковой картины мира является одним из ключевых аспектов исследования, играет решающую роль при изучении феномена языковой личности. Языковая личность, согласно определению В.И. Карасика, – это обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [Карасик 2002]. В структуре языковой личности, по Ю.Н. Караулову, можно выделить три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический [Караулов 1987]. На когнитивном уровне языковой личности концептуальная система непосредственно связана с языковой картиной

мира. Как отмечает Чжан, с когнитивной точки зрения рассматривается ментальный компонент языковой личности, единицами которого являются концепты, формирующие более или менее упорядоченную картину мира [Чжан 2016].

Понятие ЯКМ занимает ключевое место в лингвистике и психолингвистике, так как позволяет рассматривать язык не только как средство коммуникации, но и как систему, в значениях которой фиксируется культурно окрашенный опыт взаимодействия человека с предметами окружающей действительности.

Сопоставительный анализ ключевых понятий ЯКМ русских и китайцев

Языковая картина мира культурно обусловлена, поскольку отражает этнокультурную специфику мировосприятия носителей языка. ЯКМ национально специфична, поскольку основана на уникальном историческом, культурном, когнитивном и языковом опыте каждого этноса. Различия в культурном фоне России и Китая отражаются в их языках, формируя различные черты национального характера.

I. Идентичность

В представлении В.В. Колесова русская идентичность формируется на основе внутренней раздвоенности и стремлении к внешнему признанию. Русский человек – это тот, чьи «духовные силы были разорваны двойственностью его телесного существования», и его пугает собственная ничтожность: «испуг прекрасный! В ком такое сильное отвращение от ничтожного, в том, верно, заключено все то, что противоположно ничтожному» [Гоголь; цит. по: Колесов 2007: 231]. Эту экзистенциальную неуверенность сопровождают самоуничтожение и постоянная потребность во внешней оценке: «во всю историю нашу прошла эта потребность суда постороннего человека», ведь «мечта каждого русского – в том лишь, чтобы в его личности некто Другой разглядел Человека» [Колесов 2007: 231]. Центральным элементом русского мировоззрения становится отношение к «среднему». Хотя человек в русской традиции мыслится как посредник между Добром и Злом, Богом и Сатаной, земным и небесным, он тем не менее отказывается занимать срединную позицию. Как подчеркивает В.В. Колесов, «находясь посреди, в середине, он отвергает среднее» [Там же].

Понятие «Я» в русском языковом сознании преимущественно связано с представлением об автономной личности, обладающей внутренним единством и самостоятельностью. Русская культура акцентирует внимание на сущностной самости, глубинной рефлексии и личной ответственности индивида. В этом контексте самосознание включает осмысление собственной индивидуальности: «кто я», «каков мой внутренний мир», «какие у меня убеждения и цели», «в чем мое предназначение». Кроме того, понятие «я» нередко расширяется до уровня национальной идентичности, включая осознание принадлежности к русскому народу, культуре и государству. Например, в русском языковом сознании понятие «я» реализуется через богатую систему лексических единиц (*сам, самостоятельность, личность*) и устойчивых выражений («*сам себе хозяин*», «*сам себе режиссер*», «*на себя надейся*», «*идти своим путем*»).

«Соборная личность» – ключевое понятие в русском самосознании, отражающее коллективную природу идентичности, при которой «я» всегда мыслится как часть «мы». В культурологическом аспекте соборность выступает как ценность, скрепляющая культуру, выражающая органическое единство личности и нравственной общности. Отмечается, что «наш социум, наша группа – это средостение, связующее

звено между нами и этим миром. Чтобы стать личностью, самостоятельной относительно космоса, мы должны стать соборной личностью» [Касьянова 1994: 126]. Иными словами, именно через коллектив, через принадлежность к группе в русской культуре происходит воплощение и выражение индивидуальной ценности личности. Соборность проявляется через особенности языкового сознания, в частности, во взаимодействии диалектной речи и языка фольклора. Носители народной культуры не проводят четкой границы между личным (бытовым) и коллективным (фольклорным) текстом, а перетекание одного в другой воспринимается как естественный процесс. Особенно это касается пословиц и поговорок – жанров, по своей природе «ничьих» и одновременно принадлежащих всем. Такое отношение к языку как к коллективному достоянию свидетельствует о глубинной соборной установке, пронизывающей и речь, и мышление. Пример деревенской топонимики (*Степаненки, Абраменки, Нифонята* и др.) и синтаксических конструкций типа «*У Карпушат*», «*К Евтенкам*» отражает архетипическое восприятие личности как части рода и общины. В языковом сознании носителей традиционной культуры индивид не выделяется из коллективного «мы», а осмысливается сквозь призму принадлежности к роду. Такая языковая практика демонстрирует проявление соборного сознания, в котором идентичность формируется через включенность в общинное целое.

Понятие «Я» в китайском языковом сознании более социально ориентировано. Китайцы склонны определять свою идентичность через социальные отношения с другими людьми. Эта направленность проявляется в ориентации на семью, отношения, авторитет и др. [Ян 1993]. В китайской культуре формирование личной идентичности тесно связано с конфуцианской системой ценностей, коллективистским мировоззрением и реляционной моделью самосознания. Основные ценности конфуцианской культуры акцентируют внимание на человеческих отношениях (таких как отношения между отцом и сыном, правителем и подданным, супругами, братьями и друзьями), а также подчеркивают важность «*礼*» (ритуалов), «*义*» (долга), «*孝*» (сыновней почтительности) и «*忠*» (преданности). Самоидентичность часто проявляется через обязанности и ответственность по отношению к другим, например: «*я некий сын*», «*я некий ученик*», «*я некий друг*». В соответствии с ценностями коллективизма индивид рассматривается не как полностью самостоятельная единица, а как часть социального целого; его самосознание неразрывно связано с семьей, группой и обществом. Это сходно с понятием «соборной личности» у русских, в рамках которого «я» всегда мыслится как часть «мы». Для большинства китайцев вопрос «кто я» практически сводится к определению своей роли и позиции в группе. Например, самоидентификация часто осуществляется через социальную роль: «*учитель Чжан*», «*директор Ли*». В китайской ЯКМ реляционная модель самосознания проявляется в сложной системе обращений, этикете речевых актов, предпочтении косвенных форм выражения, коллективных идентификаторах и богатстве фразеологизмов, отражающих социальные роли и иерархические отношения. Например, вместо «*моя компания*» употребляется «*наша компания*», вместо «*моя семья*» – «*наша семья*», что подчеркивает принадлежность к группе и коллективное сознание. Аналогично, в повседневной речи часто встречаются выражения типа «*мы, китайцы*», «*наш класс*», «*наш отдел*» что отражает коллективную идентичность.

В экспериментальном исследовании Хуан Тяньдэ также выявлены различия в ассоциативных реакциях на стимул **Я**: у русских студентов преобладают слова

человек (98), личность (48), а у китайских – ты (82), сам (54) (в скобках указана частотность реакции) [Хуан 2017]. Это свидетельствует о различиях в самосознании: в русской языковой картине мира акцент делается на единство индивида и коллектива, тогда как в китайском – на реляционную направленность и саморегуляцию личности.

II. Время

Представление о времени является важной составляющей языковой картины мира. Различия в восприятии времени у разных народов находят отражение в их ЯКМ.

В русском языковом сознании время воспринимается не как линейная последовательность «прошлое – настоящее – будущее», а как ценностно насыщенная категория, тесно связанная с пространством и идеалом. В.В. Колесов, ссылаясь на слова Николая Шелгунова, отмечает, что «создает людей время, а время есть созревшая мысль». При этом настоящее (от слова «настающий») изначально направлено в будущее, соединяя реальное с идеальным [Колесов 2007: 253]. Русскому мировосприятию свойственно представление о том, что «время кольцом сворачивается в версты пройденного пути», а «вечность» понимается не как бесконечная длительность, а как «состояние абсолютного» [Там же]. В языке это выражается в превалировании вида над временем, в выражении будущего через модальность (*хочу пойти*), в идеализации прошедшего, которое воспринимается «уже не эмпирично, а само по себе уходит в область идеального». В.В. Колесов подчеркивает, что в русском времени нет середины, оно как бы погружено в пространство; его «безразмерность» объясняется тем, что ход времени определяется плотностью событий, а не механическим отсчетом [Там же].

Представления о времени у китайцев имеют глубокие связи с философией «天人 – (единство человека и природы)» и идеей «天道循环 (круговорота Небесного Пути)», которые подчеркивают гармонию человека с природой и цикличность времени. Время часто метафорически представлено природными явлениями, такими как реки и солнце, как непрерывное и регулярное изменение. Кроме того, под влиянием древней иерархии и традиций письма для восприятия времени широко используются пространственные категории «вверх» и «вниз» (например, «上半年» – «верхняя половина года»), а также наименования частей тела (например, «眼下» – под глазами) и бытовых предметов (например, «一炷香» – одна палочка благовония) для обозначения продолжительности времени. Подобная пространственно-временная модель восприятия времени отражает специфику языкового сознания китайцев и в определенной мере соотносится с аналогичными явлениями в русском языке.

В последние годы понятие «время» в китайском и русском языковом сознании стало одной из актуальных тем психолингвистических исследований. С помощью свободного ассоциативного эксперимента Чжао Цюе и Чэнь Мэйюй характеризуют этнокультурные особенности восприятия времени у китайских русских и студентов, отраженные во временной лексике китайского и русского языков [Чжао, Чэнь 2023]. У Даньфэн выявляет особенности представлений о времени в русском языковом сознании на основе анализа слова *время*, глаголов, обозначающих понятие «время», а также пословиц, связанных с временной тематикой [У 2023]. На основе указанных исследований можно сделать предварительный вывод о сходствах и различиях представлений о времени в китайской и русской языковых картинах мира.

С одной стороны, в языковом сознании как китайцев, так и русских существует общее базовое восприятие времени, что обуславливает сходство их языковой картины

мира. В обеих культурах сохраняются следы циклического восприятия времени. Например, в китайских идиомах: «周而复始» (повторяющийся круг времени), «日复一日» (день за днем); в русском языке: *день за днем, год за годом, круглый день/месяц/год.*

С другой стороны, образ времени в китайской и русской языковых картинах мира различается как в когнитивной структуре ассоциаций, так и в культурных установках.

Во-первых, различие проявляется в типах ассоциативных связей. В китайском языковом сознании преобладают парадигматические (категориальные) ассоциации, которые отражают тематические и культурные связи. Например, на стимул «年» (год) испытуемые чаще реагируют словами: «过年» (отмечать Новый год), «新年» (Новый год), «年糕» (Нянь гао, новогодний торт из пропаренного клейкого риса). В русском языковом сознании доминируют синтагматические (ситуативные) ассоциации, связанные с конкретным жизненным опытом или грамматическими контекстами. Например, на стимул **ГОД** часто встречаются реакции: *високосный, рождения, змеи.*

Во-вторых, различия касаются субъектной роли времени. В китайском языковом сознании время часто не является непосредственным субъектом высказывания. Основное внимание уделяется действиям человека, которые происходят в определенный момент времени. Например, в выражениях «我在上课» (я на уроке), «我要去考试» (я собираюсь сдавать экзамен) субъектом выступает человек, а время задается лишь контекстом или вспомогательными словами. В русском языковом сознании время часто наделяется субъектными свойствами, действует как активная сила. Примеры: *Год прошел, месяц пролетал, день кончился, час пробил, минута прошла, время летит.* Такое активное участие времени в речевых конструкциях русского языка связано с его богатой глагольной системой. Эта особенность проявляется в специфичности формировании языковой картины мира и языкового сознания русских. **В-третьих,** различия существуют на культурно-психологическом уровне. В китайской культуре подчеркивается ограниченность времени и его высокая ценность. Это отражается в пословицах: «一寸光阴一寸金» («Мгновение времени – золотая ценность») и «逝者如斯夫» («Прошедшее течет как вода», из «Лунь юй» – книги, содержащей основы конфуцианства). В русской культуре более заметно покорное отношение к течению времени, осознание неизбежности течения времени и фатализм: «*Всему свое время, Поживем – увидим*», «*Когда рак на горе свистнет*».

Таким образом, сходным в представлении о времени в русском и китайском языковом сознании являются элементы циклического восприятия, но культурные и психологические различия между китайцами и русскими обуславливают неповторимые способы выражения и осмысления данного концепта.

III. Эмоции

Восприятие, выражение и регуляция эмоций являются неотъемлемой частью языковой картины мира. Хотя сами эмоции как психофизиологические переживания во многом универсальны, способы их вербализации и интерпретации в языке формируются под влиянием культурных норм и отражают особенности языкового сознания носителей конкретной культуры. Так, например, *русская тоска* – это особое душевное состояние, характерное, по мнению многих исследователей, именно для русских, а потому обозначающее его слово не имеет прямого эквивалента в других языках, что значительно затрудняет его перевод.

Как подчеркивает В.И. Шаховский, эмоциональная картина мира отражает не саму реальность, а ее эмоциональную интерпретацию языковой личностью

[Шаховский 2019: 38]. По его словам, «человек эмоционально переживает то, что отражает (интерпретирует) и фиксирует это переживание как видовой эмоциональный опыт в языковых знаках-эмотивах, которые хранят этот опыт сколь угодно долго и воспроизводят его при необходимости в виде эмоциональных образов мира» [Там же].

Китайская культура традиционно ориентирована на поиск «золотой середины», гармонию межличностных отношений и внутреннее душевное равновесие. Как гласит древняя мудрость, «不以物喜, 不以己悲» («Не радоваться вещам и не печалиться из-за своих неудач»). Подобные установки во многом обусловлены влиянием конфуцианской философии, которая придает особое значение роли ритуала («礼 礼») в регулировании социальных взаимодействий и предотвращении конфликтов. В контексте выражения эмоций это проявляется в склонности к сдержанности и заботе о сохранении «лица» (面子). В официальных и публичных ситуациях китайцы обычно избегают открытых эмоций. Они используют эвфемизмы, мягкие формулировки и косвенные выражения, чтобы уменьшить напряженность и сохранить гармонию в общении. В китайской культуре эмоциональные выражения часто смягчаются с помощью частиц «有点» (немного), «稍微» (чуть-чуть), «可能» (возможно / может быть), косвенных конструкций и сниженной интенсивности.

Напротив, в русском языке сильные эмоции выражаются напрямую, часто с использованием эмоционально окрашенных глаголов и существительных: *радоваться – радость, злиться – злость, грустить – грусть, бояться – страх, смущаться – смущение*. В русском языке часто используются конкретные и образные метафоры, а также эмоционально окрашенная лексика. Обычно акцент делается на прямом выражении собственных внутренних переживаний. Примеры: *у меня тоска; мне тяжело на душе; душа болит*.

Согласно исследованию Т. Корниловой и Ч. Чжоу, носители китайской культуры демонстрируют более высокий уровень эмпатии, особенно когнитивной, по сравнению с русскими [Корнилова, Чжоу 2021]. При этом китайские испытуемые чаще придерживаются константности эмоций, тогда как русские чаще проявляют установки на контроль и изменяемость эмоций. Эти результаты показывают, что эмоциональные установки тесно связаны с культурными моделями восприятия себя, своих и чужих чувств, и, следовательно, формируют национально-специфические особенности языковой картины мира. Однако исследований, в которых сравнивается эмоциональная языковая картина мира русских и китайцев с помощью ассоциативного эксперимента, крайне мало, и это направление требует дальнейшего изучения.

Выводы

Языковая картина мира как совокупность представлений о мире, отраженная в языке, в большей степени фокусируется на отношениях между триадой «реальность, мышление и язык». В рамках психолингвистического подхода исследование языковой картины мира позволяет выявить, на какое содержание сознания опирается носитель той или иной культуры при формулировании мысли, предназначенной для передачи другому. Сравнительный анализ русской и китайской языковых картин мира, в свою очередь, дает возможность глубже раскрыть культурно-специфические особенности языкового сознания и выявить когнитивные различия в восприятии, интерпретации и вербализации окружающей действительности у двух народов.

© Чан Тяньчжоу, 2025

Литература

Абросимова Т.В., Андреева Т.А. Философские аспекты русской языковой картины мира // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых / под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во Донецкого национального университета, 2017. С. 323–324.

Апресян Ю.Д. Избранные труды том I лексическая семантика 2-издание, исправленное и дополненное. М.: Восточная литература, 1995. 472 с.

Арекеева Ю.Е. Философские аспекты языковой картины мира // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 51–59, doi:10.24412/2713-0231-2022-5-51-59.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. 3-е изд. СПб.: Прайм Еврознак, 2002. 632 с.

Калашиников В.Г. Языковая картина мира как психологический контекст // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 5-2. С. 426–429.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Ин-т нац. модели экономики, 1994. 367 с.

Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 640 с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Корнилова Т.В., Чжоу Цюци. Эмпатия и имплицитные теории эмоций и личности (на китайской выборке) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 114–143, doi:10.11621/vsp.2021.01.05.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 296–299.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. 1988. С. 8–69.

Сыров В.Н. Значение «Картины мира» в современной науке и философии // Картина мира: модели, методы, концепты: Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых. 2002. С. 17–22.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение (МО) – новая онтология анализ языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: изд-во Эйдос, 1996. С. 7–22.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ФГБУН Институт языкознания РАН, 2000. С. 24–33.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–47.

Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИрГТУ. 2014. № 9(92). С. 340–347.

Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 2(10). С. 18–25.

Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 2004. С. 6–17.

Хуан Тяньдэ. Национально-культурная специфика оппозиции «свой-чужой» в языковом сознании русских и китайцев: дис... канд. филол. Наук. 2017. 200 с.

Чжан Синьвэй. Языковая картина мира в аспекте психолингвистики // БГЖ. 2016. № 4 (17). С. 129–130.

Шаховский В.И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.

Языковое сознание: формирование и функционирование / под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Ин-т языкознания, 1998. 255 с.

吴丹凤. 俄语语言世界图景中的时间概念和观念, 中国俄语教学, 2023, 42(1): 30–38 / У Даньфэн. Концепт и представления о времени в языковой картине мира русского языка // Преподавание русского языка в Китае. 2023. № 42(1). С. 30–38.

杨国枢. 中国人的价值观—社会科学观点. 北京: 中国人民大学出版社, 2013 / Ян Гошю. Ценности китайцев: взгляд социальных наук. Пекин: изд-во Народного университета Китая, 2013. 369 с.

赵爱国. 语言文化学论纲. 哈尔滨:黑龙江人民出版社, 2006 / Чжао Айго. Очерк лингвокультурологии. Харбин: Народное издательство провинции Хэйлунцзян, 2006. 255 с.

赵秋野, 陈美玉. 基于时间词联想场的汉俄语言意识和时间认知模式对比研究. 解放军外国语学院学报, 2023, 46(4): 93–101 / Чжао Цюе, Чэнь Мэйюй. Сравнительное исследование языкового сознания и моделей временной когниции в русском и китайском языках на основе ассоциативного поля временных слов // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2023. Т. 46. № 4. С. 93–101.

Сведения об авторе:

Чан Тяньчжо – аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Россия, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. фак-тов

ORCID: 0009-0007-4691-4050

e-mail: tianzhuo98@mail.ru

Для цитирования:

Чан Тяньчжо. Психолингвистический подход к изучению языковой картины мира на материале русского и китайского языков // Вопросы психолингвистики. 2025. №3(65). С. 118–129, doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-118-129

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-118-129

Research article

A PSYCHOLINGUISTIC APPROACH TO THE STUDY OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES²

Chang Tianzhuo

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

The notion of the “worldview”, understood as a systematized set of representations of reality, is fundamental and can be approached from multiple perspectives, including physical, philosophical, psychological, scientific, and others. There are many ways of externalizing the worldview, one of them being the “linguistic worldview”. The relationship between the worldview and the linguistic worldview may be described as that of the whole and its part. As an object of interdisciplinary inquiry, the linguistic worldview is characterized by fluid boundaries, subjective perception, and a speculative nature. This paper explores the philosophical and psycholinguistic foundations of the linguistic worldview and compares the key categories in the Russian and Chinese languages – identity, time, and emotions – taking into account the specific features of linguistic consciousness and cultural particularities as reflected in the meanings and associative fields of these categories. The findings contribute to a deeper understanding of the interaction between language and culture and may be applied to optimizing intercultural communication and improving language teaching.

Keywords: psycholinguistics; worldview; linguistic worldview; linguistic consciousness; intercultural communication; national and cultural specificity

© Chang Tianzhuo, 2025

Bionotes:

Chang Tianzhuo – PhD Student of the Department of General and Historical-Comparative Linguistics, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University

Contact information:

Leninskie Gory, MSU, 1 Humanities, Faculty of Philology, Moscow, Russia, 119991

ORCID: 0009-0007-4691-4050

e-mail: tianzhuo98@mail.ru

For citation:

Chang Tianzhuo. A psycholinguistic approach to the study of the linguistic worldview in Russian and Chinese languages // Journal of Psycholinguistics. 3(65), 2025. P. 118–129. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2025-65-3-118-129 (In Russian)

² This study was supported by the National China Scholarship Council program, No. 留金欧[2024]10 (Project ID: 202308090914).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сибирское отделение Российской академии наук (СО РАН)
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
(ИФЛ СО РАН)
Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет (НГУ)
Гуманитарный институт (ГИ НГУ)
Научно-образовательный центр межкультурных исследований
им. А.А. Леонтьева (ИП РАН)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

23–25 октября 2025 года в новосибирском Академгородке будет проводиться всероссийская научная конференция с международным участием **«Русская языковая личность в межнациональном общении»**. Ранее по данной тематике в Новосибирске проводились ежегодные заседания Круглого стола: в 2023 году в рамках плана мероприятий по проведению в Содружестве независимых государств Года русского языка как языка межнационального общения, а в 2024 году Круглый стол был посвящен 300-летию РАН. Записи докладов и общую информацию об уже проведенных заседаниях Круглого стола можно найти на сайтах ИФЛ СО РАН и НГУ.

https://www.philology.nsc.ru/conf/rus_yaz_lich_2024.php

В 2025 году организационный комитет Круглого стола **«Русская языковая личность в межнациональном общении»** принял решение провести его в формате конференции, чтобы расширить тематические блоки и создать благоприятные условия для участия молодых исследователей.

В качестве одной из ключевых тем 2025 года в рамках данной конференции предлагается: **«Образ мира русской языковой личности в диалоге отцов и детей»**.

Предполагается обсудить широкий круг междисциплинарно изучаемых вопросов, связанных с:

- онтогенезом языковой личности, ее развитием в новых информационно-технологических условиях;
- спецификой (и общностью) наполнения содержанием образа мира в разных регионах страны;
- характером социо-коммуникативных установок и интенций, отражающих новый технологический и цивилизационный уклад жизни у молодежи;
- внедрением цифровых технологий в практику образования и профессиональную лингвистическую (филологическую) деятельность; оценкой последствий и результативности их применения в формировании профессиональной языковой личности лингвиста (филолога);
- трансформацией смыслового поля российской культуры на рубеже веков и особенностями диалога отцов и детей в новых условиях;
- экспликацией сохранности (и/или утраты) «мест памяти народа» у РЯЛ в межпоколенческом измерении;
- историческими, цивилизационными и этнополитическими аспектами межнационального (межкультурного) взаимодействия, вопросами иноязычного

- (инокультурного) влияния на образ мира участников межкультурной коммуникации;
- формированием и изучением вторичной языковой личности; искусственного билингвизма.

Планируется также обсуждение следующих методологических и теоретических проблем:

- возможность психолингвистического изучения потенциально конфликтогенных установок с учетом межцивилизационных противоречий и последствий открытых межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве;
- отражение интенциональности языковой личности носителя российской цивилизации в языках и литературе народов РФ и сопредельных регионов.

В открытом дискуссионном формате в рамках Конференции запланированы также следующие мероприятия:

Круглый стол: «Культурно-историческая психология, цифра и языковая личность» под руководством главного научного сотрудника Института философии и права СО РАН, д-ра философских наук Сергея Алевтиновича Смирнова.

Проблематика: Проблема трансформации языковой личности в ситуации цифровизации и виртуализации различных сфер жизнедеятельности. Проблема поиска объяснительных моделей, описывающих феномен трансформации личности в ситуации цифровизации. Роль культурно-исторической психологии в выработке подобных моделей.

Секция: «Формирование межкультурных компетенций языковой личности в академической среде» под руководством зав. кафедрой межкультурной коммуникации Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, канд. филологических наук, доцента Анны Леонидовны Соломоновской.

Дискуссионная панель: «Большие языковые модели и практики развития: конкуренция за человека. О роли LLMs (LargeLanguageModels) в образовании».

С участием разработчиков моделей и систем с искусственным интеллектом.

Ведущие: Смирнов С.А., д. филос. н., г.н.с. ИФПР СО РАН, заведующий лабораторией аналитики потоковых данных и машинного обучения, канд. физико-математических наук Евгений Николаевич Павловский.

Проблематика: Внедрение языковых генеративных моделей в обучение и самообучение. Проблема границы их использования. Проблема замены активного субъекта генеративной моделью. Проблема субъектности в образовании и науке. Эффективность языковых моделей в обучении и исследовании. Пределы эффективности их использования. Феномен ухода человека как активного субъекта и замены его языковой моделью. Аутсорсинг языковых функций. Редукция языковой и речевой практики в ситуации аутсорсинга.

Проведение открытого урока на базе Лицея №130 в Академгородке с элементами гуманитарной экспертизы. Открытый урок и его обсуждение.

Учитель начальных классов Татьяна Викторовна Лось.

Проблематика: Цифра в обучении. Онтогенез языковой личности. Опыт гуманитарной экспертизы практики внедрения цифры в обучение. Использование цифровых образовательных платформ в обучении в начальной школе. Цифра

в обучении как средство и умный посредник-ассистент. Учитель как посредник и цифра как посредник и помощник учителя в обучении: распределение функций. Изменение традиционных представлений об онтогенезе личности в ситуации массовизации практик внедрения цифры в повседневность и обучение.

Экскурсия в Интегральный музей-квартиру в Академгородке. Круглый стол в музее.

Проблематика: Коммеморативные практики и их роль в формировании коллективной памяти у языковой личности. Память места. Следы времени. Запечатленное время.

Проблема сохранения и утраты памяти места. Знаково-символическое пространство обитания. Языковая среда города.

На примере г. Новосибирска и Академгородка.

С участием сотрудников музея города Новосибирска и Интегрального музея-квартиры Академгородка. Заведующий музеем А.Г. Близнюк.

Конференция пройдет в смешанном (очно-заочном) формате. Оплата проезда, питания и проживания для очных участников осуществляется за счет командирующей стороны.

Для участия в работе Конференции необходимо отправить заявку (см. форму заявки) и текст аннотации доклада объемом не более 2000 знаков с пробелами по адресу электронной почты a.tkach@g.nsu.ru на имя ответственного за связь с участниками Конференции научного сотрудника сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН Анастасии Игоревны Ткач.

По окончании Конференции организаторы опубликуют сообщение о представленных докладах в журнале «Вопросы психолингвистики». Участники могут представить статьи по материалам докладов для опубликования в журналах «Вопросы психолингвистики», «Сибирский филологический журнал» и «Вестник НГУ». Информация о возможности опубликования сборника тезисов конференции будет предоставлена позднее.

Форма заявки

Фамилия Имя Отчество	
Дата рождения	
Место работы и должность	
Ученая степень, ученое звание	
Почтовый адрес с индексом	
Контактный телефон	
Электронный адрес	
Форма участия (очная – слушатель, докладчик; заочная)	
Тема доклада	

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Филологический факультет
приглашает Вас принять участие в
Международной научно-практической конференции
«Язык. Культура. Коммуникация»

Дата проведения: 12-13 ноября 2025 г., 10.00

Место проведения: конференц-зал ПГУ им. Т.Г. Шевченко, корп. 1, онлайн-формат
Оргкомитет приглашает всех желающих ученых, научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и магистрантов принять участие в работе конференции.

Направления работы конференции:

1. Язык, текст, коммуникация: теория и практика гуманитарных исследований;
2. Русская литература как культурный феномен;
3. Актуальные направления исследований межкультурной коммуникации, лингвистики текста и дискурса;
4. Инновационные образовательные технологии обучения родному и иностранным языкам в школе и в вузе;
5. Проблемы перевода в аспекте межкультурной коммуникации;
6. Журналистика и медиакommunikation: традиции и инновации.

Форма участия в конференции: выступление (очное участие в офлайн- или онлайн-режиме), публикация материалов (заочное участие).

Языки конференции: русский, молдавский, украинский, немецкий, французский, английский.

Для участия в конференции просим **до 10.10.2025 года** направить в Оргкомитет **заявку**, включающую тему доклада и авторскую справку: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы или учебы участника, почтовый адрес, e-mail адрес, контактный телефон и **материалы для публикации** прикрепленным файлом **на электронный адрес в соответствии с выбранным направлением конференции:**

Язык, текст, коммуникация: теория и практика гуманитарных исследований	lingualism@yahoo.com
Русская литература как культурный феномен	lingualism@yahoo.com
Актуальные направления исследований межкультурной коммуникации, лингвистики текста и дискурса	kassarechi@mail.ru
Инновационные образовательные технологии обучения родному и иностранным языкам в школе и в вузе	inna_kazakova91@mail.ru
Проблемы перевода в аспекте межкультурной коммуникации	konf.perevod.2025@mail.ru
Журналистика и медиакommunikation: традиции и инновации	julia-polia@mail.ru

Оргкомитет конференции оставляет за собой право отбора и редактирования материалов для публикации.

Оплата проезда, питания и проживания осуществляется за счет командирующей стороны.

Рассылка материалов конференции участникам: каждый участник получает бесплатно сборник конференции, публикацию своей статьи, индексацию ее в eLIBRARY (РИНЦ) и электронный сертификат установленного образца об участии в конференции по электронной почте. **Издание сборника статей по материалам конференции планируется во втором квартале 2026 г.**

Контакты:

Язык, текст, коммуникация: теория и практика гуманитарных исследований

Тел. +(373)77761365

Русская литература как культурный феномен

Тел. +(373)77761365

Актуальные направления исследований межкультурной коммуникации, лингвистики текста и дискурса

Тел. +(373)77700021

Инновационные образовательные технологии обучения родному и иностранным языкам в школе и в вузе

Тел. +(373)77798114

Проблемы перевода в аспекте межкультурной коммуникации

Тел. +(373)77841976

Журналистика и медиакоммуникации: традиции и инновации

Тел. +(373)77868884

*Организационный комитет
международной научно-практической конференции
«Язык. Культура. Коммуникация»
просит ознакомить с данным информационным письмом заинтересованных
специалистов.*

*Благодарим за проявленный интерес!
Надеемся на плодотворное сотрудничество!*

**ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания и стилистики
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Центр коммуникативных исследований
имени профессора Иосифа Абрамовича Стернина**

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие
в XI Всероссийской научной конференции
с международным участием

**«Стернинские чтения: Значение как феномен
актуального языкового сознания носителя языка»**

31 октября 2025 года

Цель: разработка подходов и методик описания семантики слова и других языковых единиц как феномена языкового сознания.

Задачи: разработка концепции значения слова как феномена актуального языкового сознания; разработка методик описания значения как феномена языкового сознания; подготовка словарей языкового сознания, лингвистические и психолингвистические исследования разных уровней языка, современные методики преподавания русского языка как родного и иностранного, юрислингвистика.

Предполагаемые секции:

- Языковое сознание носителя языка
- Проблемы описания семантики слова
- Лексикографические проблемы описания лексических единиц
- Экспериментальные методы в исследовании семантики слова
- Психолингвистическая лексикография
- Психолингвистические проблемы дискурса
- Проблемы юрислингвистики и др.

Условия участия

До **15 октября 2025 г.** в оргкомитет необходимо прислать заявку для участия в работе конференции и статью (материалы доклада) для публикации в одноименном сборнике по электронной почте по адресу: a-rudakova@list.ru Рудаковой Александре Владимировне.

Форма участия – дистанционная

Убедительная просьба посылать заявку и материалы ДВУМЯ отдельными файлами в **ОДНОМ** письме (Иванов_заявка, Иванов_статья) на электронный адрес, указав в теме сообщения «Конференция».

ВНИМАНИЕ: оргкомитет оставляет за собой право отбора присланных материалов.

Участие в конференции для всех бесплатное. **Публикация материалов**

осуществляется за счет оргвзноса – 100 руб./страница. В письме о принятии заявки и статьи к публикации будут сообщены реквизиты для оплаты оргвзноса.

Сборник будет выпущен к началу работы конференции. Электронный вариант сборника и сертификаты участника будут разосланы не позднее 10 ноября 2025 г. Информация о сборнике будет размещена в РИНЦ, сборнику присвоен ISBN.

Стоимость 1 бумажного экземпляра сборника – 500 руб.

Стоимость пересылки сборника – 200 руб. (необходимость пересылки сборника должна быть отмечена в заявке).

Требования к оформлению материалов

- объем — 5-10 стр., шрифт Times New Roman, кегль — 14, абзац — 1 см, межстрочный интервал — 1; в таблицах – 12-14 кегль;
- поля – все по 2,5 см;
- без нумерации страниц;
- на первой строке — инициалы и фамилия автора, в скобках город (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- отступ — одна строка;
- на третьей строке — название статьи (начертание полужирное, прописными буквами, выравнивание по центру);
- отступ — одна строка;
- аннотация на русском и английском языках – 200-500 знаков;
- ключевые слова на русском и английском языках – 3-5 слов;
- текст статьи;
- иллюстративный материал выделяется *курсивом* без кавычек, анализируемые единицы в тексте — **полужирным** шрифтом;
- ссылки на литературу оформляются согласно ГОСТу 7.0.5–2008: [Иванов 1989], [Иванов 1989, с. 215; Петров 2009, с. 105];
- после текста статьи – список использованной литературы «Литература», включающий не более 10 источников; оформление согласно ГОСТУ 7.0.5–2008.

Контакты научного редактора сборника:

Адрес: г. Воронеж, площадь Ленина, д. 10, ауд. 32а (кафедра общего языкознания и стилистики), ауд. 12а (Центр коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина)

Рудакова Александра Владимировна – д.ф.н., заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики, директор Центра коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина

Телефон: +7(905)0515198, e-mail: a-rudakova@list.ru

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Кафедра общего языкознания и русского языка
Уральское психолингвистическое общество

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в **Международной научной конференции «Психолингвистические аспекты исследования речевой деятельности»**, которая состоится **28-29 ноября 2025 года (в смешанном формате)**.

Оргкомитет:

Гридина Татьяна Александровна, д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета – **председатель** оргкомитета (г. Екатеринбург, Россия);

Коновалова Надежда Ильинична, д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета – зам. председателя оргкомитета (г. Екатеринбург, Россия);

Бубнова Ирина Александровна, д.ф.н., профессор кафедры лингвистики и переводоведения ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (г. Москва, Россия);

Норман Борис Юстинович, д.ф.н., профессор (г. Минск, Беларусь);

Цонева Лиляна Михайлова, д.ф.н., профессор Велико-Тырновского государственного университета Св. Кирилла и Мефодия (г. Велико Тырново, Болгария);

Шарафутдинов Джалиль Рафаилович, к.ф.н., доцент Гуандунского государственного университета иностранных языков и внешних связей (г. Гуанчжоу, Китай);

Красноперова Евгения Сергеевна, к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, секретарь оргкомитета (г. Екатеринбург, Россия).

Модераторы секционных заседаний — преподаватели кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета:

Иванова Евгения Николаевна, к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой;

Ваулина Ирина Александровна, к.ф.н., доцент;

Гоголина Татьяна Владимировна, к.ф.н., доцент;

Чечулина Любовь Семеновна, к. ф.н., доцент.

В рамках заявленной проблематики предполагается обсуждение следующих вопросов:

- Психолингвистические аспекты изучения детской речи
- Лингвокреативность как психолингвистический феномен
- Психолингвистический эксперимент как метод изучения языкового сознания
- Психолингвистические аспекты исследования лексической и грамматической семантики

- Игровой дискурс современной языковой ситуации
- Круглый стол: «Психолингвистические технологии обучения русскому языку как родному и неродному»

Всем участникам конференции (очным и заочным) будут выданы сертификаты.

Заявки на участие и **аннотация доклада (150 слов)** принимаются в электронном варианте по адресу: linguacreativ@mail.ru (с пометкой «Конференция «Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности-2025») **до 15 ноября.**

Материалы докладов принимаются до 1 февраля 2026 г. и будут опубликованы в периодическом сборнике научных трудов «Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности» (**РИНЦ**) во втором квартале 2026 г.

Оргкомитет оставляет за собой право отклонения материалов, не соответствующих заявленной проблематике и/или заданным параметрам оформления.

Оргвзнос при условии принятия материалов к публикации – 600 р.

Для докторов наук публикация бесплатная.

Требования к оформлению материалов:

Материалы представляются в электронном (Microsoft Word) варианте.

Объем: 0,5 п.л. формат А4.

Шрифт: шрифт TimesNewRoman, кегль 12, интервал 1,0.

Все поля по 2 см, выравнивание по ширине.

Материалы **не должны** включать таблицы, схемы, диаграммы, графики и концевые сноски.

Список цитируемой литературы — не менее 15 наименований (**требование РИНЦ!**)

Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках (не менее 100 слов), а также указанием набора ключевых слов (в соответствии с требованиями к РИНЦевским публикациям).

Все материалы проходят проверку в системе Антиплагиат. Оригинальность – не менее 70%.

Хуан Тяньдэ
黄天德

ИДЕИ РОССИЙСКОЙ
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В КИТАЕ:
РАСПРОСТРАНЕНИЕ,
ПРИМЕНЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ

Хуан Тяньдэ. Идеи российской психолингвистики в Китае: распространение, применение и развитие. — М. — Ярославль: Издательство «Канцлер», 2025. 198 с. ISBN 978-5-907966-91-8

Данная книга посвящена исследованию идей российской психолингвистики, в частности, анализу этапов и перспектив их распространения в Китае. Исследование включает локализацию ключевых теорий (например, теории языкового сознания) и развитие концепций И.А. Стернина.

В работе рассматриваются следующие аспекты: применение ассоциативного эксперимента в психолингвистических исследованиях; особенности изучения русского языка студентами и магистрантами китайских вузов; вопросы усвоения русской лексики носителями китайского языка; когнитивный анализ русско-китайского перевода в психолингвистическом аспекте.

Приобрести книгу можно, связавшись с автором по e-mail: tiande-88@yandex.com

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы (см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Информация

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент дает обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

- 1 - Принять без изменений.
- 2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).
- 3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).
- 4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.
- 5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекцией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекцией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный номер ПИ ФС 77 - 87250 от 27.04.2024

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.pressa-rf.ru, www.akc.ru

Адрес редакции: 129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1

Телефон: (495) 120-10-22

Сайт: <https://mmamos.ru/science/sborniki-zhurnal-mma/>

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2025

© Авторы, 2025

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, Cyber-Leninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number ПИ ФС 77 - 87250 от 27.04.2024

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Editorial address: 129075, Moscow, st. Novomoskovskaya 15A building 1

Phone: (495) 120-10-22

Website: <https://mmamos.ru/science/sborniki-zhurnal-mma/>

© Moscow International Academy, 2025

© Authors, 2025

Подписано в печать 30.09.2025. Формат 70x100/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 8,87. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер»,

г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru